

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
ФЕДЕРАЛЬНОЕ АГЕНТСТВО ПО ОБРАЗОВАНИЮ
КУРГАНСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

\

ПРАВОВЫЕ ПРОБЛЕМЫ УКРЕПЛЕНИЯ РОССИЙСКОЙ ГОСУДАРСТВЕННОСТИ

Сборник научных трудов

Курган 2006

УДК 342(470)(066)

ББК 67.0я43

П69

Правовые проблемы укрепления российской государственности: Сб. науч. тр. - Курган: Изд-во Курганского гос. ун-та, 2006.- 179с.

В сборнике представлены статьи, посвященные правовым проблемам укрепления российской государственности. Работы, включенные в сборник, представляют исследования ученых-юристов, специализирующихся в различных областях юридической науки.

Настоящее издание предназначено для специалистов в области права, студентов вузов, обучающихся по специальности «Юриспруденция», а также для всех, интересующихся проблемами укрепления российской государственности.

Ответственный редактор Скиндрев Р.В.

ISBN 5-86328-751-9

© Курганский
государственный
университет, 2006

РАЗДЕЛ 1.

ТЕОРИЯ И ИСТОРИЯ ГОСУДАРСТВА И ПРАВА

А.С. Шабуров,
д-р юр. наук, профессор,
Уральская государственная юридическая академия

ГОСУДАРСТВЕННОСТЬ КАК ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКОЕ ЯВЛЕНИЕ И НАУЧНО-ТЕОРЕТИЧЕСКАЯ КАТЕГОРИЯ ГОСУДАРСТВОВЕДЕНИЯ

В современной России происходят колоссальные изменения, касающиеся всех сторон общественной жизни, в том числе и государственной организации: сущности, форм, механизма государства, направлений его деятельности. Перед обществом и государством встают новые направления и перспективы его развития. При выборе этих путей необходимо избегать субъективизма и волюнтаризма, исходить из реального положения дел. Несмотря на многочисленные заявления оппозиции об ошибочности современного политического курса, субъективизме происходящих изменений, последние имеют объективные предпосылки и научное объяснение. Поэтому существующие политические реалии требуют глубокого теоретического анализа, без которого невозможно определить правильное направление развития общества и государства.

В научной литературе, а еще чаще в публицистике высказывалось мнение, что Россия должна избрать западный путь развития, перенять все положительное, что есть в политической практике западных государств. Однако не меньшее число авторов едины во мнении, что западная модель либерально-демократического государства не пригодна для российской действительности. В частности, на это обращал внимание А.И. Солженицын. «Сейчас, - писал он, - у нас самовнушение, что нам никакого собственного пути искать не надо, ни над чем задумываться, - а только поскорее перенять, как делается на Западе. Но на Западе делается - еще ой как по-разному! У каждой страны своя традиция»[1].

Историю Отечества недопустимо каждый раз писать как бы «с чистого листа». Необходимы преемственность институтов и традиций общественного строя, устойчивость его основ. Игнорирование исторической справедливости и продолжения государственности, отказ от накопленного опыта ведет к ущербности и недолговечности закрепляемого строя. Не случайно в преамбуле Конституции Российской Федерации говорится о необходимости «возрождения суверенной государственности (подч. нами. - А.Ш.) России». В отечественной литературе в течение длительного времени происходила подмена понятия «государственность» выражением конкретных форм государства, которые объективно меняются и развиваются. При таком подходе силовое завершение этапа

советского социалистического периода государственности во многом подорвало основы государственности России вообще. Российская государственность реально существует и продолжается, не требуя первоначального образования.

Полагаем, что для определения исторического пути России, формирования Российского государства важно не просто изучать соответствующий период его развития, а осуществлять комплексное исследование России в ее историческом развитии, анализируя не *государство*, а *государственность*. Теоретический анализ российской государственности в ее многочисленных связях, аспектах, функциях дает возможность сформировать целостный взгляд на российскую действительность, с более широких позиций подойти к установлению места этой государственности в мировом сообществе, сориентировать на изучение государственности России как культурно-исторического феномена.

При характеристике исторического развития Российского государства нередко наблюдаются две крайности. Первая заключается в полном отрицании какой-либо специфики в развитии России. Основываясь на марксистско-ленинской теории последовательного развития исторических типов государства права, ее сторонники полагают, что Россия в своем развитии прошла все этапы исторического развития, в том числе рабовладение. Поскольку исторические факты рабовладения на Руси отсутствуют, доказывается наличие рабовладельческого государства «на территории нашей страны» (например, Урарту). Были попытки характеризовать положение славянских смердов как класс рабов. В соответствии с марксистской типологией государств порой доказывается факт последовательного развития феодального и буржуазного государства как предшественников социалистического государства в России.

Современные научные теоретические исследования показали ошибочность этих положений. Рабовладение не является обязательным условием формирования государственности. Более того, большинство регионов миновало эту стадию исторического развития, и государство там возникало сразу как раннефеодальное.

Не знала Россия и развитого буржуазного общества. Буржуазные отношения в ней на рубеже XX в. только начинали развиваться.

Поэтому в Российском государстве не получили развития такие атрибуты буржуазной государственности как парламентаризм, либеральная демократия.

Другая крайность исторического анализа заключается в попытке доказать самобытный, отличный от других государств путь развития России.

«Умом Россию не понять, аршином общим не измерить» - это афористическое поэтическое выражение нередко выступает в качестве аргумента в научных спорах.

Но более глубокий и не сводимый к каким-либо идеологическим догмам теоретический анализ позволяет заключить, что общие закономерности возникновения и функционирования государства, открытые и развитые теоретической государственно-правовой наукой, характерны и для Российского государства.

Вместе с тем, следует согласиться с выдающимся русским философом и государствоведом И.А. Ильиным, утверждающим, что «единого мерила, единого образцового строя для всех народов и государств нет и быть не может. И тот, кто вечно твердит «все через народ», обнаруживает свое верхоглядство и свою политическую неспособность»[2]. За многовековую историю Россия прошла различные этапы своего развития.

Это были периоды раздробленности и жесткой централизации, период мирного развития и многолетних войн, татаро-монгольское иго и борьба за мировое господство.

Разумеется, государство не могло быть одинаковым на всех этих этапах. Это были и периоды жесткого абсолютизма, и диктатуры пролетариата, и «общенародного государства». При этом нередко происходили коренные изменения в характере государства. Киевская Русь, Россия и СССР - это не одно и то же государство. Это принципиально иные государства по своему типу, формам, функциям.

С.М. Соловьев рассматривает Российское государство как единый исторический процесс, проходящий в своем развитии ряд этапов.

Первый период - период господства родового строя. Он продолжался со времен Юрика до времен правления Андрея Боголюбского.

Второй период - период борьбы родового и государственного строя - от Андрея Боголюбского до Ивана Калиты.

Третий период - период объединения русских земель вокруг Москвы - от Ивана Калиты до Ивана III.

Четвертый период - торжество государственного начала - от Ивана III до пресечения династии Рюриковичей и начала XVII в.

Пятый период - вступление России в систему европейских государств - от первых Романовых до середины XVIII в.

Шестой период - новый период истории России - от середины XVIII в. до реформ 1860 г. [3].

Иную мысль о периодизации развития Российского государства высказал Л.Н. Гумилев. В своей работе «От Руси до России» он высказывает мысль, что Древнерусское и Российское государство - два разных государства, хотя территория, на которой они расположены, в большинстве своем совпадает. Эту мысль поддерживают и отдельные современные российские исследователи [4].

В.О. Ключевский, признавая развитие Российского государства как единого государства, видел в нем различные исторические формы [5].

Подобные противоречия не случайны. Они возникают потому, что авторы путают два самостоятельных явления - государство и государственность, отождествляя их. Здесь мы согласны с позицией Синюкова В.Н., который, на наш взгляд, правильно утверждает, что не следует «путать российскую государственность с конкретными прерывными формами государства одноименных этносов. Киевская Русь, Московское государство, Российская империя, РСФСР, СССР, современная Россия - весьма разные государства и по территории, и по социально-экономическому, политическому строю, и по форме правления» [6].

Проблема государственности - новая теоретическая проблема отечественной науки, а категория *государственность* не вошла еще в категориальный аппарат государствоведения. В последнее время она используется отдельными авторами [7], однако без глубокого теоретического обоснования и разработки.

Наиболее широкое распространение получила концепция, отождествляющая эти явления. Нередко понятие «*государственность*» отождествляется с понятием «*государство*». Например, И.Ф. Ракитская в своей работе «Теория государства» термин

«государственность» использует едва ли не чаще, чем термин государство [8]. Однако, исходя из контекста видно, что, по сути, во всех случаях речь идет именно о государстве. Следовательно, автор не просто отождествляет эти понятия, а термины «государство» и «государственность» использует как синонимы.

Несколько с другой стороны, но столь же ограниченно трактуют государственность другие авторы. В частности, В.М. Орзих и М.Г. Смола, рассматривая правовое государство, характеризуют его как особую государственность [9].

Другие авторы отождествляют государственность не с государством как явлением, а лишь с его сущностью, основой - с государственной властью [10]. Однако это разные явления. Первое гораздо шире, полнее и богаче по содержанию.

В последние годы появились работы, в которых даются определения государственности. Так, И.Л. Бачило определяет государственность как форму выражения организованной властной воли людей к созданию и обеспечению современных форм общежития и совместной деятельности в рамках определенных границ территории, состава населения соблюдения суверенности своего и других народов [11].

Подобное понимание государственности весьма неопределенно. При этом здесь не прослеживается связь государственности с государством.

Интересное определение государственности дает Геннадий Бурбулис. По его мнению, «государственность – это сочетание фундаментальных базовых интересов большинства населения, совокупность институтов управления, организованных юридически последовательно, и та самая верховная власть, которая обеспечивает связь доминирующего интереса большинства населения с адекватным ему функционированием институтов управления» [12]. На наш взгляд, подробное определение достаточно расплывчато. Автор рассматривает явление государственности достаточно широко, включая в него не только государственно-властные и организационные структуры, но и такие субъективные явления, как интересы.

Правда автор, очевидно, чувствуя уязвимость определения, дает и иную, более узкую трактовку понятия. «В узком смысле, - полагает автор, - государственность есть структура власти и властных отношений в государстве, то есть определенная Конституцией система институтов и правил их взаимодействия» [13]. То есть в данном случае под государственностью понимается даже не само государство, а его структура, государственный аппарат и его функционирование.

Близка к этой позиция Ю.К. Краснова, изложенная в весьма интересной докторской диссертации, посвященной исследованию российской государственности [14]. Здесь автор в содержание государственности включает «государственно-правовой строй и государственно-правовые учреждения России в их эволюции на протяжении последних 10 веков». То есть автор в качестве составляющих государственности видит лишь государственно-правовой строй и учреждения. Но это опять же реалии конкретного государства на определенном этапе развития. Интересно, что автор не ограничивается конкретным периодом времени, а рассматривает динамику, изменение в течение длительного времени (10 веков). Отдельные авторы, не определяя содержания государственности, дают характеристику составляющих ее элементов. Так, А.Н. Кокотов в своей работе вводит термин «атрибуты государственности», в числе которых он видит Конституцию,

систему высших, центральных и иных органов, территорию, символику, гражданство, и др. Туда же он относит и суверенитет [15]. Полагаем, что здесь речь идет снова о государстве. Хотя, безусловно, такие указанные компоненты как территория, символика и др. характеризуют государственность.

Несмотря на указанные недостатки, за последние годы вышел ряд интересных работ, позволяющих более плотно подойти к исследованию проблемы государственности.

Так, достаточно много внимания исследованию вопросов государственности уделила Л.А. Морозова. В своих работах она специально подчеркивает необходимость разграничения понятий «государство» и «государственность». Последнюю она понимает как «свойство, качество, состояние общества на конкретном историческом этапе, качественную характеристику его элементов и институтов, составляющую основное содержание и определенную черту общества» [16]. В качестве компонентов государственности автор отмечает: государство, экономический строй, социальную организацию, духовно-культурную организацию и правовую систему. Подобную трактовку можно считать определенным шагом в развитии теории государственности. Однако полностью принять ее концепцию, на наш взгляд, нельзя. Автор специально подчеркивает, что «государственность – это свойство, качество, состояние общества на конкретном историческом этапе, качественная характеристика его элементов и институтов, составляющая основное содержание и определенную черту общества» [17]. Исходя из такого понимания государственности, Л.А. Морозова приходит к выводу, что самостоятельным компонентом государственности выступает человек [18]. Кроме него в качестве компонентов государственности автор выделяет экономический строй общества, его социальную и духовно-культурную организацию, а также правовую и информационную системы. Как видим, автор практически по содержанию уравнивает государственность и общество в целом. Широкую характеристику государственности, не сводящую ее исключительно к государству, мы наблюдаем и у Ю.А. Веденева. Не давая прямого понятия государственности, не характеризуя ее составляющих, автор достаточно подробно анализирует факторы, влияющие на динамику развития государственности, факторы, определяющие изменение последней. Весьма интересным и перспективным для дальнейшего развития проблем, на наш взгляд, является положение автора о связи государственности и цивилизации. Тем самым наряду с государственно-политическими явлениями в понятие государственности включаются и духовно-цивилизационные реалии [19]. Близка к этой позиция В.М. Лесного, который еще в середине семидесятых годов подчеркивал, что на формирование государственности оказывают влияние специфические особенности экономической, духовной и социальной сферы общества [20].

Как видим, несмотря на общность подходов по отдельным положениям, среди ученых нет единства в понимании государственности как явления и научно-теоретической категории.

Весьма интересной и объективной нам представляется концепция государственности, предложенная А.Б. Венгеровым, который понимает под государственностью (в данном случае российской) «преемственность и обновление политической, структурной и территориальной организации общества, т.е. государственно-правовые процессы, происходящие в течение длительного периода жизнедеятельности российского этноса» [21].

То есть автор понимает государственность как комплексное, развивающееся во времени явление.

Наиболее приемлемой нам представляется позиция Н.А. Рябина, посвятившего преемственности государственности специальное диссертационное исследование. Под государственностью Н.А. Рябинин понимает «особую форму организации общества, включающую в себя все государственно-правовые явления, динамически развивающиеся во времени, со специфическими, присущими им особенностями и закономерностями, возникшими под влиянием экономической, социальной, духовно-политической сфер общества» [22].

Учитывая рациональные моменты, содержащиеся в рассматриваемых концепциях авторов, полагаем возможным дать следующее определение государственности. *Под государственностью, на наш взгляд, можно понимать качественное состояние государственно организованного общества, определяемое устойчивостью и преемственностью конкретных исторических, национальных, культурологических и др. факторов.*

Следовательно, государственность не идентична государству и не сводится к нему.

- Государство – основной компонент государственности, отражающий внешнее ее состояние.

- Государственность – качественная характеристика общества, величина его территории, количество населения и др. количественные показатели государственность не характеризуют.

- Для государственности характерна стабильность, неизменность, традиционное сохранение и развитие определенных качеств.

Государственность обладает следующими свойствами:

- динамизм, под которым понимается постоянное изменение государственности в ходе исторического развития;

- конкретность, указывающая на то, что в реальности государственность – явление определенное, существующее в конкретном обществе, определенной цивилизации;

- системность, в которой отражается структурный состав и внутреннее строение государственности;

- целостность, придающая государственности единство и позволяющая говорить о государственности как о целом гармоничном явлении

Разумеется, государственность - не абстрактное понятие. Она выражается в конкретных государственно-правовых формах, в которых находят проявление определенные традиции и особенности, оказывающие влияние на различные стороны государственности, позволяющую ее характеризовать как конкретную государственность.

Поэтому можно говорить о российской государственности как специфической и самобытной. Она обладает отличительными качествами, определяемыми спецификой русской культуры, российского менталитета, особенностями исторического и политического развития России.

Условиями, предопределившими особенности российской государственности, являются различные факторы объективного и субъективного характера. Среди них определяющими являются многовековые российские традиции, которые и создали России самобытность и неповторимость.

В последние годы в отечественной науке появился ряд работ, в которых в той или иной мере рассматриваются традиции российской самобытности, специфики национальных черт и российской ментальности. При этом различные авторы отмечают самые различные особенности.

В качестве базисных называют чаще всего следующие элементы традиционного русского общества:

- общинность;
- соборность;
- державность;
- патриотизм;
- православие как форму коллективного сознания [23].

В отечественной литературе (как художественной, так и публицистической) дана достаточно глубокая характеристика русского народа, его особенностей. Подчеркивались они и в научной литературе. Среди них можно отметить следующие:

- отсутствие расчетливости, рациональной организации собственной жизни, надежда на «авось»;
- социальная апатия, лень, долготерпение и стоическая покорность судьбе;
- неразвитость чувства самооценки;
- наличие в культуре ярко выраженного религиозного компонента;
- коллективизм, общинность, соборность;
- невысокий ценностный статус частной собственности;
- патриархальное отношение к государственной власти;
- приверженность к традициям непосредственной «бытовой» демократии (народное вече, община, земство...);
- слабое осознание личностного фактора, прав личности и т.д.

Отдельные авторы отмечают вообще «оригинальные» особенности, характерные для России, ее населения. А.Б. Венгеров, например, отмечает такую специфику как вопрос «пития», т.е. употребления алкогольных напитков большинством россиян [24].

Кратко остановимся на наиболее значимых, на наш взгляд, особенностях.

Прежде всего, *это особенности русской жизни*, русского быта, на которые неоднократно обращали внимание исследователи [25].

Среди них отметим *патерналистские* традиции. Патернализм в сознании русского народа проявляется в осознании государственного властителя как «отца», благодетеля для всего народа. Отсюда идея о непогрешимости государственной власти, ее своеобразном обожевлении. Подданные государства должны слушаться государственную власть, ее представителей, выполнять их веления не под угрозой наказания, а из принципа необходимости и при этом возвеличивать, благодарить «отца» своего, дарующего подданным права, свободы и различные блага. Эта особенность была предопределена спецификой формирования русского общества, Российского государства. Интересна в этом отношении характеристика русской жизни, данная русским дореволюционным ученым К.Д. Кавелиным. В своей работе «Взгляд на юридический быт древней Руси» [26] он подчеркивал специфику национальных особенностей Руси, наложившую отпечаток на все дальнейшее развитие русского общества, в том числе и на его государственность.

На Руси отношения между феодальной и удельной системой выступают как отношения в семье. Это проявлялось в отсутствии сословий, рыцарства, монашеских орденов, специфическом месте церкви и т.д. (Эти особенности и по сей день проявляются в русской народной лексике: старшие по возрасту в деревнях определяются как «дядя», «тетя» и т.д. - т.е. как родственники, как члены одной семьи). Отсюда и роль главы семьи - отца, руководителя, старшего по положению и соответствующее к нему отношение.

Проявление патернализма - уважительное отношение не к праву, к закону, а к власти имущему, к его велениям, постановлениям, преклонение перед властью, а не перед правом.

Специфика общественной жизни нашла свое проявление в общине. Это была адекватная форма жизнедеятельности и хозяйствования, бытовая основа формы общественной экономики России. Отсюда и в сознании народа - не противопоставление общества и государства, а отождествление их, когда всякая власть воспринимается как естественная, необходимая и неизбежная. И как следствие - идеи обобществления, преимущественной защиты общественного перед личным. Попытки Столыпина разбить эти идеи и основы не были доведены до конца. Тем более они ничуть не поколебали нравственные и идейные основы российской государственности. Поэтому идеи обобществления, «раскулачивания», «коллективной собственности» и т.д. сравнительно легко были восприняты населением России после Октябрьских событий.

Общинное начало препятствовало формированию личности, которая является необходимым условием духовного и демократического прогресса, развития претворения в жизнь идеи свободы, независимости, права. В силу указанных причин личностное начало проявилось в России значительно позднее, чем на Западе и принципиально иным, более медленным путем - через распад родового быта, укрепление быта семейного, затем его распад и возникновение сильного государства.

С легкостью воспринимаются населением и различные тоталитарные идеи о роли вождя, отца народов, отца нации и т.п. идеи, характерные для тоталитаризма. Вождизм находил проявление как в период абсолютной монархии, так и в советский период, выражаясь во власти Генерального секретаря, вождя народов и т.д. Он не только порождал на практике и в сознании идеи авторитаризма, но и исключал возможность демократической формы замещения поста политического лидера. Одновременно это способствовало формированию сильной централизованной власти.

Особенности Российского государства были выражены уже в абсолютистском феодальном государстве. Если абсолютная монархия в Европе складывалась в условиях развития капиталистических отношений и отмены старых феодальных институтов (особенно крепостного права), то абсолютизм в России совпал с развитием крепостничества. Если социальной базой западноевропейского абсолютизма был союз дворянства с городами, то российский абсолютизм опирался в основном на крепостническое дворянство. В этих условиях укрепилась патриархальная идеология абсолютизма. Глава государства представляется как отец нации, отец народа, который любит и хорошо знает, чего хотят его дети. Он вправе их воспитывать, поучать и наказывать. Отсюда понятно и стремление к тоталитарному контролю всех сторон не только общественной, но и частной жизни.

Сильное централизованное государство - традиционная идея российской государ-

ственности. Необходимость централизации, объединения была поставлена необходимостью борьбы с татаро-монгольскими завоевателями, а позднее - иными национальными, экономическими и геополитическими причинами.

Определенный отпечаток на характер государственности наложил и извечный для нашего государства *национальный вопрос*. На протяжении веков Россия формировалась как многонациональное государство, причем национальные, этнические вопросы решались и на договорных отношениях, и насильственными средствами. Вопрос национального и административно - территориального деления всегда стоял на повестке дня политической деятельности России. Ее огромное территориальное пространство, включающее европейские и азиатские ареалы, различные условия и особенности существования этносов наложили отпечаток и на ее политический режим, и на форму и иные элементы форм государства. Для России одним из важных вопросов был вопрос соотношения национально-государственного и административно - территориального устройства, который решался по-разному. Однако в основе своей это был унитаризм. Он был характерен и для царской России, и для СССР, когда формально провозглашенный федерализм по сути своей являлся унитаризмом.

На особенность Российской государственности оказал влияние и *географический фактор*.

Россия находится на стыке между Европой и Азией, и с самого своего возникновения испытывала постоянное давление угрозы и с Востока (татаро-монголы), и с Запада (крестоносцы). Кроме того, Россия (а ранее СССР и царская Россия) существует в рамках огромной территории в Европе и в Азии. Размеры территории требовали и особой политической организации для защиты ее огромных сухопутных и морских границ, усложняли единое централизованное руководство, требуя его централизации и укрепления, что, в свою очередь, порождало увеличение управленческого аппарата, его волокиту и бюрократизм. (Интересно, что на роль территории в формировании государства обращал внимание еще Монтескье.)

Особенностью отличался и *процесс образования* централизованного русского государства. Объединение окраинных земель происходило зачастую путем их завоеваний, принудительного присоединения. Постоянная угроза отторжения, борьбы за освобождение национальных окраин требовала все большей централизации власти, возрастания роли армии, других силовых структур, повышения роли исполнительной власти в целом.

Огромное значение на организацию российской государственности оказал и *религиозный фактор*. Как известно, в свое время Владимир из существующих религий предпочел христианство, которое пользовалось постоянной поддержкой государства. Герцен указывал, что в древней Руси личность, освященная греческой церковью, обладала высоким даром смирения и добровольно передавала свою свободу особе князя. Воспитанный в христианском смирении и духе, русский народ многовековой христианской моралью был подготовлен к восприятию любой централизованной идеи, будь то идея мировой революции или построения развитого социалистического общества. Поэтому идеи демократизма не получили развития ни в общественном сознании, ни в политической практике, а любой тоталитарный режим воспринимался населением как адекватный

социальной действительности.

Сказанное наложило отпечаток как на форму, так и на механизм Российского государства. В указанных условиях идеи демократизма, свободы, равенства, братства с трудом пробивали себе дорогу в общественном мнении и еще труднее - в политической практике. И хотя в отдельные периоды существования монархии в России ее идеологией становились идеи просвещения, предпринимались попытки создания правовых основ государственности, эти идеи практического развития не получили.

За тысячелетнее развитие в России происходили довольно существенные изменения и в экономическом, и в политическом смысле. Но ее особенность такова, что все эти изменения проводились «сверху», представителями государственной власти, монархами-реформаторами или их представителями (Петр I, Екатерина, Александр II, Столыпин и т.д.). Философы называют это «перевернутой схемой развития», когда роль субъекта реформ играет государственная власть, в отличие от европейских стран, где существовали развитые общественные силы, заинтересованные в преобразованиях [27].

В силу этого в России всегда существовал разрыв между властью и обществом. Не был он устранен и после Октябрьской революции, в Советском государстве, в том числе и на этапе, определяемом как «общенародное государство». Эффективность проводимых в СССР политических и экономических преобразований определялась, прежде всего, силой государственной власти, ее умением влиять на общественные отношения, на народные массы, а не самими действиями этих масс.

Весьма существенное влияние на развитие национальных особенностей и традиций в развитии российской государственности, на формирование современного российского государства оказал более чем семидесятилетний период советского государства, государства диктатуры пролетариата, образовавшегося в результате социалистической революции (опять же организованной «сверху»).

Поэтому в современных условиях формирования принципиально нового по характеру государства необходимо учитывать все существующие особенности российской государственности. Российская государственность реально существует и продолжается, не требуя первоначального образования.

Список литературы

1. Солженицын А.И. Как нам обустроить Россию. Посильные соображения. М., 1990. С. 8.
2. Ильин А. Собр. соч. Т.2. Кн.1. М.: Русская книга, 1993. С.103-104
3. Соловьев С.М. Чтения и рассказы по истории России. М., 1989. С. 46.
4. Кашанина Т.В. Происхождение государства и права. М., 1999. С.109.
5. Ключевский В.О. Курс русской истории. Ч.1. М., 1987. С.159.
6. Синюков В.Н. О форме федерации в России // Государство и право. 1993. № 5. С.23.
7. См.: Бачило И.П. Факторы, влияющие на государственность // Государство и право. 1993. № 7; Веденеев Ю.А. Теория и практика переходных процессов в развитии российской государственности // Государство и право. 1995. № 1. Шабуров А.С. Теоретические вопросы российской государственности. Екатеринбург, 1998. Морозова Л.А. Проблемы современной российской государственности. М., 1998.
8. Ракитская И.Ф. Теория государства. СПб., 1999.
9. Орзих М.В., Смола М.Г. Человеческое измерение в формировании правовой государ-

- ственности // Советское государство и право: проблемы развития: Межвуз. сб. научных работ. Самара: Изд-во Самарского гос. университета, 1992. С. 7.
- 10.См: Кирлов А.Д. Региональные особенности становления новой российской государственности // Политические исследования. М., 1998. С.104.
- 11.Бачило И.Л. Указ. соч. С. 20.
- 12.См: Становление новой российской государственности : реальность и перспективы (Открытый доклад). М.: Изд. УРСС, 1996. С.16.
- 13.Там же. С. 16.
- 14.Краснов Ю.К. Российская государственность: генезис, эволюция институтов, проблемы модернизации: Автореф. дис. д-ра юр. наук. М., 2000. С. 12.
- 15.Кокотов А.Н. Русская нация и национальная государственность. Екатеринбург: Изд. УрГЮА, 1994. С. 71.
- 16.Морозова Л.А. Указ. соч. С. 10.
- 17.Там же.
- 18.Там же. С. 12.
- 19.Веденеев Ю.А. Теория и практика переходных процессов в развитии российской государственности //Государство и право. 1995. № 1.С. 114-116.
- 20.Лесной В.М. Социалистическая государственность: закономерности происхождения и функционирования. М.,1974.
- 21.Теория государства и права. Ч.1 Теория государства /Под ред. Б. Венгерова. М.,1995. С.179.
- 22.Рябинин Н.А. Преемственность государственности: Автореф. дис.... канд. юр. наук. Екатеринбург, 2001. С.6.
- 23.См: Теория государства и права / Ред. В.М. Корельский, В.Д. Перевалов. Екатеринбург, 1996. С. 187.
- 24.Венгеров А.Б. Теория государства и права: Учебник. М., 1998. С. 235-238.
- 25.См: Соловьев С.М. Чтение и рассказы по истории русского народа. М., 1989. С. 28.
- 26.См: Кавелин К.Д. Наш умственный строй. М., 1989. С. 12 и сл.
- 27.Морозова Л.А. Проблемы современной российской государственности. М., 1998. С. 21.

Ж.С. Жайкбаев

канд.юр.наук, доцент, Курганский государственный университет

СУДЕБНЫЙ НОРМОКОНТРОЛЬ В ОБЕСПЕЧЕНИИ СООТВЕТСТВИЯ НОРМАТИВНЫХ ПРАВОВЫХ АКТОВ СУБЪЕКТОВ ФЕДЕРАЦИИ ФЕДЕРАЛЬНОМУ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВУ

В современных условиях формирования единого правового пространства на территории страны особую актуальность приобретают вопросы внутренней гармонизации законодательства Российской Федерации. Учитывая, что Россия – это федеративное государство, где государственная власть разделена между центром и субъектами Федерации, которые в рамках своих предметов ведения и полномочий осуществляют собственное правовое регулирование, встает проблема согласованного развития федерального законодательства и законодательства субъектов Федерации.

Соотношение регионального законодательства и федерального законодательства

построено на том, что федеральная Конституция является для них юридической базой. Существуют конституционные положения о высшей юридической силе Конституции России, о необходимости соответствия любых правовых актов, в том числе нормативных правовых актов субъектов Федерации, российской Конституции (ч.1 ст.15; п. «а» ч.1, ст.72; п.1 раздела 2 «Заключительные и переходные положения Конституции РФ»).

Наряду с термином, выражаемым словами «не должны противоречить» (ч.1 ст.15 Конституции РФ), «в части, не противоречащей» (п.2 разделе 2) и другими, в Конституции России используется термин «соответствие» (п. «а» ч.1 ст.72). Непротиворечие – это отсутствие логически противоположных или противоречивых мыслей об одном и том же предмете, взятом в одно и то же время и в том же отношении. Противоречить - означает «не соответствовать, быть несовместимым, заключая в себе противоречия. Следовательно, «непротиворечие» идентично понятию «соответствие», что можно трактовать как «соотношение между чем-нибудь, выражающее согласованность, равенство в чем-нибудь или чему-нибудь в каком-нибудь отношении, гармонию». И наоборот, термин «несоответствие» подразумевает существование противоречия.

Сопоставление вышеперечисленных норм Конституции России позволяет сделать вывод о содержании этих терминов: они выражают недопустимость нарушения, отклонения, расхождения. Их одновременное использование в Конституции обусловлено особенностями содержания отдельных ее норм при их формулировании в соответствии с требованиями юридической техники и для достижения необходимого смысла. В обоих случаях речь идет о соответствии нормам и институтам Конституции России, т.е. об отсутствии противоречий, а не о структурном и текстуальном сходстве.

Существование в федеративных государствах федерального законодательства и законодательства субъектов федерации всегда порождает вопрос об их отношении и соответствии. В самой общей форме он решается на основе верховенства федерального законодательства и подчиненности законодательства субъекта федерации. Целью конституционного соответствия является обеспечение единого правового поля, без которого невозможно функционирование Российской Федерации как целостного государства. Статус субъектов Российской Федерации, их право иметь собственное законодательство чрезвычайно усложнили структуру правовой системы Российской Федерации. Налицо две правовые системы: общефедеральная и правовые системы субъектов Федерации. Вполне естественно, что в таких условиях необходим механизм, который стоял бы на страже обеспечения единства всего законодательства, гармонично сочетающего интересы как Федерации в целом, так и отдельных ее субъектов, и гарантировал бы соблюдение установленной иерархии правовых актов, на вершине которой стоит общефедеральная Конституция [1]. Если не добиться строгой иерархии, соответствия федерального и регионального законодательств, то правовая система Российской Федерации станет одним из источников общественно-политической и социально-экономической дестабилизации.

Существующие в законодательстве России и ее субъектов противоречия заставляют искать эффективные правовые средства, позволяющие, с одной стороны, выявить и устранить коллизии, содержащиеся в законодательстве субъектов Федерации, а с другой стороны, создающие такой специальный механизм предварительного контроля, который позволил бы предотвратить или значительно сократить их появление в законо-

творчестве субъектов Федерации. В этих целях в ряде прокуратур субъектов Российской Федерации даже созданы специализированные рабочие группы по надзору за законностью правовых актов, принимаемых в субъекте Федерации, в задачи которых входит также участие в судебных заседаниях по оспариванию положений таких актов. В судах многих субъектов Федерации выделены судьи, полностью специализирующиеся на рассмотрении подобных дел.

Однако анализ практики работы судебных органов по приведению законодательства субъектов Российской Федерации в соответствие федеральному законодательству заставляет усомниться в существовании твердой научно-обоснованной методологической основы такой деятельности. Самая расхожая мотивировка судебных органов, рассматривающих дела о признании нормативных правовых актов субъектов Российской Федерации противоречащими федеральному законодательству, - что они не соответствуют федеральному законодательству. Но что же включается в понятие «не соответствуют»? Чему? Общей политике государства, юридической силе, федеративному устройству, характеру юридической техники?

Этимология слова «соответствовать» в русском языке означает находиться в соответствии с чем-нибудь, быть с чем-либо согласованным. Иначе говоря, это итог согласования определенного объекта с другим объектом[2]. Применительно к соотношению категорий «федеральное законодательство» и «законодательство субъектов Российской Федерации», исходя из приведенной логики, за первичный (базовый) объект берется федеральное законодательство, а за вторичный – законодательство субъектов Федерации.

Термин «соответствовать» для определения соотношения двух уровней российского законодательства стал довольно широко использоваться лишь в последнее время. В целом ряде федеральных законов, в их заключительных положениях, содержатся нормы о порядке и сроках приведения законодательства субъектов Федерации в соответствие с этими законами. Тем самым должно обеспечиваться соответствие законодательства субъектов Федерации федеральному законодательству, или другими словами, приведение его в соответствие с последним первоначально рассматривалось в позитивном смысле как определенная работа, которую нужно осуществить, после принятия федеральных законов. И лишь потом, как о результате невыполнения этого требования, заговорили о несоответствии законодательства субъектов Федерации федеральному законодательству, причем следует подчеркнуть, что не отдельным федеральным законам, а всему федеральному законодательству.

Такой подход нашел проявление в некоторых указах Президента Российской Федерации, решениях Конституционного Суда России, а особенно ярко – в решениях судов общей юрисдикции.

Анализ судебной практики позволил выявить несколько подходов к пониманию судьями термина «несоответствие» актов субъектов Российской Федерации федеральному законодательству.

Нередко суды при рассмотрении подобного рода дел под несоответствием понимают любую несхожесть актов субъектов Российской Федерации и аналогичных нормативных документов федерального уровня. Суды при этом не утруждают себя выяснением содержательной стороны дела. Несответствия нередко признаются отличающиеся сло-

весно, но идентичные по содержанию формулировки.

Суды, к сожалению, избегают попыток давать толкования тех или иных норм с учетом положений других актов законодательства субъектов Федерации. Вместо этого идут по самому простому, но не лучшему пути – предписывают один к другому продублировать в актах регионального уровня формулировки федеральных актов.

В качестве несоответствия или противоречия суды нередко признают отсутствие в нормативном правовом акте субъекта Российской Федерации ссылок на акт федерального уровня. Однако этого, по их мнению, достаточно для признания оспариваемого документа незаконным.

Чем обусловлены непоследовательность и различия в позициях судебных органов по вопросу согласования нормативных правовых актов субъектов Российской Федерации с федеральным законодательством? Думается, причин здесь несколько.

Во-первых, главная причина кроется в отсутствии четкой, апробированной на практике методологии сопоставления нормативных документов федерального уровня и уровня субъектов Федерации, установления факта несоответствия или противоречия между этими актами и признания нормативного документа или его части недействительным. Из-за данного пробела суды часто по собственному усмотрению, на свой страх и риск, методом проб и ошибок разрешают подобные дела. При этом с целью перестраховки, при обнаружении любых различий между актами федерального уровня и уровня субъектов Федерации нередко спешат признать последние недействительными (недействующими).

Во-вторых, отсутствие у судей необходимого опыта рассмотрения дел о признании нормативных актов субъектов Федерации несоответствующими федеральному законодательству и, как следствие этого, недействительными (недействующими). Еще каких-нибудь пять-шесть лет назад подобные дела встречались крайне редко. Их количество резко возросло, начиная с 1999 года, в рамках развернувшейся по всей стране масштабной деятельности по согласованию законодательства субъектов Федерации с Конституцией РФ и федеральным законодательством. В очень короткий срок сотни законов субъектов Российской Федерации, в том числе многие положения конституций и уставов, были признаны недействующими и не подлежащими применению. При этом довольно часто наблюдался формальный подход, когда не проводились соответствующие юридические экспертизы, в должной мере не заслушивались объяснения сторон. То же положение, к сожалению, в значительной степени сохраняется и сегодня.

В-третьих, чрезмерная загруженность судов общей юрисдикции не позволяет им обстоятельно, с учетом всех нюансов, квалифицированно рассматривать и разрешать дела этой категории. Анализ практики рассмотрения этих споров показывает, что судьи вследствие отсутствия у них необходимого времени не вникают в существо оспариваемых документов без рассмотрения вопросов компетенции правотворческих органов.

Представляет определенный интерес сравнение деятельности судов общей юрисдикции и Конституционного Суда Российской Федерации. Дела о признании актов субъектов Федерации недействительными (недействующими) сродни делам, которые рассматривает Конституционный Суд. И там, и здесь необходимо уяснить содержание нормативного правового акта, его логику, концепцию, связь с другими нормативными доку-

ментами и только тогда выносить вердикт о его законности. По мнению М. А. Митюкова, суть конституционного правосудия – это научно-аналитическая деятельность, а не деятельность простого приложения применения права, которым занимаются суды общей юрисдикции. Суды общей юрисдикции, как бы к ним ни относились, не готовы и долго еще не будут готовы решать проблемы конституционно-уставного характера [3]. Конституционное судопроизводство – яркий пример того, как осторожно и внимательно, с глубоким знанием дела нужно относиться к нормативным правовым актам, прежде всего законам, которые принимаются представителями народа, в особом порядке, на протяжении длительного времени, в результате жарких дискуссий и споров. Не случайно фактическая их отмена судами общей юрисдикции в течение одного или двух судебных заседаний некоторыми депутатами законодательных органов субъектов Федерации оценивается весьма эмоционально – как неуважение к ним и их работе. Нельзя с этим не согласиться. Поэтому во время судебного разбирательства в судах общей юрисдикции отношение к законам субъектов Российской Федерации должно быть предельно внимательным и уважительным.

Говоря об общих подходах к установлению несоответствия нормативных правовых актов субъектов Российской Федерации нормам федерального законодательства, следует отметить, что юридической наукой уже давно выработаны общие подходы к разрешению подобных коллизий. Важнейшим среди них является уточнение полномочий право творческих органов, которыми приняты эти нормативные документы. Это позволяет определить, в ведение какого органа входило установление такой нормы. Только под призмой полномочий можно определить, какому акту законодательства нужно отдать предпочтение, а какой, в случае необходимости, признать недействующим (недействительным). При этом далеко не всегда срабатывает правило: решение центрального органа обладает большей юридической силой, чем решение регионального, тем более если речь идет о федеральных органах власти и органах власти субъектов Федерации, которые обладают относительной самостоятельностью.

К сожалению, суды, рассматривая подобные дела, фактически не учитывают данное обстоятельство и однозначно считают, что акты федерального законодательства обладают большей силой, чем акты законодательства субъектов Федерации. В связи с этим в случае обнаружения коллизии между ними предпочтение отдают первым, хотя на самом деле многие оспариваемые нормы составляют предметы ведения субъекта Российской Федерации и было бы более верным решением признать недействительным норму федерального законодательства.

Однако суды, как правило, всячески избегают попыток ставить под сомнение легитимность федеральных актов, в том числе законов. Для них куда проще «откорректировать» нормативный правовой акт субъекта Федерации, чем его аналог, принятый на федеральном уровне.

Список литературы

- 1. Шульженко Ю.Л. Самоохрана Конституции Российской Федерации. М.: Институт государства и права Российской Академии наук, 1997. С. 4.*
- 2. Ожегов С.И. Словарь русского языка. М.: Русский язык, 1980.*

3.28 июня 2002 года Комитет Совета Федерации по конституционному законодательству провел «круглый стол» на тему «Конституционные (уставные) суды субъектов Российской Федерации».

А.Г. Битюков

канд.ист.наук, доцент, Курганский государственный университет

ЗАКОНОДАТЕЛЬНОЕ ЗАКРЕПЛЕНИЕ СОСЛОВНОГО СТАТУСА ГИЛЬДЕЙСКОГО КУПЕЧЕСТВА РОССИИ В XVIII – ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XIX В.

Социальное положение основных сословий дореволюционной России всегда подвергалось строгому законодательному регулированию. Торгово-предпринимательская деятельность в сколько-нибудь крупных масштабах являлась особой сферой, куда длительное время допускались исключительно лица, получившие особую государственную привилегию, вступавшие в ряды купеческого сословия. Государство выступало главным регулятором общественных отношений, а право-дееспособность субъектов строилась на системе сословных привилегий. Государственная политика имела своей целью законодательно создать средний класс общества.

В системе законодательства Российской империи конца XVIII – первой половины XIX в. можно выделить законодательство о состояниях, нормы которого регулировали общественные отношения, связанные со статусом отдельных сословных групп, в том числе и купечества, которое в исторической науке традиционно рассматривается как полупривилегированное сословие. Само понятие сословия как отмечает М.А. Исаев, до сих пор не послужило предметом должного юридико-исторического исследования. По его мнению, сословия в России *de jure* так никогда и не были созданы в действительном и завершённом виде, как они существовали в Западной Европе. Он отмечает, что в России, в отличие от западноевропейского их образца, сословия были включены в государственный аппарат, были сделаны частью общей государственной машины управления [1].

В.О. Ключевский определял сословия как «классы, на которые делится общество по правам и обязанностям» [2]. В русском дореволюционном праве сословиями или «состояниями» признавались «такие группы подданных, для которых законы государства устанавливают различные права и обязанности и которым подданный принадлежит наследственно» [3].

Законодательство XVII в. четкого выделения купцов из числа жителей посада не делает. Купцы (гости, торговые люди) упоминаются в законах наряду с посадскими. Петр I выделял купечество из среды посадских жителей, но, учреждая органы городского самоуправления, объединил торговых людей и посадских их формально равными правами. Однако уже во второй половине XVIII в. купечество получило особый статус среди непривилегированных сословий. Согласно манифесту от 17 марта 1775 г. «О высочайше дарованных разным сословиям милостях по случаю заключения мира с Пор-

тою Османской», устанавливалось новое правило для записи в купечество в зависимости «от объявляемого ими по совести капитала». Статус купца определялся, таким образом, не занятиями, т.е. торговлей, а размером капитала. Манифест определял минимальный размер купеческого капитала в 500 руб. Как отмечает Н.В. Козлова, в результате в состав купечества не попало не только большинство прежних купцов третьей гильдии, но и часть высших разрядов купечества [4].

Манифест положил начало сословно - податной реформе Екатерины II. В Именном указе от 25 мая 1775 г. устанавливались размеры капиталов, требуемых для записи купцов в первую, вторую и третью гильдии. Купцы выделялись из остального городского населения лишь размерами имущества, и любой разбогатевший мещанин мог записаться в купцы, равно как и несостоятельный купец записаться обратно мещанином.

Тогда как мещане платили государству подушную подать, купечество вместо подушной подати получило право вносить в казну однопроцентный сбор с величины объявленного капитала. Объявление капиталов и соответственно запись в гильдии осуществлялись ежегодно в течение декабря. Сенатский указ от 28 июля 1775 г. допускал объявление купцами капиталов по гильдиям через «верющие письма» (доверенности) [5].

Косвенно данный порядок налогообложения способствовал сохранению больших купеческих семейств, поскольку неотделенные сыновья не уплачивали ни сбора с купечества, ни подушной подати, и тем не менее были причислены к купеческому сословию, пользовались предоставленными ему личными привилегиями. В результате капиталы не дробились, что на стадии раннего развития капитализма способствовало укреплению российского предпринимательства.

Во второй половине XVIII в. торговое сословие было также освобождено и от личной рекрутской повинности. С тех пор желание избежать воинского призыва стало мощным стимулом для выборки гильдейских свидетельств и пополнения купеческой корпорации и являлось важнейшей привилегией «торгово-промышленного класса». По указу 1783 г. каждый купец получил возможность откупиться от государства взносом определенной суммы в казну – 500 руб. [6]. Государство, законодательно стимулируя увеличение числа купцов, стремилось не только развивать предпринимательство, но и реализовывало свои фискальные интересы.

Доступ в купечество был открыт всем состоятельным людям, независимо от происхождения. Для причисления в купечество требовалось лишь уплатить гильдейский сбор по новому состоянию. Так, п. 6 Именного указа от 16 ноября 1781 г. устанавливал, что «из рабочих людей, по городам записанных, кои со времени записи их в сие звание, быв добропорядочного поведения, пожелают ..., имея капитал..., в купечество, таковых причислять не возбраняется» [7]. Определенные трудности при записи в купечество встречали представители духовенства и крестьянства. Так, дети священно- и церковнослужителей не могли быть записаны в купечество без «увольнения от Синода». Выйти из крестьянского состояния можно было лишь при наличии должным образом оформленного увольнения от помещиков или от дирекции экономии, в ведении которой находились казенные, дворовые и экономические крестьяне [8].

Окончательное оформление гильдейской сословной корпорации произошло 21 апреля 1785 г., когда Екатерина II подписала грамоту, определявшую статус органов

городского самоуправления, горожан в целом и отдельных групп городского населения. Как и большинство нормативных актов XVIII в., она не имела названия, хотя имелся заголовок «Грамота на жалующие от ее величества права и выгоды городам Империи Всероссийской». Сенат, издав грамоту отдельной брошюрой, озаглавил ее как «Городовое положение».

В «Городовом положении» в ст. 64 по-новому были определены размеры капиталов, требуемых для зачисления в купеческое сословие: купцы 1-й гильдии объявляли капитал от 10 до 50 тыс. руб., 2-й – от 5 до 10 тыс. руб., 3-й – от 1 до 5 тыс. руб. Однако эти размеры были достаточно подвижными и уже в 1794 г. последовал именной указ «считать в купечестве третью гильдию от двух тысяч до осьми тысяч рублей, вторую гильдию от осьми тысяч до шестнадцати тысяч рублей и первую гильдию от шестнадцати тысяч и до пятидесяти тысяч рублей» [9].

Городовое положение 1785 г. в ст. 92 четко установило, что записаться в купечество дозволялось «всякому, какого бы кто ни был рода или поколения, или семьи, или состояния, или торгова, или промысла, или рукоделия, или ремесла, кои за собою объявят капитал» [10]. Крепостное состояние в данном случае не имелось в виду. Характерно, что закон не содержал ограничений ни по признаку пола, ни по признаку возраста, хотя логически для вступления в купечество должно было предполагаться достижение гражданского совершеннолетия. Тем не менее, верхний возрастной предел отсутствовал. Следует также заметить, что во всех случаях закон делал оговорку, что «кто объявит более капитал, тому дается место перед тем, кто объявит менее капитала» [11]. Определенное значение это могло иметь при заключении подрядов с казной, откупах и т.д.

Купец и члены его семьи должны были быть внесены в книгу городских обывателей. Доказательствами купеческого состояния и принадлежности к городскому обществу по Городовому положению (ст. 78) служили: «гильдейский лист за руками гильдейского старшины и двух человек в той же гильдии вписавшихся свидетелей»; указы, грамоты или листы «с прописанием состояния или промысла»; определение суда; гильдейское свидетельство о капитале за подписью гильдейского старшины и двух купцов от той же гильдии; казначейские расписки, «утверждающие доверие в знатности торгова... или доказующие... объявление по совести капитала»; торговые и таможенные книги; счета; наличные товары; корабли; исправность подряда или откупа; оплаченные в срок векселя; купчие и закладные; «договоры и доверия многих»; иные доказательства, «утверждающая состояние и обнадеживающая капитал» [12].

После принятия Городового положения каждой гильдии давался особый статус. Прежде всего, это касалось масштабов их торговой деятельности. Купцы первой гильдии могли вести торговлю как внутри, так и вне империи, как оптом, так и более мелкими партиями. Кроме того, первой гильдии не запрещалось «иметь или заводить фабрики, заводы и морския всякия суда». Купцам второй гильдии разрешалась оптовая и розничная торговля лишь внутри империи, свободное передвижение с товарами как «водою», так и «сухим путем по городам и ярманкам». Второй гильдии не запрещалось иметь или заводить фабрики, заводы и речные суда. Обе гильдии освобождались от телесных наказаний (ст. 104, 107, 110, 113 Городового положения). Купцы третьей гильдии могли производить мелочный торг по городу и по уезду, продавать мелочный

товар в городе и в округе по селам, селениям и сельским торжкам оптом и в розницу. Третьей гильдии не запрещалось иметь станы, производить рукоделия и иметь и содержать малые речные суда. Особо третьей гильдии дозволялось «иметь трактиры, герберги, торговые бани и постоялые дворы для проезжих и прохожих людей» (ст. 116 – 118 Городового положения) [13]. Закон не содержал никаких ограничений торговых оборотов, каких-то особых запретов, и в целом отражал идею о свободе предпринимательства.

Личной привилегией купцов первой гильдии было право ездить по городу «в карете парю», тогда как купцам второй гильдии дозволялось только «ездить по городу в коляске парю», а купцам третьей гильдии запрещалось «по городу ездить в карете и впрягать зимою и летом более одной лошади» (ст. 106, 112, 119 Городового положения) [14]. Как показывают исторические источники, среди купечества было очень развито подражание дворянству, его быту.

Купцы, поскольку они не находились на государственной службе, не могли получать чинов на основе Табели о рангах. Однако за особые заслуги им жаловались чины. Купцы, пожалованные чином и состоящие в гильдиях, имели исключительное право быть допущенными к казенным подрядам и откупам [15].

Однако купеческое состояние по законам империи не было ни наследственным ни даже пожизненным. Гильдейский взнос требовалось платить ежегодно, а его неуплата влекла перечисление купца в мещане. Согласно именному указу от 23 июня 1794 г., «каждый из купечества, получающий наследство, при вступлении во владение оным долженствует заплатить единовременно в казну... один процент с капитала того, после которого он приемлет наследство» [16]. Наследники купеческого капитала, чтобы получить и права состояния, обязаны были уплатить гильдейский взнос.

Законодательство эпохи Екатерины II, закрепляя за купцами права торговли, ограничивало другие сословия в этой сфере. Сенатский указ от 26 октября 1790 г. запрещал дворянам записываться в гильдии и пользоваться выгодами, присвоенными одним купцам. Крестьянам, «кои торгуют в лавках и отъезжими торгами и в домах имеют кожевенные и иные какие промыслы», если они не захотят записываться в посады, запрещалось вести торговлю, иметь промыслы и «сидеть» в лавках [17].

Органы городского самоуправления по городовому положению 1785 г. формировались от разных групп городского населения с учетом интересов купечества. В городе избиралась общая Городская дума, в которую входили городской глава и гласные (депутаты) от пяти групп городского населения. Каждая купеческая гильдия раз в три года избирала своих представителей, и в целом купечество города в общей городской Думе было представлено тремя гласными и, соответственно, одним гласным в шестигласной Думе [18].

Купечество конца XVIII в. представляло собой особое сословие, вступление в которое было сопряжено с ежегодным «объявлением» капитала и уплатой необходимых гильдейских взносов. Вступавшие в сословную корпорацию получали закрепленные в законе привилегии личного характера, а также права на занятие торгово-предпринимательской деятельностью.

В первой половине XIX в. в законодательном регулировании социально-правового статуса купечества продолжились тенденции, намеченные в предшествующий период.

Правительство, повышая имущественный ценз для вступления в гильдии, в то же время стремилось наделить новыми «правами и выгодами» лиц купеческого звания. Манифестом Александра I «О дарованных купечеству новых выгодах, отличиях, преимуществах...» от 1 января 1807 г. купцам дозволялось создавать торговые товарищества (полные и на вере), право записываться в гильдии получили только русские подданные; дворянам также было разрешено записываться в 1-ю и 2-ю гильдии; с представителей всех гильдий снималась «денежная рекрутская повинность» [19].

Дальнейшее развитие социально-правовой статус купечества получил с принятием в 1824 г. Дополнительного постановления об устройстве гильдий. Причиной издания нормативного акта послужила «неопределенность торговых постановлений, не сведенных с 1785 г. в какой-либо устав», что побудило нового министра финансов графа Е.Ф. Канкрин приступить к консолидации коммерческого права. С введением нового положения в России начала действовать заимствованная из Франции патентная система обложения торговли и промыслов, сохранившаяся вплоть до 1917г.

Принадлежность к гильдии теперь должна была подтверждаться именованным свидетельством на право торговли, которое сохраняло юридическую силу до конца финансового года. «Объявление капитала» стало формальностью, так как купцы были освобождены от обязанности представлять к просмотру и засвидетельствованию свои книги.

Как сказано в записке графа Е.Ф. Канкрин в Государственный Совет, постановление имело цель «доставить купеческим капиталам средства обращаться со всею свойственной им быстротою, в том кругу их, который принадлежит им по мере их обширности и, вместе с тем, возбудить и в низших классах желание вступить в гильдии и через то способствовать как распространению народной промышленности, так и умножению государственного дохода» [20].

Внутренний (в пределах всей страны) и заграничный «оптовый торг» разрешался как купцам 1-й гильдии, так и 2-й, с условием для купцов 2-й гильдии, что их «заграничная торговля не может простираться свыше 300 тыс. руб.», а стоимость одной партии товаров – 50 тыс. руб. Торговля и промыслы купцов 3-й гильдии ограничивались пределами города и уезда. Купцам всех трех гильдий закон предоставлял право «иметь магазины, кладовые, погреба (купцам 3-й гильдии не более 3-х), заключать частные контракты, вступать в подряды и откупа. Далее отметим, что на купцов 2-й гильдии распространялось право содержать гостиницы, а особой привилегией купцов первой гильдии являлось исключительное право открывать страховые конторы и заниматься «банкирскими делами» [21].

Внутренняя структура гильдейского купечества была основана на сословной иерархии прав. Привилегированной верхушкой были купцы 1-й и 2-й гильдий, а основная масса была представлена купцами 3-й гильдии. Вместе с тем, она представляла купцам низшей гильдии возможность, укрепив свое финансовое положение, продвинуться наверх. Открытое по своему характеру, наделенное льготами и привилегиями, купечество привлекало в свои ряды зажиточных представителей непривилегированных сословий. Право вступать в купечество получили лица «всех свободных состояний», кроме находившихся на государственной службе дворян, служителей культа (независимо от религии), нижних воинских чинов. Выдача свидетельства и приписка новых членов в обще-

ство проводилась в уездном казначействе. Причисление из гильдейской корпорации одного города в гильдейскую корпорацию другого города осуществлялось на основании подачи прошения с приложением паспорта и осуществлялось «без истребования на то увольнения от прежнего их общества, по распоряжению самих казенных палат» («Свод учреждений и уставов торговых», Т. II, статья 35) [22].

Для получения из уездного казначейства купеческого свидетельства городские мещане и представители крестьянства должны были представить «увольнительные приговоры» своих прежних обществ. В них проверяли, не числится ли за просителем недоимок или не состоит ли он в рекрутской очереди. Просьбы о перечислении из других сословий в купечество рассматривались в купеческих обществах. В 1844 г. купцы и мещане г. Кургана одобрили намерение государственного крестьянина Владимирской губернии Вязниковского уезда П.М. Марфутина записаться в купцы на 1845 г., выдав ему специальный документ, в котором подчеркнули: «Мы на таковое желание совершенно согласны и в сословие свое его приемлем... потому что он жительствует в Кургане в собственном доме и производит здесь торг 14 лет, имея на то торговое свидетельство 3-го рода». Выдавая такое «одобрение», городское купечество брало на себя ответственность за вновь прибывшего перед фискальными органами по месту жительства [23].

В «Своде учреждений и уставов торговых», опубликованном в 1857 г., мы находим положение, что общества имели право отвергать прошения купцов и мещан, однажды из своих обществ исключенных, лишенных каких-либо личных прав, изблеченных в злонамеренном банкротстве [24].

Купечество как особое торговое сословие имело свою систему несения повинностей. Купеческая община избрала старосту, который отвечал за взимание податей. Сборы с купцов поступали в окружные и уездные казначейства и служили немаловажными источниками государственного дохода и пополнения городского бюджета. С введением в 1824 г. дополнительного постановления об устройстве гильдий, для определения размеров податей были сохранены размеры объявляемых капиталов, установленные в 1807 г. Впоследствии указом 1839 г. промысловые пошлины были исчислены на серебро, а минимальный капитал для купцов 1-й гильдии определен в 15 тыс. руб. серебром, для 2-й гильдии – 6 тыс. руб. серебром, и для 3-й гильдии – 2,4 тыс. руб. серебром.

Свобода передвижения купцов в первой половине XIX в. ограничивалась действовавшей в России паспортной системой. На временный отъезд из города по торговым делам на ярмарку купец обязан был получить паспорт. «Для получения паспорта, - как отмечает П.Г. Рынзюнский, - горожанин должен был заплатить сполна за весь срок отлучки денежные подати, государственные и местные». В Кургане при получении паспортов мещане платили 5 руб., купцы 3-й гильдии 25 руб., купцы 2-й гильдии – 50 руб. [25] Несостоятельным купцам очень сложно было поправить пошатнувшееся материальное положение, заключив где-нибудь выгодную сделку. Имея право на торговлю по всей стране, купцы 1-й и 2-й гильдий связывались паспортной системой, устанавливающей максимальный срок отлучки до одного года.

Купеческое общество представляло собой корпоративную организацию. В 1861 г. вышел указ Сената, разрешавший купеческим обществам столичных губернских и уез-

дних городов (в которых числилось не менее 30 капиталов), исключать из купечества 3-й гильдии лиц, «опороченных судом или замеченных в явных пороках... не дожидаясь судебного приговора» голосованием и письменным засвидетельствованием его не менее чем двумя третями от всех их членов, имеющих право голоса. В связи с чем, шадринскому купцу П.И. Шестакову было объявлено предупреждение, что «если он от нетрезвой жизни и буйств не удержится», будет исключен из купеческого общества [26].

Принадлежность к купеческому сословию давала его членам дополнительные личные права. В положении о гильдиях 1824 г. определяется список должностей (от городского головы до «депутата при разных местах»), которые купцы всех трех гильдий обязаны были занимать в случае избрания или назначения. «Все прочие низшие должности» оставались за мещанами, но и в том только случае, если «купцы не пожелают принять их». Купцам 1-й гильдии разрешалось носить губернский мундир, они могли получать звания коммерции советников, ордена за особо важные заслуг [27].

Законодатели уже в 1824 г. выделили высшее гильдейское купечество в особую категорию, определив, что «купечество 1-й гильдии не почитается податным состоянием, но составляет особый класс почетных людей в государстве». В 1832 г. вышло постановление о почетном гражданстве. В XIX в. к нему причислялись купцы, безвыходно состоявшие в 1-й гильдии не менее 20 лет и «не опороченные судебными приговорами» или несостоятельностью, получавшие российские ордена, звания коммерции или мануфактур советников. Звание это являлось потомственным и передавалось их вдовам и детям. Во всех актах купец имел право называть себя почетным гражданином [28].

Семейно-имущественные отношения в купеческой среде отличались большой спецификой. До принятия «Дополнительного постановления об устройстве гильдий» 1824 г. купечество пользовалось неопределенностью нормативных актов. Вся купеческая семья считалась живущей под одним общим капиталом. Сведения о ней купец подавал в ежегодных прошениях на зачисление в купечество. Однако законодательство четко не определяло круг родственников, который купец имел право записать в общий капитал. Это приводило к развитию обширной «подыменной» торговли. Иногда даже посторонние между собой люди числились в одном семейном капитале, а производили торговлю порознь. Новое постановление содержало закрытый перечень лиц, причисляемых к купеческой семье. Кроме жены, детей и внуков, купец имел право включить в свидетельство родных братьев и незамужних родных сестер. Званием купца пользовался только глава семьи, свидетельства на торговлю и билеты на лавки выдавались на его имя. Прочие члены семьи именовались купеческими детьми, братьями, внуками и т.д. и обладали теми же сословными правами и привилегиями. Деловые отношения в купеческой семье носили лично-доверительный, фидуциарный характер. Остальные ее члены были вправе вести торговлю только по доверенности от «начальника семейства». Доверенность позволяла торговать на правах той гильдии, в которой состоял купец, срок ее заканчивался в конце года с обязательным финансовым отчетом. Согласно этому документу, ответственность за деятельность членов семейства нес сам купец, договора и контракты заключались на его имя, он же мог в любой момент и «уничтожить» доверенность или совсем исключить из «общего капитала» [29]. Принадлежность к купечеству не передавалась по наследству, но получатель имущества независимо от степени род-

ства с наследодателем имел субъективное право приобрести сословные права. Целая серия указов (23 июня 1794 г., 29 декабря 1796 г., 24 ноября 1821 г.) установила порядок, по которому «каждый из купечества, получающий наследство, при вступлении во владение оным, должен платить одновременно в казну однопроцентные деньги с капитала того, после которого он примет наследство, в какой бы он с ним не состоял степени родства» [30].

В исторической литературе встречается точка зрения, что по действовавшим в конце XVIII – первой половине XIX в. законам купечество не являлось сословием в точном смысле этого слова, поскольку права купечества были не только не потомственными, но и не пожизненными и зависели лишь от вступления в гильдии. В купеческом сословии наблюдалась довольно высокая социальная подвижность, так называемая «ротация кадров». На наш взгляд, в классическом смысле о купечестве можно говорить не как о сословии, а как о правовом состоянии. Однако по многим социально-правовым признакам купечество можно отнести и к особому торговому сословию со свойственными ему атрибутами замкнутой корпорации. К последним можно отнести особую систему повинностей, ряд купеческих сословных привилегий. Семейно-имущественные отношения в купеческой среде тоже имели свою специфику. В первой половине XIX в. сословие было открыто для приема новых членов, однако еще существовала система поручительства для вступления в гильдии.

Список литературы

- 1.Исаев М.А. *Лекции по истории русского права и государства. Вып. 3. Ч. 1. М., 2001. С. 195 - 197.*
- 2.Ключевский В.О. *История сословий в России. М., 1998. С. 6.*
- 3.Эгиазаров С.А. *Лекции по русскому государственному праву. Вып. 3. Состояния в России. Киев, 1907. С. 8.*
- 4.Козлова Н.В. *Российский абсолютизм и купечество в XVIII веке (20-е - начало 60-х годов). М., 1999. С. 7.*
- 5.Законодательство Екатерины II. Т. 2. М., 2001. С. 55.
- 6.Исторический очерк обложения торговли и промыслов в России с приложением материалов по торгово-промышленной статистике. СПб., 1893. С. 98-100.
- 7.Законодательство Екатерины II. С. 55.
- 8.Там же.
- 9.Там же.
- 10.Там же.
- 11.Там же.
- 12.Там же. С. 90.
- 13.Там же. С. 94 – 95.
- 14.Там же.
- 15.Там же. С. 57.
- 16.Там же. С. 120.
- 17.Там же.
- 18.Там же. С.116 – 117.
- 19.Исторический очерк обложения торговли и промыслов... С. 105-109.
- 20.Там же. С.109-112.
- 21.ГАГШ, ф.474, оп.1, д.153, л.3-6.
- 22.ГАКО, ф.8, оп.1, д.4, л.127; Свод учреждений и уставов торговых. ПСЗ. 1857. Т.II.

Ч.2. С.9.

23.ГАКО, ф.8, оп.1, д.4, л.90, 157, 158. Рындзюнский П.Г. *Городское гражданство дореформенной России*. М., 1958. С. 154-157.

24.Свод учреждений и уставов торговых. ПСЗ. 1857. Т.II. Ч.2. С.7-8.

25.Рындзюнский П.Г. Указ. соч. С.167; ГАКО, ф. 8, оп.1, д.17, л.22, д.110, л.1-9.

26.ГАГШ, ф.474, оп.1, д.890, л.28.

27.ГАГШ, ф.474, оп.1, д.153, л.8-9.

28.Рындзюнский П.Г. Указ. соч. С.171-172; *Свод законов Российской империи*. СПб., 1899. С.46.

29.ГАГШ, ф.474, оп.1, д.153, л.6-14.

30.ГАКО, ф.8, оп.1, д.5, л.124.

О. А. Возутович

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ РОССИЙСКОГО ПРАВОСОЗНАНИЯ

Категория «правосознание» привлекала внимание исследователей еще в дореволюционной России. Первая попытка создать теорию правосознания была предпринята П.И. Новгородцевым в его труде «Введение в философию права. Кризис современного правосознания», созданном еще в начале XX века. В советское время данная тема продолжала оставаться в целом актуальной, хотя количество публикаций в разные годы было неодинаково. В постсоветский период, начиная с 1990-х годов, появляется достаточно большое количество философско-правовой литературы, посвященной вопросам правосознания.

Повышенный интерес к проблемам правосознания объясним: многие вопросы, связанные с ним, остаются неразрешенными, даже несмотря на обилие исследований. В частности, не однозначен ответ на вопрос о самостоятельности правосознания как сферы общественного сознания: одни авторы считают, что «правовые взгляды, идеи, теории, чувства живут как бы обособленной жизнью» [1], другие – что «правосознание обычно не существует в чистом виде» [2], также существует точка зрения, что разграничить сферы общественного сознания невозможно, так как все они отражают общественное бытие [3].

Не вполне разрешен вопрос об определении понятия «правосознание», хотя, по мнению Н.М. Юрашевича, все подходы, кажущиеся на первый взгляд полярными, друг друга скорее дополняют, чем исключают [4]. С учетом различных мнений данный автор предлагает свое определение: «Правовое сознание – система чувств, привычек, представлений, оценок, взглядов, теорий, идей субъектов права, отражающих правовую действительность и оценочное отношение к ней (к социально-правовым установкам и ценностным ориентациям прошлого; к прошлому, действующему или ожидаемому праву) и выполняющих посредством этого роль своеобразного регулятора (саморегулятора) их поведения в социально-значимых ситуациях» [5].

Еще одна проблема – соотношение права и правосознания. Н.М. Юрашевич отмечает, что «основная масса правоведов и философов рассматривают право и правовое

сознание как разные явления социально-правовой жизни, но среди них существуют разногласия относительно форм и степени их взаимодействия» [6]. Сам автор считает, что данные феномены генетически родственны, существуют параллельно друг другу; он выделяет черты сходства и различия этих двух явлений [7].

В литературе также уделяется внимание таким явлениям, как правовой нигилизм и правовой идеализм. По мнению Н.И. Матузова, обратившего особое внимание на изучение этих проблем, оба этих явления питаются одними корнями – юридическим невежеством, неразвитым и деформированным правосознанием, дефицитом политико-правовой культуры, являясь, таким образом, двумя сторонами одной медали [8]. В настоящее время существует и критическое отношение к такому подходу к проблемам правового нигилизма и правового идеализма [9].

Таким образом, исследователи рассматривают разные аспекты правосознания: его независимость как сферы общественного бытия, определение понятия «правосознания», его соотношение с правом, правовой нигилизм и правовой идеализм. Этот перечень проблем, связанных с понятием «правосознание», конечно, не полон. Надо полагать, споры вокруг проблемы правосознания продолжатся и в будущем. Рассмотрение связанных с ней теоретических вопросов, безусловно, имеет важное значение для юридической науки, но в проблеме правосознания на данном этапе существования российского государства особую значимость приобретает «практическая» сторона, связанная с поиском путей правового развития России, с формированием новой национальной идеи. Необходимость этого поиска возникла в начале 1990–х годов вместе с потребностью осмыслить прошлое.

Крушение СССР сопровождалось неоднозначной оценкой советской действительности. Чаще всего оценки были резко отрицательными, положительные моменты исключались полностью: «Тоталитарное государство развилось патерналистски – инфантильный тип сознания. Люди фактически были исключены из общественно-политической жизни, ожидая команд сверху. Само слово «политика» внушало страх. Страх и апатия пронизывали все общество» [10]. Взвешенные оценки советского строя встречались гораздо реже (впрочем, как и сейчас). С.Г. Кара-Мурза пишет в заключении к своей книге «Советская цивилизация»: «Строя нашу жизнь по советскому проекту, мы сделали много ошибок», и ниже: «Советский Союз был уникальной, чудесным образом достигнутой точкой во всем пространстве социально-экономических вариантов жизнеустойчивости» [11]. Те же противоречия видны в оценке сферы правосознания. С одной стороны, одни авторы указывают: «Репрессивные законы в условиях тоталитарного государства способствовали формированию «антиправового» правосознания многих граждан наших государств» [12]. С другой стороны, отмечаются и положительные моменты: «У нас тогда (в послевоенные годы) было очень развито правовое сознание, вернее, сознание наших прав. Не в законах было дело, а в том, что люди себя уважали – согласно своим представлениям о достоинстве» [13].

В общем, в 1990–е годы возобладало мнение о советской действительности как «темном прошлом», что неудивительно, учитывая специфику российского самосознания в принципе. Достижения были отвергнуты, советская государственно-правовая идеология признана несостоятельной. Сложилось несколько точек зрения по поводу возмож-

ности формирования новой правовой идеологии: 1) не нужно никакой идеологии, мы от нее достаточно натерпелись; 2) не нужно никакой национальной идеологии, так как у нас есть великая русская культура, которая успешно выполняет эту функцию; 3) нам нужна новая идеология, выражаемая следующим набором слов: держава – Родина – честь; свобода – собственность – законность; модернизирующих знаменитую формулу графа Уварова «православие – самодержавие – народность» [14].

Т.В. Синюкова называет примерные параметры будущей концепции правового развития России: 1) отечественная правовая идеология должна стремиться к максимально-му духовному объединению страны; 2) правовая идеология должна быть достаточно открытой для учета и восприятия исторического опыта, какой бы идеологической принадлежности он не был; 3) необходимо рациональное сочетание интересов личности и общества; 4) правовая идеология должна опираться на принцип укрепления и защиты российского государства, которое должно быть демократическим, федеративным, обслуживающим общество, а не стоящим над ним, сильным и эффективным [15].

Представляется, что данные параметры в общем являются правильными, как и формула «свобода – собственность – законность». Однако прежде чем пытаться приводить их в жизнь, следует ответить на целый ряд вопросов: Что такое свобода, собственность и законность для русского человека? Каковы особенности российского исторического опыта в области права? Возможно ли в России государство, «обслуживающее общество, а не стоящее над ним»? На наш взгляд, ответы на эти вопросы возможно найти, лишь проследив эволюцию российского правосознания. При этом в изучении нуждаются эволюционные процессы не только на общегосударственном, но и на региональном уровне, учитывая тот факт, что «характер и содержание задач исторической регионалистики дает широкие возможности не только для сугубо исторических исследований, но и для других гуманитарных дисциплин, в том числе и для юриспруденции» [16]. В частности, возможно изучение правосознания населения Южного Зауралья, тем более если учесть, что различные вопросы, так или иначе связанные с правосознанием населения нашего региона, уже становились предметами исследований ученых - историков (например, отношение крестьян к государству, общине, собственности, богатству) [17].

В заключение следует подчеркнуть, что преодоление кризисных явлений, формирование правовой идеологии возможны лишь на основе понимания специфических черт российского правового сознания и историко-правового опыта России.

Список литературы

1. Синюкова Т.В. *Правосознание и правовое воспитание//Теория государства и права/ Под ред. И.Н. Матузова и А.В. Малько. М., 1997. С. 556.*
2. *Теория государства и права/Под ред. В.М. Корельского и В.Д. Перевалова. М., 1998. С. 324.*
3. Лукашева Е.А. *Социалистическое правосознание и законность. М., 1973. С. 53.*
4. Юрашевич Н.М. *Эволюция понятия правового сознания//Правоведение. 2004. №2. С. 173.*
5. *Там же. С. 181.*
6. Юрашевич Н.М. *Правосознание и право: общность и различие//Государство и право 2005. №7. С. 69 .*
7. *Там же. С. 71.*
8. Матузов Н.И. *Правовой нигилизм и правовой идеализм//Теория государства и*

- права/Под ред. Н.И. Матузова и А.В. Малько. М., 1997. С. 584.*
9. Неважский А.А. *Правовая культура//Правоведение, 2003. №6. С. 38.*
10. Кузнецов Э.В., игумен Вениамин (Новик). *Кризис современного правосознания// Правоведение. 1994. №3. С.4.*
11. Кара-Мурза С.Г. *Советская цивилизация. От Великой Победы до наших дней. М., 2002. С.756-757.*
12. Кузнецов Э.В., игумен Вениамин (Новик). *Указ. соч. С.7.*
13. Кара-Мурза С.Г. *Указ. соч. С.29.*
14. Виноградов Н.А., Пиджаков А.Ю. *Правосознание и национальная идея//История государства и права. 2005. №4. С. 11.*
15. Синюкова Т.В. *Указ. соч. С.561-562.*
16. Меницков В.В. *Государственно-правовые аспекты российской исторической регионалистики//Юридическая наука и практика: проблемы теории и истории. Курган, 2002. С. 17.*
17. *Напр.: Свищев П.А. Южное Зауралье в к. XIX – н. XX века//История Курганской области. Т.2. Курган, 1996; Кошкарлов Д.А. Восприятие материального богатства в религиозно-фольклорной традиции Зауралья в VIII-XIX веках// Зрянковские чтения: Сб. научных статей. Курган, 2003.*

И.Б. Гоголев

Курганский пограничный институт ФСБ России

САМОВОСПИТАНИЕ КАК НАПРАВЛЕНИЕ ЛИЧНОГО СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ БУДУЩИХ ОФИЦЕРОВ (В СВЕТЕ ПРОБЛЕМ УКРЕПЛЕНИЯ РОССИЙСКОЙ ГОСУДАРСТВЕННОСТИ)

Системное преобразование политических, социально-экономических и духовных основ жизни России идет непросто, порой болезненно, сопровождается обострением застарелых и проявлением новых противоречий, ослаблением международных позиций нашей страны.

В этих условиях существенно возрастают роль и ответственность людей в погонах - военнотружущих «силовых» министерств и ведомств, осуществляющих реализацию функций государства по обеспечению необходимой обороны и безопасности страны, обеспечивающих внутреннюю и международную стабильность, территориальную целостность и суверенитет России.

Укрепление обороноспособности Отечества, безопасности России в условиях становления новой российской государственности, провозглашенной Конституцией Российской Федерации, невозможно без организаторской и воспитательной деятельности офицерских кадров, 99% которых готовится в высших военных учебных заведениях. Мировой и отечественный опыт свидетельствует о том, что основой любой армии мира, ее костяком являются офицерские кадры.

Подготовка специалистов, обладающих высокими моральными, социально- правовыми, морально-психологическими и профессиональными качествами гражданина и офицера, стала одной из главных задач, разрабатываемых в настоящее время военными

образовательными учреждениями соответствующих концепций совершенствования образовательной и профессиональной подготовки офицерского состава. Личностно-ориентированное воспитание - одна из них.

Суть ее в формировании субъектами образовательного процесса **воспитательной среды** высшей военной школы, позволяющей в полной мере реализовать личностный интеллектуальный, морально-нравственный, правовой и др. потенциал курсантов в соответствующим образом ориентированной образовательной среде.

В то же время, оставаясь самостоятельным субъектом своего совершенствования, он, курсант (как саморазвивающаяся личность), выступает объектом (субъектным объектом) педагогического взаимодействия с различными категориями постоянного состава военно-образовательного учреждения (ВОУ), направленного на **создание таких условий для его образовательной деятельности**, которые бы позволили ему в большей степени осознать собственное «Я» и оценить личностные возможности и перспективы (понимая при этом под образовательной деятельностью курсанта – решение им воспитательных и учебных задач с целью формирования профессионально значимых свойств и качеств личности (воспитание), а также овладение знаниями, навыками, и умениями (обучение), соответствующими определенному уровню образовательного стандарта). За пределами этого универсального, гарантированного государством стандарта остается простор для свободного самоопределения личности в соответствии с ее индивидуальностью.

Несомненно, что решение перечисленных задач возможно лишь в ходе специального педагогического процесса, обозначенного категорией «личностное самосовершенствование». В ее понятие включены два взаимосвязанных явления, решающих относительно самостоятельные задачи: **самовоспитание и самообучение**. Исходя из содержания объекта теории личностно-ориентированного воспитания, рассмотрим первое из них - самовоспитание.

Самовоспитание в личностно-ориентированной педагогике рассматривается как одно из наиболее важных направлений реализации личностного потенциала человека с целью достижения его ценностных (жизненных) ориентиров. Вместе с тем практика воспитательной работы показывает, что важность решения этой задачи неадекватно оценивается курсантами высшей военной школы (ВВИШ). Несмотря на то, что около 90% из них признают необходимость самовоспитания как составной части личного самосовершенствования, большинство все же осуществляет его фрагментарно и эпизодически. Значительная часть курсантов осуществляет его по отдельным направлениям (развитие физических показателей - 45%, совершенствование интеллектуальных, эмоциональных, волевых, правовых и других личностных свойств и качеств - 25-30%). Постоянным самосовершенствованием более чем по пяти направлениям занимается только около 9%. Лишь на выпускном курсе этот показатель достигает немногим более 12%. К тому же более 1/5 части курсантов не задумывается над своими личностными особенностями и возможностями. Педагогическая практика свидетельствует о том, что отношение большинства будущих офицеров-пограничников к самовоспитанию положительное. Направленность и содержание ценностных ориентаций различаются по курсам обучения и во многом зависят от социальных, экономических, культурных и др. процессов, происхо-

дящих в жизни государства, общества, силовых ведомств, военных образовательных учреждений и т.д.

Обобщение и анализ приведенных данных позволяют сделать вывод о необходимости целенаправленной организаторской и педагогической деятельности ведущих субъектов воспитания по актуализации самовоспитания курсантов ВВШ, и прежде всего на основе научно обоснованного и апробированного в педагогической практике высших военных учреждений подхода к решению этой задачи.

Анализ специальной, научной и учебной литературы [2, 3, 4, 6, 8, 9], а также педагогической практики пограничных институтов позволил выявить основные направления актуализации самовоспитания курсантов военных вузов. Они представляют триединый комплекс решения организационных и педагогических задач в повседневной воспитательной практике ведущих субъектов воспитания.

Состав и взаимосвязь организационной и педагогической деятельности субъектов воспитания следующие:

1. Создание в учебных подразделениях психолого-педагогических условий, в которых самовоспитание выступало бы необходимым элементом образовательной деятельности курсантов.
2. Включение слушателей в процесс целенаправленного личностного самосовершенствования на основе самовоспитания.
3. Осуществление постоянного консультирования и контроля полноты и качества решения задач самовоспитания и внесение, при необходимости, соответствующих корректив.

Следует отметить, что каждое из представленных направлений (этапов) в той или иной мере уже само по себе позволяет решать задачу актуализации самовоспитания курсантов. Однако исключение или умаление роли любого из них негативно отражается на целостном решении проблемы.

На первом этапе необходимо формировать интерес к личному самосовершенствованию (побуждая, помогая, стимулируя работу над собой курсанта; вырабатывая у него чувство удовлетворения достигнутым, потребности к продолжению, превращению самовоспитания в педагогическую систему, т.е. в побудительную силу).

На втором этапе следует вовлекать в этот процесс все учебное подразделение (это создает обстановку, способствующую процессу взаимообогащения, формируется потребность в постоянном самосовершенствовании у всех подчиненных).

Создание условий, которые бы побудили курсанта к самопознанию, важно, поскольку оно всегда должно стоять в начале воспитания (предшествовать ему). Объективно, многие курсанты не готовы к самопознанию. В основе лежат две причины. Во-первых, не сформировано понимание необходимости самодиагностики (как правило, они используют оценочные суждения своих прямых начальников из числа командиров, преподавателей относительно себя). Во-вторых, незнание или невладение необходимыми методами самопознания.

Следовательно, важным направлением воспитательной деятельности является побуждение курсантов к самопознанию. И если последнее направлено на достижение определенных жизненных целей – ценностных ориентаций, то представляется целесообраз-

ным ориентировать курсанта на определенный идеал (пример).

Но пример для подражания без знаний по методике самовоспитания не позволяет курсанту активно включаться в работу над собой.

На третьем этапе командирам необходимо проводить индивидуальные и групповые занятия с курсантами по методике самовоспитания (в том числе с привлечением преподавателей), на которых пропагандировать систему работы над собой, успехи лучших, вносить определенные коррективы, исходя из анализа полноты и качества решения задач самовоспитания.

Исследование проблемы самовоспитания в условиях ВВШ показало, что для работы над собой по формированию многих личностных качеств (ответственности, организованности, целеустремленности, решительности, законопослушности, дисциплинированности и др.), как правило, не требуется специального времени. Самоконтроль – главное, что здесь требуется. Однако, развитие целого ряда профессиональных свойств личности, расширение кругозора и т.д. требует специальных условий и времени. В интересах создания необходимой для этого обстановки целесообразно применение **метода параллельного действия**, разработанного и обоснованного А.С. Макаренко [7, 317-322]. Сущность его в том, что воспитатель создает предпосылки для включения воспитанника в конкретные виды деятельности, в которых получают наиболее полное проявление и целенаправленное развитие необходимые качества его личности (при условии, что курсант уже обладает потенциальными возможностями формирования и развития данного качества).

С целью формирования условий для самовоспитания курсантов командиры вполне могут использовать **метод создания педагогических ситуаций** в различных условиях обстановки с целью развития у курсантов профессионально важных качеств личности (например, моделирование на занятиях обстановки, максимально приближенной к служебно-боевой).

Возможно применение ряда «специальных мероприятий», предложенных В.П. Давыдовым [5, 228-229]. В основе их - **постановка перед слушателями индивидуальных перспектив** (соответствующих не только личностным ценностям, но и личностному потенциалу). Особо обращается внимание на профессионально значимые перспективы. Они должны быть смелыми, дерзновенными, но вполне достижимыми на конкретном этапе работы.

Самосовершенствование во многом стимулирует **создание внешних условий самовоспитания**, когда в учебном подразделении формируется обстановка, побуждающая работать над собой (для этих целей используется поощрение дисциплинированности курсантов, формирование положительного коллективного мнения по проблеме самовоспитания и т.д.). Формирование у курсантов сознательной установки, определенного психологического настроя на личное самосовершенствование - это внутренние предпосылки самовоспитания, повышающие эффективность работы.

Стимулирующее воздействие на **внутренние предпосылки самовоспитания** заключается в формировании у слушателей сознательной установки, определенного психологического настроя на личностное самосовершенствование. В связи с этим положительно зарекомендовали себя такие меры педагогического влияния, как поощрение за

качественную работу над собой, за выполнение взятых обязательств, отражение результатов самовоспитания в переводных характеристиках и т.д.

Решение вышеперечисленных и некоторых других специфических задач для ВВШ позволяет создать в учебных подразделениях условия для полномасштабной деятельности курсантов по самовоспитанию. Однако это лишь первый обязательный шаг актуализации самовоспитания в учебном подразделении.

Реализация же личностного потенциала курсантов с целью достижения сформулированных ценностных ориентаций происходит в результате **включения курсантов военного вуза в процесс целенаправленного самовоспитания**. Этот процесс можно представить как три взаимосвязанных этапа (**предварительный, основной, и промежуточный**) целенаправленной психолого-педагогической деятельности человека над собой по достижению определенных целей.

Предварительный этап. На этом этапе у будущего офицера формируется элементарный интерес к себе как человеку, своим достоинствам и недостаткам, потребность в методах и методиках самопознания. Педагогическая практика показывает, что именно в этот период курсанту важно овладеть элементарными основами работы над собой: внимательностью к себе (что и как он делает, говорит), уважительным отношением к мнению других по оценке себя, самокритичностью и т. п. Кроме того, исключительно важно захотеть стать лучше и четко уяснить сущность таких понятий, как «хочу» и «надо».

Основной этап – это этап работы слушателя над собой, условно состоящий из четырех последовательных циклов.

Первый цикл самовоспитания – это принятие решения на самовоспитание, предметное изучение возможностей самовоспитания, выбор идеала (цели) самовоспитания.

Второй цикл самовоспитания – это самодиагностика и самосознание личности (самоопределение), формирование ценностных ориентаций, временное прогнозирование достижения целей. Курсант стремится познать себя.

Третий цикл самовоспитания – это выбор путей, методов, и средств самовоспитания, формирование личных правил, планирование работы по самовоспитанию.

Четвертый цикл самовоспитания – это реализация программ (планов) самовоспитания. Основным инструментом самовоспитания (как разновидности духовной деятельности) на этом этапе выступают соответствующие педагогические и психологические методы.

К наиболее часто применяемым **педагогическим методам** относятся такие как: самоубеждение, самообязательство, самонапоминание, самоорганизация, самоконтроль, самопоощрение, самоотчет, самоупражнение, самопринуждение, самокритика.

Психологические методы: самовнушение, аутогенная тренировка, психологические упражнения и тренировки.

Работа над собой требует повседневного самоконтроля, самонаблюдения над собственной деятельностью, самокоррекции. Решение этих задач формирует основное содержание промежуточного этапа самовоспитания, на котором используется эффект рефлексии слушателя. Рефлексия в самовоспитании сопровождается анализом результатов работы слушателя над собой.

Промежуточный этап самовоспитания – это самодиагностика, критический ана-

лиз достигнутого, принимаемое решение на дальнейшее самовоспитание. По сути, это начало качественно нового цикла, что делает процесс самовоспитания непрерывным.

Самовоспитание – многогранный процесс, система педагогических (учебных, воспитательных) и организационных мер, направленных на обеспечение целеустремленной, систематической и разносторонней работы курсанта военного вуза по совершенствованию своей личностной сферы с целью достижения ценностных ориентаций. Самовоспитание способствует адекватному самоопределению личности во всех сферах ее деятельности, включая готовность к воспитанию в будущем своих подчиненных.

При позитивной (положительной) направленности в зависимости от компетентности, активности и систематичности в отношении курсантов к самовоспитанию среди них можно выделить группы, для которых характерны определенные уровни овладения им. Условно назовем их:

- начальный (эпизодический) уровень;
- переходный уровень;
- систематический уровень самовоспитания, или системное самовоспитание.

Начальный уровень выражается в самостоятельной работе по отдельным вопросам в зависимости от обстановки или появившегося желания. Компетентность для данной категории определяется деятельностью методом проб и ошибок и характеризуется частной эрудицией. **Переходный уровень** присущ курсанту, который начинает планировать самовоспитание, ставит цели на более длительный период времени. У него сформированы определенные навыки самосовершенствования, достаточная активность, позволяющая достичь положительных результатов в образовательной деятельности. В то же время, не всегда проявляет волю для обеспечения настойчивости в работе над собой и достижения целей самовоспитания. **Системное самовоспитание** – высший уровень самостоятельной работы курсанта. Самосовершенствование у него уже привычка, настоящая требовательность к себе, высокая целенаправленная активность.

В заключение, исходя из опыта педагогической практики, имеющего место в пограничных институтах, представляется возможным выделить ряд условий повышения эффективности работы по актуализации личного самосовершенствования: **во-первых** - это вера командира в необходимость и возможную эффективность самовоспитания. **Во-вторых** – это знание офицерами-воспитателями особенностей развития человеческого организма (духовных и физических сил) характерных для юношеского возраста. **В-третьих** – это обучение подчиненных рациональным методам самопознания и самовоспитания (плановости в работе, рациональному использованию времени, умению правильно определять личные принципы, нормы, правила и т.д.).

Таким образом, актуализация личностного самосовершенствования курсантов является одним из направлений реализации личностно-ориентированного воспитания в условиях высшей военной школы. Представленное в настоящей статье виденье этого процесса не претендует на окончательную завершенность. Более того, лишь предполагает, что данные положения являются первоочередными и что дальнейшее их развитие позволит исследовать и предположить другие. Не подлежит сомнению и то, что личностное самосовершенствование будущих офицеров является одним из важнейших условий повышения эффективности и качества образовательной и профессиональной подго-

товки офицерских кадров Российской Федерации и укрепления российской государственности, поскольку исторический опыт нашей Родины гласит: «Без сильной армии нет независимой и свободной России».

Список литературы

1. Конституция Российской Федерации. М.: Юристъ, 1995.
2. Вагнер Е.А. О самовоспитании врача. М.: Знание, 1971. 243с.
3. Вдовюк В.И. Военно-педагогические качества офицера и пути их формирования. М.: ВПА, 1971. 44с.
4. Гарифьянов Р.С. Психолого-педагогические основы руководства самовоспитанием студентов. Казань: Изд-во Каз. ун-та, 1978. 182с.
5. Давыдов В.П. Педагогика высшей школы Федеральной пограничной службы Российской Федерации. М.: Ак. ФПС, 2002. 302с.
6. Куликова Л.П. Воспитывать себя: Кн. для учащихся. М.: Просвещение, 1991. 143с.
7. Макаренко А.С. Педагогические сочинения: В 8т. М.: Педагогика, 1983-1986.
8. Мардахаев Л.В. Самовоспитание и самообразование курсанта и руководство им / Под ред. В.Н. Иванова. Голицино: ВИ ПВ РФ, 1995. 48с.
9. Рувинский Л.И. Основы самовоспитания: Дис.... д-ра пед. наук. М., 1970. 473с.

О.В. Кишкин

ст. преподаватель, Курганский государственный университет

О СООТНОШЕНИИ ПОНЯТИЙ «ГОСУДАРСТВЕННЫЙ МЕХНИЗМ» И «ГОСУДАРСТВЕННЫЙ АППАРАТ»

В современной юридической науке нет однозначного отношения к понятию государственного механизма (механизма государства). Существуют различные точки зрения на соотношение понятий «механизм государства» и «государственный аппарат». Например, А.Ф. Черданцев пишет: «Наряду с термином «механизм государства» используется термин «государственный аппарат». Эти термины равнозначны» [1]. Ряд авторов рассматривают государственный механизм как совокупность различных государственных органов, организаций, вооруженных сил, материальных средств государственной власти, а государственный аппарат лишь как систему государственных органов. Государственный механизм в таких случаях нередко именуется государственным аппаратом в широком смысле слова [2]. Существует точка зрения, что по своему объему и содержанию понятие государственного механизма шире понятия государственного аппарата, в каком бы значении слова (узком или широком) не употреблялось понятие государственного аппарата.

Изменение в механизме политической власти, вызванное определенным социальным движением, неизбежно ведет к изменению в государственном механизме как основной и главной распределяющей части механизма политической власти. Государственный аппарат, в силу своей относительной внутргосударственной самостоятельности, может быть сохранен, действия его согласованы в новой политической и правовой модели власти.

Причем совершенствование государственного аппарата идет одновременно в двух плоскостях: в плоскости укрепления системообразующих связей в механизме государства и в плоскости осуществления общественных функций государства. Таким образом, совершенствование государственного аппарата должно быть подчинено целям совершенствования государственного механизма, с одной стороны, с другой стороны – профессиональному решению задач государственного управления; вместе – служить демократическому и социальному государству. Поэтому теория и практика государственного строительства на современном этапе развития общества, на наш взгляд, требуют разграничения понятий «механизм государства» и «государственный аппарат».

Механизм государства – это основная и главная распределяющая часть механизма политической власти, образующая систему государственных органов и учреждений, осуществляющих государственную власть и обеспечивающих реализацию функций государства.

Следует отметить, что:

- 1) государственная власть - не единственная форма осуществления политической власти [3], но только государственная власть осуществляется через государственный механизм и государственный аппарат;
- 2) государство занимает центральное место в политической системе общества;
- 3) огромное значение имеет взаимодействие государственного механизма и общества, это взаимодействие имеет многогранный характер;
- 4) государственная власть отчасти может осуществляться и не через государственные органы, не через государственный аппарат;
- 5) состояние реального носителя политической (государственной) власти целесообразно рассматривать в механизме политической власти.

Указанное свидетельствует о том, что рассмотрение механизма государства вне механизма политической власти ведет к утрате понимания роли и значения механизма государства.

Существующие определения механизма – аппарата государства определяют признаки государственного аппарата (в узком или широком смысле слова). Такое направление [4] позволяет выделять внутреннее единство государственного аппарата, которое выражается в следующем:

- это целостная иерархическая система государственных органов. Целостность ее обеспечивается едиными принципами организации и деятельности государственных органов, едиными задачами их деятельности;
- первичными структурными частями государственного аппарата являются государственные органы, в которых состоят государственные служащие (должностные лица);
- государственные органы связаны между собой началами субординации и координации;
- для обеспечения государственно-властных велений он имеет непосредственные орудия (учреждения) принуждения, которые должен постоянно соотносить с состоянием других государственных органов и учреждений.

Понятие государственного аппарата предоставляет возможность указать на следующие признаки государственного органа, как части государственного аппарата:

- орган государства активно участвует в реализации функции государства в определенной сфере деятельности;
- хотя орган государства и обладает определенной самостоятельностью, он служит частью единого государственного аппарата, занимает в нем свое определенное место и прочно связан с другими ее частями;
- государственный орган наделяется определенной компетенцией (совокупность прав и обязанностей) по решению вопросов в рамках той или иной подведомственности. Реализация органом государства своей компетенции – это не только его право, но и обязанность;
- для осуществления своей компетенции орган государства наделяется необходимыми материальными средствами из бюджета;
- орган государства, как правило, имеет внутреннее строение, он состоит из подразделений, осуществляющих полномочия органа;
- в нем работают государственные служащие, которые находятся в особых правоотношениях между собой и органом.

Однако государственный орган обладает также признаками, которые характеризуют его как элемент государственного механизма. Таковыми признаками являются:

- государственный орган создается с определенной целью в рамках целей политической власти;
- функции государственных органов производны от функций государства;
- государственный орган создается и действует на основе правовых актов;
- организационные принципы государственных органов определяются существующей политической моделью организации власти;
- государственный орган действует от имени государства, он является относительно самостоятельной частью государственного аппарата: структурно обособлен, в конкретных отношениях выступает самостоятельным субъектом, принимаемые им решения не требуют, как правило, предварительного или последующего одобрения иных государственных органов.

Подводя итог, следует сказать, что приведенные в статье доводы о целесообразности разграничения понятий «государственный механизм» и «государственный аппарат» позволяют, на взгляд автора, глубже понять существующие в области государственно-го (в широком смысле) строительства тенденции.

Список литературы

1. Черданцев А.Ф. *Теория государства и права: Учебник для вузов.* М.: Юрайт-М, 2002. С. 136.
2. Марченко М.Н. *Теория государства и права: Учебно-методическое пособие.* М., 2001. С. 201.
3. Чиркин В.Е. *Основы государственной власти.* М.: Юрист, 1996. С. 42.
В.Е. Чиркин отмечает: «Государственная власть – это основная форма политической власти и вместе с тем главный канал реализации последней».
4. См., например, *Теория государства и права: Курс лекций / Под ред. Н.И. Матузова и А.В. Малько.* М.: Юрист, 1997. С. 99. *Теория государства и права: Учебник / Под ред. В.М. Карельского, В.Д. Первалова.* Екатеринбург, 1996. С. 154.

ДВОРЯНСТВО И ЕГО СОСЛОВНЫЕ ОРГАНЫ В МЕХАНИЗМЕ ОСУЩЕСТВЛЕНИЯ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ВЛАСТИ (1800 – 1864 гг.)

Мы долго не признавали наличия постоянных, рождаемых самой жизнью противоречий между правителями, управляющими, управляемыми. Почему принимается тот или иной закон, решение? Почему по существу правильный закон не претворяется в жизнь? В чем кроется успешность и (или) долговременность той или иной политики? Эти и подобные вопросы являются насущными и в настоящее время.

Осмысление политики прошлых времен посредством настоящих знаний дает возможность не только воссоздать политическую модель конкретного исторического отрезка прошлого времени, но и сравнить ее с современностью, сделать выводы. Данная задача, в силу ее сложности и фундаментальности исследования, не может быть в целом отражена в рамках одной статьи. Поэтому в данной работе реконструируется только модель части основных политических отношений, существовавших в 1800 – 1864 гг., а именно отношений между самодержавием, дворянством и его сословными органами.

Самодержавие рассматривается в работе как относительно самостоятельный субъект политической деятельности, имеющий свои политические интересы. Данной точке зрения предшествовали выводы, сделанные некоторыми авторами советской исторической науки, в ходе дискуссий о природе абсолютизма в России [1]. «Большой вклад в методологическую разработку вопроса о природе абсолютизма внес С.Д. Сказкин. Четверть века назад в специальной статье он высказал ряд очень интересных и глубоких соображений о различии между интересами отдельных групп и индивидуумов, составляющих господствующий класс, и интересами этого класса в целом, как основы «отчуждаемости» власти государства от своего класса», - отмечал А.Я. Аврех [2]. Советская историческая школа в целом изучала классовую сущность самодержавия. Исходя из одних и тех же марксистско-ленинских положений, делались выводы о различной природе самодержавия в XIX веке. Основными концепциями являлись: «торговый капитализм» [3], абсолютизм как результат классовой борьбы [4], абсолютная монархия как продукт равновесия двух классов – феодалов и буржуазии [5]. Даны были различные определения абсолютизма [6]. Во втором издании Большой советской энциклопедии абсолютизм трактуется как неограниченная монархия [7], в Советской исторической энциклопедии определяется как форма феодального государства, характерная для последнего периода существования феодальной формации [8]; в Советском энциклопедическом словаре отмечено: «абсолютизм (абсолютная монархия) - форма феодального государства, при которой монарху принадлежит неограниченная верховная власть. При абсолютизме феодальное государство достигает наивысшей степени централизации, создается разветвленный бюрократический аппарат, пост. армия и полиция. Деятельность органов сословного представительства, как правило, прекращается» [9]. Абсолютизм определя-

ется также как форма политической надстройки времени разложения феодализма и зарождения буржуазных отношений, характеризующаяся обострением антагонизма между феодальным дворянством и нарождающейся буржуазией, что позволяло монархической власти достигнуть известной самостоятельности по отношению к обоим борющимся классам [10].

Если под «формой» [11] понимать способ существования и выражение содержания, то содержанием самодержавия будут отношения классов, тогда понятие «самодержавие» рассматривается в системе политических отношений. Если понятие «форма» употреблять для обозначения внутренней организации, то самодержавие предстает элементом структуры.

Возникает вопрос, в какой структуре рассматривать самодержавие? Из приведенных определений видно, что абсолютизм можно рассматривать, как в политической системе общества, так и в государственной системе управления. Так как во второй системе самодержавие есть главный (изначальный, определяющий) элемент управления, то в первой системе «абсолютизм» становится зависимым: здесь и возникает основное противоречие, разрешение которого связано с самим существованием самодержавия, поэтому абсолютизм объективно заинтересован в ослаблении роли других элементов (субъектов) политической деятельности, вынужден балансировать [12], искать себе различных «союзников». В успешности этой политики самодержавия - залог времени его существования. Как субъект системы управления самодержавие объективно вынуждено подчиняться закономерностям управления. Оно стремится сохранить эту систему, а главное себя в центре системы управления обществом. Не обладая собственным экономическим перевесом (3,3 % - составляли удельные земли, а 30,6 % помещичьи [13]), самодержавие понимало, что дворяне представляют огромную экономическую, а следовательно, и политическую силу. Отсюда официальная идеология и политика царизма.

Взаимоотношения самодержавия и дворянства в дворянской и буржуазной историографии рассматривались в рамках официальной государственной школы [14], основными положениями которой были принадлежность всей полноты власти государю и служебная роль сословия дворянства [15]. Исходя из этого, делались выводы о надклассовости российского самодержавия, этим объяснялась и недостаточная активность дворянского корпоративного самоуправления (служебное назначение сословия дворянства), которое было подорвано бюрократией, приобретающей бессословный характер. Следует подчеркнуть, что в существовании подобных взглядов более всего было заинтересовано самодержавие, так как данные положения отражали интересы самодержавия. Авторы всех направлений были единодушны в том, что преобразования 60-х годов самым серьезным образом повлияли на положение дворянства, пошатнув его экономические и политические позиции. Дворянская историография, представленная в основном статьями и брошюрами публицистического характера [16], преследовала цель доказать ошибочность проведенных реформ и необходимость принятия мер по поддержанию дворянства как главной опоры самодержавия вплоть до возрождения его на основе поместного землевладения и возложения на него обязанностей государственной службы.

В работах буржуазных историков высказываются мысли, что сословные организа-

ции имели скорее «этический характер» [17], что «у нас есть сословные рамки, но нет сословного духа» [18], что сословные начала «чужды русской истории», а преобразования 60-70 гг. «окончательно лишили сословный строй его последней опоры», дворянство совершенно утратило прежнее значение [19]. Отсутствие «корпоративного духа» привело, по мнению П.Н. Миллюкова, к быстрой и полной утрате дворянством своих привилегий [20]. Существо понятия дворянства начинает рассматриваться с точки зрения его личных достоинств, по этому поводу возникает даже полемика [21], отражавшая положение дворянства в послереформенный период.

В советской и российской историографии нет обобщающих трудов по взаимоотношению самодержавия и дворянства в рассматриваемый период, за исключением работы А.Я. Аверха, который рассматривает вопрос не только в хронологических рамках феодализма. Характеризуя дворянство, он указывает на роль его и как поставщика командных кадров для государственного аппарата, и как политической силы, оказывающей огромное воздействие на политику правительства, а также на его роль в поддержании соответствующей социально-экономической среды, обуславливающей возможность сохранения самодержавия. Обращает внимание на крестьянство как массовую опору самодержавия. В отношении самодержавия и дворянства над классовой характеристикой первого преобладает мотив «самосохранения верховной власти и ее самостоятельности» [22]. Определенное представление о характере взаимоотношения самодержавия и дворянства дает работа А.П. Корелина «Дворянство в пореформенной России 1861-1904 гг.» Представляет интерес вывод, сделанный на основании изучения взаимоотношений сословных органов (дворянских собраний) и правящих верхов более позднего периода (80-90-х гг. XIX века), сделанный Ю.Б. Соловьевым. Анализируя характер взаимоотношений самодержавия и дворянства, автор отмечает, что, всячески охраняя интересы своего класса («своего». - прим. автора), верховная власть в то же время и его держала на положении опекаемого, не давая ему объединиться во всероссийском масштабе [23].

Показательно отношение монархии к формированию структуры и численности дворянства. Все дворянство делилось на потомственное и личное. Юридически лишь потомственное дворянство являлось той частью старого господствующего класса, на которую в полной мере распространялись привилегии, выделявшие дворянство в особое сословие. В свою очередь потомственное дворянство подразделялось на шесть разрядов:

- 1) дворянство жалованное или действительное;
- 2) дворянство военное;
- 3) дворянство, полученное путем выслуги определенного чина на гражданской службе;
- 4) иностранные дворянские роды;
- 5) титулованное дворянство;
- 6) древние благородные роды.

Сознательно выделено «служилое дворянство» (2, 3 разряды). Среднее и высшее офицерство и чиновничество с их потомством составляли подавляющую часть этих разрядов [24].

Характерно, что первоначально политика была направлена на увеличение основа-

ний приобретения дворянства службой. На основе указа Правительствующему сенату от 1 января 1721 г. и Табеля о рангах 1722 г. все лица, достигшие на военной службе офицерского чина, а на гражданской - чина VIII класса, становились потомственными дворянами [25].

Екатерина II, закрепив это положение, добавила к нему пожалование российского ордена. С 1836 г. по 1843 г. в чин VIII класса было произведено дворян 2558, лиц других сословий 4685, то есть 64,7 %. Всего же, по подсчетам председателя Государственного совета кн. И.В. Васильчикова, с 1825 г. по 1845 г. высшее сословие пополнилось примерно 20 тыс. «недостойных сочленов» [26], получивших права высшего состояния по чинам и орденам. Манифестом от 11 июня 1845 г. чин на получение дворянства был повышен на военной службе до VIII класса и до V на гражданской. Указом от 9 декабря 1856 г. потомственное дворянство на военной службе давалось при получении чина полковника, а на гражданской - действительного статского советника (IV класс). Как отмечал А.С. Алексеев, приобретение дворянства на гражданской службе стало иметь много общего с приобретением его в силу высочайшего пожалования. Дело в том, что чин действительного статского советника давался не просто за выслугу лет, а по утверждению императором представлений министров и главноуправляющих [27] (чиновники IV класса в 1858 г. насчитывалось 674).

Следующим разделением дворянства было разделение его в дворянском губернском обществе. Правом голоса в них, кроме выборов, располагал тот дворянин, кто владел еще и недвижимостью в любом виде и размере и отвечал одному из следующих условий: имел классный чин или орден, аттестат об окончании учебного заведения или прослужил 3 года на выборных дворянских должностях. В полном же смысле полноправным членом собрания был только тот, кто удовлетворял перечисленным требованиям, владел недвижимостью или имел доход не менее определенного ценза. В предреформенные годы право голоса на выборах имели владельцы не менее 100 душ крепостных мужского пола или 3 тысячи дес. ненаселенной земли, расположенной в пределах одной губернии (в Петербурге и Москве существовали наряду с этими другие условия).

Располагавшие не менее 1/20 этого ценза мелкопоместные дворяне могли участвовать в выборах через представителей, избравшихся по одному от такого количества владельцев, общий размер собственности которых составлял полный ценз [28].

Помимо всего указанного, дворянские сословные органы ставятся под контроль государственной власти. Дворянское собрание собиралось по позыву и дозволению генерал-губернатора или губернатора. Губернатор утверждал одного (из двух выбранных кандидатур уездных предводителей дворянства) губернским предводителем. Уездный предводитель дворянства избирался дворянством уезда, также дворянством уезда избирались заседатели верхнего земского суда, которые утверждались губернатором.

Уездный судья и земский исправник на основании ст. 43 (в силу ст. 66 Учреждений) выбирались дворянством уезда через три года и представлялись губернатору для утверждения [29]. В соответствии со ст. 44 (в силу ст. 67 Учреждений), заседатели уездного суда и дворянские заседатели нижнего земского суда выбирались дворянством через три года и утверждались губернатором [30].

Таким образом, во взаимоотношениях самодержавия и дворянства дворянство с помощью правовых средств подразделялось на различные группы, состав этих групп регулировался самодержавием. В обществе посредством практических действий царизма и полуофициальной идеологии культивировалось противопоставление этих групп как обладающих различными социально-психологическими качествами. Часто искусственно противопоставлялись интересы дворянских слоев, например, путем предоставления льгот и преимуществ одним и не предоставления другим. В России не существовало в этот период всероссийских сословных органов. Местные сословные губернские органы не были взаимосвязаны, наоборот, разобщены по губерниям. В свою очередь, ослаблялась роль и губернских, и уездных сословных органов путем выгодного для самодержавия разграничения полномочий. Сословные органы находились под контролем государства. Наиболее значимые (обладающие широкими полномочиями) из них были включены в государственный механизм.

Примечания

1. См., например, Давидович М.А., Покровский А.С. *О классовой сущности и этапах развития русского абсолютизма*//История СССР. 1969. № 1. С. 58-78; Троицкий С.М. *О некоторых спорных вопросах истории абсолютизма в России*//История СССР. 1969. № 3. С. 132-149; *История СССР*. 1969. № 6. С. 217-235.
2. Аврех А.Я. *Русский абсолютизм и его роль в утверждении капитализма в России*//История СССР. 1968. № 2. С. 84
3. См., например, Покровский М.Н. *Русская история в самом сжатом очерке*. М., 1934. С. 43-44, 52; Розенталь Н.Н. *Западная Европа в эпоху торгового капитализма*. Л., 1927. С. 3; Преображенский В.Д. *Происхождение современных государств Европы*. Ч. 2. *Абсолютизм*. М.-Л., 1930. С. 87.
4. См., например, Щеголев П.П. *Учение Маркса о первоначальном накоплении капитала* // «Известия» Государственной истории материальной культуры. М.-Л., 1934. С. 607, 613-619; Поршнев П.Ф. *Феодализм и народные массы*. М., 1964. С. 354.
5. Аврех А.Я. *Указ.соч.* С. 83.
6. Согласно высказыванию В.И. Ленина, понятия «абсолютизм», «самодержавие», и «неограниченная монархия» идентичны и означают такую форму правления, где власть нераздельно принадлежит монаху. См.: Ленин В.И., ПСС, т. 4, с. 251-252.
7. БСЭ. Изд. 2-е. Т. 1. стб. 30.
8. СИЭ. Т. 1. М., 1961. стб. 45.
9. СЭС. М., 1979. С. 10.
10. Чистозвонов А.Н. *Некоторые аспекты проблемы генезиса абсолютизма*//Вопросы истории. 1968. № 2. С. 47
11. См.: ФЭС. М., 1983. С. 621.
12. «Самодержавие, – писал В.И. Ленин, - удовлетворяет известные интересы господствующих классов, держась отчасти и неподвижностью массы крестьянства и мелких производителей вообще, отчасти балансированием между противоположными интересами, представляя собой, до известной степени, и самостоятельную организованную политическую силу». См.: Ленин В.И. *Полн. собр. соч.* Т. 6. С. 363.
13. См.: *Энци. словарь/ Под ред. Южакова*. Т. 11. С. 529.

- 14.См.: Корелин А.П. *Дворянство в пореформенной России 1861-1904 гг. Состав, численность, корпоративная организация.* М., 1979. Введение. С. 4-5.
15. Данные положения нашли отражение еще в трудах Сперанского и Карамзина. См., например: *История политических и правовых учений.* М., 1983. С. 342-348.
16. Корелин А.П. Указ. соч. С. 5.
17. *Дворянство в России. Исторический и общественный очерк// Вестник Европы.* 1887. Кн. 3. С. 283.
18. Там же. Кн. 6. С. 477.
19. Коркунов Н.М. *Русское государственное право.* 4-е изд. СПб., 1901, Т. 1. С. 260-261, 276-286; Алексеев А.С. *Русское государственное право.* 4-е изд. М., 1897. С. 534-544.
20. См.: Милоков П.Н. *Очерки по истории русской культуры.* 6-е изд. СПб., 1909. Ч.1. С. 238.
21. См.: Ярмошкин В. *Задачи дворянства.* СПб., 1895. С. 1; Алексеев А.С. *Русское государственное право.* 5-е изд. М., 1905. С. 242; Рубакин Н.А. *Российское дворянство в цифрах. Трудовой путь.* 1907. № 11. С. 49.
22. Аверх А.Я. *Русский абсолютизм и его роль в утверждении капитализма в России // История СССР.* 1968. №2. С. 99-101.
23. Соловьев Ю.Б. *Самодержавие и дворянство в конце XIX в.* Л., 1973. С. 193.
24. Корелин А.П. Указ. соч. С.25.
25. ПСЗ. Т.6, № 3705, 3890; См. также Троицкий С.М. *Русский абсолютизм и дворянство в XVIII в.* М., 1974. С. 47-118.
26. Известно также выражение известного дворянского публициста кн. М.М. Щербатова «оподляло» высшее сословия или «научное предложение» дворянского историка-генеолога разделить все сословие на старое и новое. И в русле этих суждений, действия самодержавия показывающие (т.е. главной целью показать) заботу о поддержании знатных фамилий и старых родов, а также «важность вопроса» о пожаловании дворянства. См. Корелин А.П. Указ. соч., с. 25, с. 33, с. 31-32, с. 24, а также Карнович Е.П. *Родовые прозвания и титулы в России и слияние иностранцев с русскими.* СПб., 1886. С.183.
27. Алексеев А.С. Указ.соч. С. 242.
28. *Свод законов Российской империи 1857 Т. 3. Кн. 2. Ст. 51, 70-71.*
29. *Жалованная грамота дворянству. Дворянская империя XVIII века (Основные законодательные акты / Сост. М.Т. Бельский. М., 1960. С. 158.*
30. Там же.

Ю. А. Полетухин

канд. ист. наук, доцент,

Челябинский юридический институт МВД России

ПРАВОВЫЕ ВОЗЗРЕНИЯ КЛОДА АДРИАНА ГЕЛЬВЕЦИЯ

Одним из крупнейших мыслителей XVIII века был француз Клод Адриан Гельвеций (1715-1771). Гельвеция обычно рассматривают как одного из создателей теории разумного эгоизма, которая стала одной из теоретических основ утилитаризма.

Представляется, что рассмотрение творческого наследия Гельвеция только в плане моральной проблематики неоправданно сужает сферу его научных интересов и, глав-

ное, - значение сделанных им выводов, оказавших существенное влияние на современников. Основная идея книги «О преступлениях и наказаниях» классика правовой мысли Чезаре Беккариа (1738-1794) о необходимости уничтожения общественных условий, порождающих преступность и преступников, по его собственному признанию, вытекала из концепции Гельвеция [1].

Особое влияние работ Гельвеция на формирование собственных идей отмечал Иеремия Бентам (1748-1832), который традиционно считается если не автором, то видным представителем концепции утилитаризма [2].

Таким образом, оставить без внимания работы Гельвеция при изучении основных тенденций развития политико-правовой мысли XVIII века, означало бы неоправданно сузить базу исследования.

Гельвеция вряд ли можно назвать совершенно оригинальным мыслителем, поскольку он подробно разрабатывал некоторые идеи своих великих предшественников и современников. Сильное впечатление на него произвели воззрения Ларошфуко, считавшего эгоизм основой человеческого поведения. Значительное влияние на Гельвеция имели Вольтер и Монтескье. Последнего он называл «отцом законодателей» [3]. Однако наибольшее значение для Гельвеция, судя по его собственным ссылкам и оценкам, имели идеи Локка. Сам он называл себя последователем Локка.

Однако, сравнительный анализ воззрений Гельвеция и Локка позволяет говорить лишь о частичном сходстве их правовых концепций, хотя одна из глав книги французского мыслителя «О человеке» названа им «О сходстве моих взглядов с взглядами Локка» [4]. Французский философ в некоторых своих выводах принципиально отдалается от методологии Локка. В основе этих различий – более оптимистичный и одновременно более упрощенный взгляд Гельвеция на интеллектуальные возможности человека и его способность гибко реагировать на меры социального воздействия.

При этом в рассуждениях самого Гельвеция имеются существенные противоречия. Гельвеций исходит из того, что память, все мыслительные операции и любые другие возможности человека определяются его способностью получать впечатления от внешних предметов. В этом заключается основное отличие воззрений французского мыслителя от рассуждений Локка, который допускал существование еще и внутреннего опыта, который, по его мнению, также может служить источником знаний. Поэтому у Локка человек менее предсказуем, способен на нелогичные действия, не всегда адекватен внешним обстоятельствам. У Локка процесс познания действительности начинается с чувствительности, у Гельвеция весь этот процесс к ней сводится. «Если все можно объяснить физической чувствительностью, то бесполезно допускать наличие у нас еще и других способностей. Человек есть машина, которая, будучи приведена в движение физической чувствительностью, должна делать все то, что она выполняет» [5]. В своем стремлении развить идеи Локка Гельвеций, в конечном счете, упрощает их.

Одно из самых существенных противоречий у Гельвеция заключается в оценке природы человека. Он периодически высказывает мысль о том, что есть слабые умы, которые не способны понять всей сложности природных закономерностей [6]. Тем не менее, в глобальных обобщениях, в частности, в основном труде «О человеке», делается акцент на том, что люди по своей природе, в том числе и по интеллек-

туальным способностям, одинаковы.

В целом же, в контексте взаимной связи природы человека и принципов права Гельвеций подробно разрабатывает теоретическую основу законодательства, следуя принципам утилитаристского подхода к проблеме. Выражение «Интерес есть мера человеческих поступков» он называет юридической аксиомой [7].

Цель законодателя заключается в увязывании частного интереса с общим, что может быть сделано только с помощью наказаний и наград. «Законы, установленные для счастья всех, не стали бы соблюдаться никем, если бы судьи не были облечены властью, необходимой для того, чтобы обеспечить их выполнение». Когда законы вследствие всеобщей безнаказанности нарушаются «большинством частных лиц», то «они перестают быть законами». В этом случае личный интерес запрещает человеку соблюдать законы, «приносящие только ущерб тому, кто является их единственным исполнителем» [8].

В качестве примера Гельвеций приводит ситуацию, когда при отсутствии полиции закон запрещает «ходить вооруженными» там, где «хозяйничают разбойники». Соблюдение этого закона, по его мнению, было бы не только несправедливостью, но «даже безумием» [9].

Таким образом, самосохранение человека Гельвеций ставит выше любых предписаний законодательства. По его мнению, правы те законодатели, которые «никогда не считали преступлением убийство, совершенное в состоянии самообороны» [10]. Здесь прослеживается характерная для рассуждений Гельвеция логика: при необходимости оправданы самые жесткие меры по отношению к преступнику.

Любые человеческие страсти, по Гельвецию, сводятся к физическим удовольствиям и страданиям. Понимание выгоды и пользы связывается именно с получением удовольствия. По его мнению, законы подталкивают людей к преступлению тем, что часто соединяют пороки с наслаждением.

Наказание, следующее за совершением преступления, по сути, является именно страданием. Другие варианты понимания сути наказания Гельвецием даже не рассматриваются. «Великое искусство законодателя» заключается в установлении порядка, требующего, чтобы «выгода, извлекаемая злодеем из преступления, была совершенно несоизмерима тому страданию, которое ему за это грозит» [11].

В данном случае Гельвеций настаивает именно на том, что масштабы наказания должны многократно превосходить масштабы преступления. То есть соблюдение принципа соразмерности этих явлений, по его мнению, никак не способно остановить потенциального преступника.

Цели наказания, как и стратегические цели законодательства вообще, определяются общественной пользой. «Эта польза есть принцип всех человеческих добродетелей, и основание всех законодательств <...> этому принципу следует жертвовать всеми своими чувствами, даже чувством гуманности» [12].

Гельвеций выделяет понятие «просвещенная гуманность», предполагающее выход за пределы сиюминутной проблемы и учет интересов не только преступника, но и законопослушного человека. «Если из соображений просвещенной гуманности убийцу приговаривают к казни, то в эту минуту думают лишь о благе множества честных граждан» [13].

Таким образом, подлинный гуманизм ориентируется на учет интересов наибольше-

го количества людей, что должно быть отражено в праве. Лучший закон тот, который создан «для выгоды возможно большего количества людей» [14].

Понятия «интересы общества», «общественная польза» у Гельвеция не имеют качественного отличия от интересов обычного человека. «Так как счастье общества складывается из счастья всех индивидов, то, чтобы узнать, что составляет счастье всех людей, надо было узнать, что составляет счастье каждого отдельного человека» [15].

То есть общественная польза – лишь сумма интересов людей, составляющих это общество. Если интересы различных групп общества расходятся, меняются, то необходимо учитывать, прежде всего, интересы большинства. Законы должны следовать этому принципу. «Их следует изменять, когда они противоречат благу большинства» [16].

Важным положением правовой теории Гельвеция является утверждение о принципиальной неразрывности закона и наказания. Он ссылается на аналогичный тезис Локка, связывавшего закон с наказанием и наградой. Французский мыслитель считает, что представление о силе предшествует представлению о справедливости. «Даже в цивилизованных странах, где постоянно говорят о справедливости, всякий человек обращается к ней лишь тогда, когда он вынужден к этому страхом перед силой, равной или превосходящей его собственную силу» [17].

При любом уровне развития общества люди сдерживают себя и считаются с чужими интересами лишь при условии, что существует реальная угроза получить отпор со стороны других людей. «Сохранение этого равновесия есть верх искусства законодательства. Взаимный и благотворный страх заставляет людей быть справедливыми друг к другу». Гельвеций утверждает, что если этот страх перестает быть взаимным, то это означает, что законодательство «содержит в себе известные недостатки». При совершенном законодательстве «человек вынужден быть справедливым» [18].

Таким образом, Гельвеций призывает не полагаться на моральные добродетели человека, которые представляются ему явно ненадежной опорой для выстраивания социальных отношений. Лишь реальная угроза наказания способна заставить человека задуматься о справедливости.

Принципиально важным представляется то обстоятельство, что Гельвеций не просто подчеркивает необходимость сохранения страха как условия взаимного учета людьми интересов друг друга. Основным условием соблюдения взаимных интересов является именно сохранение страха граждан друг перед другом, а не перед государственными институтами, которые по определению имеют право на принуждение в рамках закона. Перед законодателями Гельвеций ставит цель сохранения, прежде всего, взаимного равновесия сил между гражданами. Это предполагает предоставление законопослушному гражданину права наносить достаточно существенный ущерб посягающему на его законные интересы, не прибегая в каждом случае к помощи государства. Иначе говорить о взаимном страхе не имеет смысла, поскольку страх существует лишь там, где есть взаимное равновесие сил.

Ведь Гельвеций прямо пишет о том, что отсутствие взаимного страха людей – это уже недостаток законодательства. Соответственно, любые положения закона, дающие преимущество одной группе людей по отношению к другой группе людей в плане способности при посягательстве на их важнейшие интересы наносить ущерб преступни-

кам, провоцируют преступления.

Права любого человека рассматриваются Гельвецием лишь в соотношении с правами других людей. «Высшее искусство законодательства заключается в таком ограничении могущества каждого гражданина, чтобы он не мог никогда безнаказанно посягать на жизнь, собственность и свободу другого гражданина» [19]. Лучшим примером решения данной проблемы Гельвеций называет Англию.

Нам представляется, что неравенство статусных позиций граждан в современной России проявляется в существовании различных прав на средства самообороны (при непосредственном посягательстве), а также во всевозможных привилегиях по отношению к действующему уголовному законодательству (вплоть до права полного освобождения от ответственности) при осуществлении государственного правосудия.

Природа человека такова, что «представления о страхе всегда ассоциируются в нашей памяти с представлением о силе и могуществе» [20].

Логика Гельвеция означает, что никакие самые широкие полномочия по противостоянию преступности, закрепленные исключительно за государством, не решат проблему криминального посягательства на права граждан, если сами граждане на уровне закона лишены реальной силы в противодействии преступникам.

Преступление и наказание должны находиться в тесной причинно-следственной связи. Разрушение этой связи чревато социальными потрясениями. «Противоречие – отменив закон, наказывающий за воровство и убийство, желать, чтобы не крали и не убивали». Желать, чтобы человек, имеющий возможность свободно игнорировать законы «был всегда гуманен и добродетелен, - это все равно, что желать следствия без причины» [21].

Сам факт наказания без учета его связи с масштабами и направленностью преступления не решает проблемы. «Во всякой стране принципом, наиболее способствующим добродетели, является точность в наказании и в вознаграждении действий, полезных или вредных для общества» [22].

Конкретизируя свои предложения по определению наказаний, Гельвеций настаивает на необходимости максимально точно увязывать иерархию наказаний со степенью вреда преступлений. Лишь возможность нанесения реального ущерба интересам преступника способна остановить его. «Не церковные проклятия, а меч правосудия обезоруживает в городах злодея; палач сдерживает руку убийцы» [23].

Как и Монтескье, Гельвеций отмечает, что в IX, X, XI веках, в период наивысшего влияния католичества, уровень преступности был чрезвычайно высок: «Европа была населена исключительно разбойниками». Причиной этого являлась явная неадекватность наказаний преступлениям: «Единственным наказанием за крупное преступление был более или менее высокий штраф. За убийство рыцаря, барона, графа, легата платили столько-то или столько-то; наконец даже убийство государя оценивалось по таксе». И в современном Париже безопасность обеспечивает не «набожность его жителей», но «аккуратность и бдительность его полиции» [24].

Здесь проявляется характерная для Гельвеция недооценка религии как разновидности социального контроля. Если Макиавелли и его последователи видели в религии дополнительный социальный регулятор, то Гельвеций считает возможным отказаться

от неё. Представляется, что это не случайность, а следствие упрощенного видения человеческой природы, сведение её, в конечном счете, к рациональному началу.

Гельвеций исходит из существования природного равенства людей в отношении интеллектуальных способностей, причем он ориентируется на самый высокий уровень умственного развития. Гельвеций считает, что у всех людей есть способности к тому, «чтобы подниматься к самым высоким идеям» [25].

«Наблюдаемое в людях значительное умственное неравенство зависит исключительно от различия в их воспитании и от скрытого от нас и многообразного сплетения обстоятельств, в которых они находятся» [26].

Следствием этой идеи является предложение о составлении в рамках законодательства «плана идеального воспитания» [27]. Предлагается доказывать людям, что «их правильно понятый интерес заставляет принести в жертву личную временную выгоду во имя национальной выгоды» [28].

Последнее предложение предполагает наличие реальной постоянной связи между личными и национальными интересами, в то время как она может отсутствовать на уровне законодательства.

Таким образом, Гельвеций предлагает обязать законодательство выполнять и функцию воспитания. Но ведь смешение функций наверняка негативно скажется на эффективности деятельности правосудия. Однако проблема градации различных функций законодательства в зависимости от степени их важности даже не рассматривается.

«При отличном законодательстве единственными порочными людьми были бы глупцы» [29]. То есть, одно из ключевых положений правовой концепции Гельвеция предполагает, что нормы «отличного» законодательства будут соблюдаться теми, кто рационально мыслит. Французский мыслитель считает дальновидность, необходимую для понимания и выполнения закона, качеством абсолютно естественным для среднего человека. Остается открытым вопрос: если «глупцы» составляют большинство общества, что же тогда можно считать «отличным законодательством»?

Заявив об эгоистической природе человека, Гельвеций, тем не менее, считает, что разум может быть сильнее этого чувства. В письме Монтескье он высказывается против его идеи разделения властей: «Ваши комбинации властей лишь разъединят и усложнят индивидуальные интересы, вместо того, чтобы их объединить» [30].

Гельвеций предлагает принципиально изменить саму мотивацию человеческой деятельности. Он считает, что законодатель должен «более тщательно подавлять пороки и совершенствовать добродетели» [31]. При этом даже не упоминается тот факт, что само понимание сути этих явлений относительно. Законодателю предлагается действовать на основе моральных категорий – порока и добродетели, то есть происходит не просто смешение сфер действия морали и права, а подмена права моралью.

Гельвеций развил и конкретизировал некоторые идеи мыслителей утилитаристского толка, связав реализацию права с соотношением страдания и удовольствия, пользы и вреда.

Однако, представляется, что правовая теория Гельвеция может быть оценена в значительной степени как отход от реалистической традиции понимания человека и соответствующих принципов права, изложенных, в частности, Локком, хотя сам Гельвеций и

считал себя продолжателем его дела. Она несет в себе целый ряд противоречий. Утверждая, что человек по своей сути эгоистичен, тем не менее, философ чаще предлагает апеллировать к его разуму, а не к инстинктам самосохранения.

Провозгласив знания о человеке совершенно необходимыми для законодателя, он вместе с тем предлагает формировать человека путем изменения законодательства.

Рассуждая о необходимости жестко противостоять преступности, Гельвеций вместе с тем полагает, что человек практически полностью является результатом воспитания, воздействия социальной среды, тем самым фактически целиком возлагая на общество ответственность за его поведение и уменьшая личную ответственность человека. Эта концепция и стала основой теории Ч. Беккариа.

Вместе с тем, эта концепция фактически обосновывает право государства на всеобъемлющее регулирование жизни человека под предлогом необходимости воспитательно-го воздействия.

Список литературы

1. Беккариа Ч. *О преступлениях и наказаниях*. М., 1939. С. 41.
2. Левенсон П. Я. Беккариа и Бентам // *Адам Смит. Беккариа и Бентам. Джон Милль. Прудон. Ротшильды: Биографические повествования / Сост., общ. ред. Н.Ф. Болдырева; Послесл. А.Ф. Арендаря. Жизнь замечательных людей. Биографическая библиотека Ф. Павленкова; Т.32. Челябинск, 1998. С. - 171.*
3. Момджен Х.Н. Клод Адриан Гельвеций // *Гельвеций К. А. Соч.: В 2 т. М., 1973. Т.1. С.9-10.*
4. Гельвеций К.А. *Записные книжки // Соч.: В 2 т. М., 1974. Т.1. С. 78.*
5. Гельвеций К.А. *О человеке // Соч.: В 2 т. М., 1974. Т.2. С.103.*
6. Гельвеций К.А. *О человеке // Соч.: В 2 т. М., 1974. Т.2. С.552-554.*
7. Гельвеций К.А. *Об уме // Соч.: В 2 т. М., 1974. Т.1. С.343.*
8. Гельвеций К.А. *Об уме // Соч.: В 2 т. М., 1974. Т.1. С.344.*
9. Там же.
10. Гельвеций К.А. *Об уме // Соч.: В 2 т. М., 1974. Т.1. С.413.*
11. Гельвеций К.А. *Об уме // Соч.: В 2 т. М., 1974. Т.1. С.414.*
12. Гельвеций К.А. *Об уме // Соч.: В 2 т. М., 1974. Т.1. С.206.*
13. Гельвеций К.А. *О человеке // Соч.: В 2 т. М., 1974. Т.2. С.121.*
14. Там же. С.196.
15. Там же. С.421.
16. Там же. С.521.
17. Там же. С.197.
18. Там же. С.198.
19. Там же. С.432.
20. Там же. С.401.
21. Там же. С.159.
22. Там же. С.327.
23. Там же. С.351.
24. Там же.. С.352.
25. Гельвеций К.А. *Об уме // Соч.: В 2 т. М., 1974. Т.1. С.455.*
26. Там же. С.455.
27. Гельвеций К.А. *О человеке // Соч.: В 2 т. М., 1974. Т.2. С.432.*
28. Там же.
29. Там же. С.211.

Р. В. Скиндерев

канд. юр. наук, доцент, Курганский государственный университет

ОБЪЕКТИВНАЯ И СУБЪЕКТИВНАЯ ОБУСЛОВЛЕННОСТЬ ПРАВА ПОЛИТИЧЕСКОЙ СФЕРОЙ

На всех этапах своего существования общество всегда стремилось к порядку и самоорганизации. Это стремление является универсальным по своей природе и присуще всем народам во все времена. Социальный порядок – необходимое условие существования общества. Люди стремятся организовать практически все свои отношения, создавая различные социальные объединения и применяя различные способы и методы. Помимо мысленного представления о порядке необходимо сформировать некую силу, которая, во-первых, способна организовать социум, а во-вторых, поддерживать своим принуждением и авторитетом эту организованность. Иными словами речь идет о власти. Невозможно представить себе общество, лишенное власти, нет ни одного исторического примера такого существования людей. Власть присутствует на протяжении всей истории и на разных уровнях социальных объединений. Власть может быть разной по своему происхождению, по уровню компетенции и по способам своего проявления. Это может быть власть монарха или парламента, власть суда или администрации, власть председателя колхоза или власть комиссара, власть отца в семье или власть лидера неформальной группы [1]. Она бывает разной, но есть свойство, которое объединяет всевозможные модификации власти – власть способна навязывать свою волю подвластным. Власть является необходимым условием существования любых норм поведения, в том числе и правовых. Если представить, что какая-либо группа людей окажется оторванной, изолированной от цивилизации, то члены этой группы первоначально договорятся о какой-либо нормативной системе: они могут использовать уже известные нормы, могут некоторые нормы изменить, или выработать новые. Но самое главное, они постараются определить властный субъект, который бы своим авторитетом обеспечил исполнение этих норм. У власти есть и другое свойство – она всегда опирается на принуждение. По сути, власть – это упорядоченное насилие, конечно, необходимое и порой даже полезное, но все-таки насилие. Не все склонны принимать существующий порядок как справедливый, и тем более не все соглашаются терпеть насилие, которым этот порядок поддерживается. Поэтому во все времена в обществе прослеживается стремление свергнуть власть, освободиться от нее и... установить новый *порядок*. По сути, все радикальные устремления не выступают против власти и порядка как таковых, они направлены против действующей власти и действующего порядка. Удивительные свойства обнаруживает общество, когда борется за свободу: *освобождаясь от какой-либо зависимости, оно ввергает себя в еще более жесткую несвободу*. Об этом говорит история всех

революций. Великая Французская революция, провозгласившая свободу, равенство и братство, явила миру неслыханный по своей жестокости и бессмысленности якобинский террор. Революция 1917 года, освободившая страну от самодержавного произвола, обернулась не менее жестокой большевистской диктатурой. Даже если взглянуть на внутреннюю организацию революционных групп (даже анархических), то можно увидеть жесточайший порядок, основанный на беспрекословном подчинении своим лидерам, причем в этом они видят залог успешной борьбы против власти и порядка. То есть, только будучи несвободными, они могут бороться за свободу. Парадоксально, но это так. Есть группы вообще, в принципе отрицающие любую власть и любой порядок. К ним можно отнести анархистов любого толка, преступные группы, различные неформальные объединения. Самое интересное, что и у них, в их внутренней организации, действуют чрезвычайно жесткие нормы, неисполнение которых влечет за собой различные санкции. И у них есть лидеры, властвующие субъекты, которые эти нормы поддерживают. То есть получается, что, объявляя протест всей системе организации общества, эти объединения ничего нового не создают! В их существовании нет никакой альтернативы, они просто воспроизводят своей практикой давно испытанные формы социальной организации. О чем говорят эти примеры? О том, что *стремление к порядку и самоорганизации, которое выражается в создании властных субъектов – универсальное, объективное и имманентное свойство человеческого общества*. А стремление к власти – это, несомненно, политическое свойство.

Так каким же образом политическая сфера оказывает влияние на право, в чем это влияние проявляется? В первую очередь, власть является необходимым условием существования права, то есть право обязано власти своим бытием. Именно возможность государственного принуждения делает право столь могущественным. С другой стороны, власть своим существованием требует от общества создания сначала отдельных норм, затем институтов, а в современных условиях и целых отраслей, регулирующих правовой статус власти и властные отношения в целом. Если посмотреть на Законы Хаммурапи, то там даже нельзя найти ни одной нормы, касающейся царской власти. Но со временем ситуация в праве меняется и в настоящее время уже несколько целых отраслей регулируют властные отношения: конституционное право, административное право, финансовое право, таможенное право. Поэтому можно сказать, что *власть одним своим существованием объективно обуславливает существование права*.

Кроме того, право объективно зависит от той политической системы, в которой оно существует [2].

Во-первых, политической системой определяется способ возникновения права, особенно если это касается источников, имеющих высшую юридическую силу. Если, к примеру, рассмотреть диктатуру, то в ее условиях право возникает по воле, по прихоти одного лица, особой процедуры нет, она и не нужна, право приобретает свою силу при помощи сакрального авторитета властвующего лидера. В условиях демократической республики правовые нормы возникают иначе, посредством сложного и, порой, запутанного законодательного процесса, в котором задействованы парламент, правительство и глава государства. В этом случае право приобретает свою силу через сложную процедуру.

Во-вторых, политическая система диктует преобладание какого-либо типа правовых норм. В условиях тоталитаризма, например, в праве наблюдается господство императивных норм, даже там, где они не совсем оправданы (допустим, в сфере гражданского права). А в условиях демократического общества диспозитивным нормам остается намного больше места.

В-третьих, политическая реальность диктует праву определенное содержание. Право может защищать частную собственность, свободу предпринимательской деятельности, неотчуждаемые права человека. А может охранять социалистическую собственность, но запрещать частную, давать социальные гарантии, обеспечивать всеобщую занятость и образование, запрещать инакомыслие. Например, частнопредпринимательская деятельность, являющаяся в настоящее время правомерной деятельностью, охраняемой Конституцией РФ (ст. 34), в советское время являлась преступлением, за которое статьей 153 УК РСФСР 1960 г.[3] определялась уголовная ответственность.

Характер права существенно зависит от существа политической системы. Все имеет значение: парламентская республика это или президентская, многопартийная система или монопартийная, а может быть бипартийная, какова реальная роль главы государства, как распределены полномочия между парламентом, главой государства и правительством, существует ли вообще разделение властей или нет, является ли государство светским, каков характер политической культуры. Список можно продолжать, и будет ясно, что право в целом и отдельные его институты существенным образом зависят от бесконечного множества политических факторов, потому как политическая действительность всегда облекается в правовую форму, существует в виде множества правовых норм.

Кроме объективного воздействия политической сферы на право, существует еще и субъективное воздействие. *Право – результат деятельности властных субъектов.* Право создается органами власти: законодательными, исполнительными, местными, а в определенных условиях и судебными. В этом смысле власть представляет собой *сильнейший субъективный фактор.* Чем руководствуются органы власти, создавая правовые нормы? Казалось бы, они руководствуются объективными насущными потребностями общества. Нормы принимаются, исходя из общественной необходимости, которая выглядит как объективная реальность, и игнорировать ее невозможно. Справедливо, но властные органы - не аппараты по созданию права, они видят эту объективную общественную необходимость *субъективно*, «со своей колокольни», и имеют *субъективное представление* о том, как удовлетворить общественные потребности.

Примером такого субъективного осознания объективных общественных условий, субъективного определения целей и субъективного определения способов достижения этих целей является деятельность политического руководства нашей страны, направленная на реформирование федеральной и региональной власти.

К концу 90-х годов в политической системе России сложилась ситуация крайней нестабильности, которая характеризовалась слабостью власти на всех уровнях, раздробленностью политических институтов, самовластием региональных элит. Государство оказалось не в состоянии выполнять свои функции. Общественные условия требовали незамедлительного правового вмешательства с целью укрепления государства.

Новое руководство страны, пришедшее к власти после избрания на пост Президента РФ В.В. Путина, субъективно оценив объективные условия данного времени, субъективно определило основную цель – укрепление системы федеральной и региональной власти. Субъективно был выбран и путь достижения цели – создание системы управляемой, манипулируемой власти: ослабление политической роли субъектов федерации, ослабление политического влияния парламента, снижение роли демократических процедур.

Первым шагом на пути к этой цели было издание указа Президента РФ от 13 мая 2000 г. N 849 «О полномочном представителе Президента Российской Федерации в федеральном округе» [4], в соответствии с которым субъекты федерации были объединены в семь федеральных округов, в каждом из которых назначался полномочный представитель с широкими контрольными полномочиями (п.5, 6 положения «О полномочном представителе Президента РФ»). В дальнейшем по инициативе Президента РФ Государственная Дума принимает Федеральный закон от 5 августа 2000 г. N 113-ФЗ «О порядке формирования Совета Федерации Федерального Собрания Российской Федерации» [5], благодаря которому руководители субъектов Федерации лишились своих парламентских мест в Совете Федерации. И логическим завершением этого направления стало принятие Федерального закона от 11 декабря 2004 г. N 159-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации» и в Федеральный закон «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации» [6]. Новая редакция измененных законов практически свела на нет демократическую процедуру выборов глав регионов, формально сохранив избрание, но фактически закрепив назначение руководителей субъектов Федерации Президентом РФ. Таким образом, принятые нормативные акты существенным образом ослабили власть региональной исполнительной власти и в большой степени лишили ее самостоятельности.

Иные правовые акты были направлены на ослабление политического влияния парламента. Прежде всего, на законодательном уровне был ужесточен порядок создания и регистрации политических партий, ужесточены требования к политической партии. Сделано это было с целью создания предсказуемой, управляемой партийной системы. В соответствии с ч. 2 ст.3 Федерального закона от 11 июля 2001 г. N 95-ФЗ «О политических партиях» политическая партия должна отвечать следующим требованиям: политическая партия должна иметь региональные отделения более чем в половине субъектов Российской Федерации, при этом в субъекте Российской Федерации может быть создано только одно региональное отделение данной политической партии; в политической партии должно состоять не менее пятидесяти тысяч членов политической партии, при этом более чем в половине субъектов Российской Федерации политическая партия должна иметь региональные отделения численностью не менее пятисот членов политической партии. В остальных региональных отделениях численность каждого из них не может составлять менее двухсот пятидесяти членов политической партии; руководящие и иные органы политической партии, ее региональные отделения и иные структурные подразделения должны находиться на территории Российской Федерации [7].

Новый закон практически закрыл доступ к политической деятельности новым моло-

дым и неокрепшим партиям, оставив «на плаву» уже известные, предсказуемые партии. Федеральный закон от 18 мая 2005 г. N 51-ФЗ «О выборах депутатов Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации» продолжил практику создания более управляемой законодательной власти [8]. Статья 3 (часть 2) закона установила пропорциональную систему выборов, исключив возможность региональным политическим лидерам баллотироваться самостоятельно [9]. А ч. 7 ст. 82 закона определила чрезвычайно высокий 7-процентный барьер для партий, участвующих в выборах. Тем самым появление новых партий в парламенте стало практически невозможным.

Приведенные выше примеры являются показателем того, как политическая власть, субъективно оценивая объективные общественные условия, субъективно определяет цели и субъективно намечает пути их реализации. Иными словами, политическая власть способна субъективно обуславливать право.

Справедливости ради нужно сказать, что органы власти отнюдь не всегда при создании норм права руководствуются интересами общества. За правотворческой деятельностью очень часто кроются сиюминутные, конъюнктурные, своекорыстные или узко корпоративные соображения. К сожалению, бывает так, что правовая норма обязана своим происхождением чьей-то прихоти. Лоббирование, распространенное повсеместно, приводит к тому, что право превращается в мощное орудие нечестной конкурентной борьбы. Право начинает удовлетворять исключительно субъективные потребности. Даже если сбросить со счетов корыстные мотивы, то нельзя не увидеть, что в процессе создания правовых норм субъекты правотворчества не свободны от политических пристрастий, предпочтений, которые исключительно субъективны по своей сути. То есть мы видим, что субъективное влияние политической сферы на право очень велико.

Резюмируя вышесказанное, можно прийти к следующим выводам.

Во-первых, *стремление к порядку и самоорганизации, которое выражается в создании властных органов, – универсальное, объективное и имманентное свойство человеческого общества.*

Во-вторых, *политическая сфера одним своим существованием объективно обуславливает право.*

В-третьих, *право существенно зависит от характера политической системы, что также говорит об объективном влиянии политики на право.*

В-четвертых, *помимо объективной обусловленности права политикой, существует еще и субъективная обусловленность, выражающаяся в деятельности органов власти по созданию правовых норм.*

Список литературы

1. См., напр., о природе власти: *Власть: Очерки современной политической философии Запада/ Под ред. В. Мишенидзе. М., 1989; Дегтярев А.А. Политическая власть как регулятивный механизм социального обеспечения// Полис. 1996. № 3. С. 108-121; Зальгин И.Ю. Политическое насилие в системе власти// Социально-политический журнал. 1995. № 3. С.90-100; Ильин М.В., Мельвиль А.Ю. Власть// Полис. 1997. № 6. С. 146-163; Парсонс Т.О понятие «политическая власть»// Политология: Хрестоматия. М., 1999. С. 239-247; Чиркин Е.В. Основы государственной власти. М., 1996; Философия власти/ Под ред. В. Ильина. М., 1993.*

2. См., напр., о политических системах: Андреев С. Политические системы и политические организации общества// Социально-политические науки. 1992. № 1. С. 23-34; Белов Г. Политическая система// Кентавр. 1995. № 2. С. 150-160; Белов Г. Функции политической системы// Кентавр. 1995. № 3. С. 152-160; Истон Д. Категории системного анализа политики// Политология: Хрестоматия. М., 1999. С. 319-331; Каменская Г.В., Родионов А.Н. Политические системы современности. М., 1994; Краснов Б. Политическая система// Социально-политический журнал. 1995. № 4. С. 90-101.
3. Ведомости ВС РСФСР. 1960. №40. Ст. 591.
4. Собрание законодательства Российской Федерации от 15 мая 2000 г., № 20, ст. 2112.
5. Собрание законодательства Российской Федерации от 7 августа 2000 г., № 32, ст. 3336.
6. Собрание законодательства Российской Федерации от 13 декабря 2004 г., № 50, ст. 4950.
7. Собрание законодательства Российской Федерации от 16 июля 2001 г., № 29, ст. 2950.
8. Собрание законодательства Российской Федерации от 23 мая 2005 г., № 21, ст. 1919.
9. В действительности пропорциональная система выборов не является антидемократической, но ее существование имеет смысл, когда результаты парламентских выборов напрямую связаны с вопросом формирования правительства. А в российских условиях правительство формируется практически автономно от законодательной власти. Поэтому новый порядок избрания депутатов, на наш взгляд, имеет целью прежде всего сделать процедуру выборов и их результаты более предсказуемыми и управляемыми.

И. П. Хараламов

ст. преподаватель, Курганский государственный университет

СТРУКТУРНЫЕ ЭЛЕМЕНТЫ ОБЩЕСТВА И ПРАВА В КОНСТИТУЦИОННОМ РАЗВИТИИ ГОСУДАРСТВА (ИСТОРИКО-ПРАВОВОЙ АСПЕКТ)

В современных научных юридических исследованиях конституционного права проблема функций конституций специально почти не обсуждалась [1].

Однако, если это основной закон, то логически он должен выполнять это в качестве отражения диалектики общего, особенного и единичного.

Критерии этого отсутствуют, поскольку в реальной жизненной ситуации (обсуждение и принятие конституции) сталкиваются различная аргументация сторон, политический противовес социальных групп, партий и т.д. по различным признакам.

К основным функциям исследователи Т.Я. Хабриева и В.Е. Чиркин относят верховную легализацию основ существующего общественного и государственного строя, определенного порядка. Легализация - «узаконение» правомерными актами и легитимация - «узаконение» в представлениях населения в его оценке с позиции правильности, справедливости не совпадают.

Любая конституция выполняет «развивающую», стабилизационную функцию.

Исследователи полагают, что «с идеологическими свойствами конституций связана идеологическая функция» [2]. Необходимо отметить, что в данном тавтологическом контексте не реализуется право на деидеологизацию (см., например, ст.13 Конституции РФ).

Вводя в научный оборот термины «инструментально-либеральные конституции XIX века» и «социально-инструментальные демократические конституции II пол. XX века нач. XXI века», авторы не раскрывают обоснованно соотношение этих понятий. Речь идет о «верховой легализации в более широком объеме» (?!), затрагивая основы общественного строя и социально-экономические права граждан. Весьма странное и логически противоречивое утверждение: «**затрагивая** основы»...

Не выдерживает критики и другое утверждение исследователей – «тоталитарные конституции легализируют, делают юридически законными, антидемократические политические порядки».

Здесь надо вести речь о законной или незаконной процедуре принятия конституции и реально обоснованном критерии – общем количестве участвующих в голосовании (всенародный референдум).

Леон Дюги, анализируя господствующие идеи Национального Собрания Франции 1789 года, утверждал, что **участие в выборах не право, а функция**, по мысли участвующих в Собрании эта идея комбинируется с идеей права гражданина. За каждым индивидуумом, живущим в обществе, признается индивидуальное право, стоящее над всяким положительным законом и обязательное для законодателя [3].

Кстати, говоря об общем направлении демократического и антидемократического подхода к созданию конституции, нужно отметить, что в той же Франции по Конституции 1793 года, ст.4,7,8,II подчеркивалось, что всякий гражданин является избирателем и имеет право принимать участие в законодательном референдуме, однако не устанавливалось избирательное право женщин [4].

Л. Дюги считает это непоследовательностью Конвента, в нашем понимании эта антидемократическая норма права.

Демократическая конституция узаконивает то, что, по мнению ее создателей, соответствует интересам народа, тенденциям прогресса и разрушает (на уровне основного закона закрепляет разрушение) того, что отжило, мешает движению вперед... как подчеркивают Т.Я. Хабриева и В.Е. Чиркин. Таким образом, основные звенья здесь народ и человек, однако, парадоксом является то, что даже в современных демократических конституциях нет полного реального равенства между мужчинами и женщинами.

Достаточно полно и объективно нерешенные проблемы в этом аспекте показывают тендерные исследования, например, в США традиционная концепция равной оплаты заменена на политику сравнимой пользы [5].

Справедливо и обоснованно утверждение, что равноправие людей означает их юридическое равенство. Бездефектное состояние личности и относительная свобода воли, то есть способность сознавать свои действия и руководить ими, является основой для признания государством правоспособности и дееспособности гражданина.

Субъективные права являются источником **их конституирования**, и обеспечивают

человеку:

- а) свободу поведения в пределах, установленным законом;
- б) возможность пользоваться определенными социальными благами;
- в) полномочия совершать определенные действия и требовать соответствующих действий от других людей;
- г) возможность обратиться в суд для защиты нарушенных прав.

Естественно, что во взаимоотношениях государства и личности (гражданина) должна быть **взаимная ответственность** [6].

Проблема, возникшая на практике, сводится к тому, что если этого нет в Конституции и других подзаконных нормативных актах, при известной части населения государства, не участвующего в принятии основного закона (нелегитимность), и отсутствия фактического равенства возможно ли при этом говорить о полном демократическом подходе?

Чем больше Конституция не будет соответствовать объективным естественноисторическим, экономическим и другим условиям общества, тем более такой текст останется нереализованным [7].

Динамика развития общественного прогресса показывает, что, несмотря на «всенародное» принятие конституций в различных государствах мира, грубо нарушались права человек. В частности, после второй мировой войны они вышли за пределы внутригосударственной (конституционной) проблемы и стали предметом изучения и контроля в определенных направлениях международного сообщества.

Справедливо суждение, что в этом случае конституции согласно правотворчеству законодателей и конкретного режима власти «подстраивались» под определенные условия жизни общества (этап развития), постоянно декларативно дополнялись правами и свободами человека. Однако при этом обеспечивали фактически полноправную жизнь не всему обществу в целом, лишь некоторой его части, обычно «правлящей верхушке», поскольку за нереализацию положений конституции санкции не предусмотрены [8].

Исследователи объективно отмечают, что и многогранная идея конституционализма (доктрина) также изменяется с развитием общественной жизни, несмотря на то, что она связана с конституцией. основополагающие направления: иметь саму конституцию, принятие ее демократическим путем, и ограничение ее власти [9]. В США понятие прав человека и гражданина сначала не было включено в Конституцию.

Несмотря на динамику общественного прогресса, Конституционные права и свободы граждан нередко игнорируются и нарушаются, в том числе и в Российской Федерации [10].

В статье «Четыре урока рассмотрения дела в Европейском Суде по правам человека» адвокат А.В. Кирьянов пишет, что по уголовному делу гр. Посохова, в связи с оправданием по п. «б» ч.3 ст.188 УК РФ по согласованию с подзащитным была направлена жалоба в «новую для нас инстанцию» - Европейский Суд по правам человека по шести конкретным обстоятельствам нарушения, включая нарушения Конституции РФ.

Интересно решение Европейского Суда: по ряду пунктов он указал, что заявители не исчерпали все средства национальной правовой защиты, по некоторым обратил внимание на недостаточную обоснованность [2].

На наш взгляд, недостаточной аргументацией и обоснованностью явилось неприменение положений действующей Конституции РФ адвокатом.

Также в этом случае не применил правовые нормы Конституции РФ и указанный Европейский Суд по правам человека.

Таким образом, полные гарантии провозглашенных конституционным законом прав и свобод в обществе отсутствуют. Это относится к любому государственному образованию. В части юридических гарантий реализации: убеждений и принуждений проблем гораздо меньше во втором случае, однако существуют серьезные проблемы при применении гарантий использования гражданами своих прав и свобод, защиты (охраны) прав и свобод [11].

В этом случае возникает резонный вопрос: работает ли демократическое содержание Конституции, если оно реализуется в вышесказанном основании частично применительно к обществу?

На наш взгляд нет, ибо желаемое - это еще не действительное в развитии общества, права и государства.

Человек нуждается в материальных благах для элементарного существования, но у него есть и определенные психологические потребности, которые зачастую значат для него намного больше, чем физиологические. Критерии определения степени нуждаемости с течением времени изменяются [12].

Но и популизм - это не конституционное право, так же как быть свободным и равным - совершенно разные по содержанию понятия.

Представитель утопического социализма в России XIX века А.И. Герцен обращал внимание на то, что «социализм разовьется во всех фазах своих до крайних последствий, до нелепостей. Тогда снова вырвется из титанической груди революционного меньшинства крик отрицания и снова начнется смертная борьба, **в которой социализм займет место нынешнего консерватизма и будет побежден грядущей, неизвестною нам революцией...**» [13].

Данное предвидение доказано на практике применительно к России, несмотря на принятие в XX веке Основного Закона как особого объекта правового регулирования. Понятия объект и предмет конституционного права различны, методология этого вопроса не конкретизирована опорными понятиями [14].

Кстати, в царской России господствовавшая православная церковь была часть государственного аппарата, «верховным защитником и хранителем догматов господствующей веры», «блюстителем правоправия и всякого в церкви святой благочиния». «Главой церкви» в законах Российской империи объявлялся император. **Отсюда и следовал вывод о нецелесообразности Конституции в Российской империи**, которая не была принята до свержения царского режима, а законодательно закреплена в новой политической системе России в 1918 году... Исследователь В.В. Клочков полагает, что «для дореволюционной России было характерно более тесное, чем в западноевропейских и других капиталистических странах (1917 г.) **слияние религии и права**» [16].

Таким образом, религиозно-государственные нормы заменяли конституционные в определенном длительном периоде времени.

В современном понимании прав и свобод общества, по выводам исследователя

И.Р. Шафаревича, играет роль идеология технической цивилизации [17].

В качестве сравнения обратим внимание на назначение конституции в России. По выводам народовольца С.М. Степняка-Кравчинского (II пол. XIX века), «падение нашего современного политического строя не может подлежать ни малейшему сомнению»... Самодержавие, поражаемое со всех сторон, падает, **уступив место более современному, конституционному строю**, который, как всякая конституция, выдвинет на первый план привилегированные сословия: помещиков, купцов, фабрикантов – всех владельцев капитала движимого и недвижимого, одним словом - буржуазию в экономическом смысле слова. Конституционная свобода даст возможность сорганизоваться в сильную партию [18].

Он же подчеркивал, что «террористы – это не более как охранительный отряд, назначение которого – оберегать этих работников от предательских ударов врагов» [19].

Что же произошло в СССР после принятия содержательной интернациональной Конституции (1936 года)? С одной стороны, она была одной из наиболее демократичных и гуманных в мировой конституционной практике, а с другой - в государстве, обществе именно в тридцатые годы возникли массовые репрессии.

Еще Л. Фейербах подчеркивал: «В государстве, где все зависит от милости самодержца, каждое правило становится шатким» [20].

Конституционный режим часто в руководстве государством, обществом негласно подменялся на режим личной власти.

Именно на этой основе возникающий правовой нигилизм приводит и к нелегитимности процедуры принятия Конституции.

Даже такой пропагандист права как В.А. Кистяковский сделал вывод: «Право не может быть поставлено рядом с такими духовными ценностями, как научная истина, нравственное совершенство, религиозная святыня. Значение его более относительно» [21].

Это в полной мере относится и к конституции.

Если, по утвержденному мнению, право есть официальное мерило свободы [22], то исследователь А.С. Шабуров считает, что в «действительности право является не только выразителем, **но одновременно и ограничителем свободы**» [23].

Полагаем, что данный контекст вывода объективен и для любой действующей конституции.

Необходимо обратить внимание, что в содержании конституций применяется правовая конвергенция, от догмы права к догме конституции при известной степени совершенствования и дополнения норм права.

С.С. Алексеев считает, что «у человечества нет иного пути и иного способа решения глобальных проблем и трудностей, грозящих тяжкими последствиями для человеческого рода, как поставить в самый центр жизни людей современное право» [24].

В.И. Ленин подчеркивал, что будущая конституция должна обеспечить «самодержавие народа» [25].

Становление основных идей конституционного права... связано с периодом крушения феодального абсолютизма в деятельности просветителей, главным образом в Великобритании, Франции, США [26].

Вместе с тем, общая позиция взглядов не совпала, поскольку как тогда, так и в настоящее время представители разных юридических направлений по-разному характе-

ризируют сущность конституции [27].

В то же время, в динамике развития и изучения конституций государств устанавливаются некоторые запреты, связанные с моральными ценностями общества. Отсюда получили развитие конституционные принципы духовной жизни общества [28].

Необъективно считать государственную власть исключительно или преимущественно принудительной, поскольку это не является свойством только государственной власти, ведь она присуща и другим властным формам. Принуждение - не единственный способ государственной власти [29].

Если должны быть естественно-человеческие предпосылки развития государства [30], то аналогично, по нашему выводу, - и конституции, ибо конституции непосредственно связаны с государством.

Профессор Оксфордского университета А.В. Дайси утверждал, что для непрерывного благоденствия Англии «конституция была самым совершенным из человеческих образований» (Георг III), священным таинством государственного строительства [31]. Исследователь подчеркивает: «она плод не отвлеченной теории, а **инстинкта**», который сделал англичан неиспорченной цивилизацией, способной создавать прочные и долговечные учреждения. В неписанной английской конституции преимущество в логическом порядке и совершенной точности выражений при ясной и понятной форме изложения [32].

Предпосылки в возникновении конституций зависят от уровня развития общества. Цивилизация может подняться выше уровня юридических функций, но варварство стоит ниже его. Юридические функции служат делу справедливости и свободы, причем в такое время, когда это нельзя было защищать никаким другим оружием [33].

В этом смысле источниками являются законы и соглашения на основе принципов. Приведем один из них: «король не может быть не прав», т.е. не может быть сделан ответственным за совершенный им поступок [33].

А.В. Дайси ставит весьма важный вопрос: упрочивает ли неподатливость конституции ее существование и сообщает ли основным учреждениям государства фактическую неизменяемость?

Исторический опыт дает на это вопрос неопределенный ответ. Однако, несомненно одно: если неподвижность конституционных законов в некоторых случаях останавливала процесс обновления под основы государства, то в других случаях эта неподвижность конституционных форм вызывала революцию.

При сравнении деятельности французских составителей конституций и их континентальных последователей ясно, что они всегда придавали величайшую важность различию между основными и др. законами, и поэтому постоянно создавали законодательные собрания, имеющие законодательные, но не учредительные права.

Французские государственные деятели должны были постоянно при этом изыскивать средства, чтобы удержать законодательное собрание в пределах присвоенной ему компетенции.

Добавим к этому, что никто и не думал в этом случае создавать механизм для уничтожения неконституционных постановлений или для того, чтобы делать их недействительными [34].

Считаем, что конституция дает стиль и этикет властвования. Монтескье обращал внимание в своем труде «О духе законов» (1748г.): «политическая свобода имеет место лишь при умеренных правлениях». Однако она существует лишь тогда, когда не злоупотребляют властью. Идеи разделения властей в той или иной мере нашли впервые распространение и воплощение при создании буржуазно-демократических государственных режимов в Европе и США [36].

В России этот принцип был положен в основу реформ 1864 года. В настоящее время закреплен в Конституции РФ (ст.10).

Гражданское общество порождается и выращивается процессами соучастия граждан в принятии общественно значимых решений и их реализации на всех уровнях [37].

Высшим структурным элементом здесь является **демократия** участия.

С нарастанием цивилизационного процесса государственная власть значительно обновляется в так называемые переходные периоды, действуя до определенного исторического момента стабильно, безопасно для граждан. Наличие конституции, прежде всего, позволяет наиболее позитивно отрегулировать отношения граждан во всех основных сферах общества.

Единение власти, взаимодействия права, государства и общества должно быть в этом случае, несомненно.

Право есть политика власти [38], тогда конституция - ведущая теоретическая основа этой политики, по нашему мнению.

Исследования последних 20-30 лет убедительно доказывают самостоятельность конституционной юридической ответственности, несмотря на неоднозначную трактовку функций [39].

Л.С. Мамут считает, что субъектом конституционной ответственности выступает народ [40]. С этим выводом нельзя согласиться, поскольку далеко не весь народ и не всегда участвовал в истории возникновения и принятия конституций.

Юридического понятия «народ» нет, в философском понимании этого термина народ - связанная одинаковым происхождением и языком культурная общность людей, являющаяся подлинным и единственным носителем объективного духа [41].

«Население» и «народ» с одной стороны - субъект государственной власти, а с другой – ее объект, в этом заключается, по мнению Г. Еллинека, двойная функция, роль населения (народа) в любом государстве [42].

Считаем, что в большей степени «население», «народ» есть объект гос. власти и гораздо в меньшей степени субъект, чаще всего декларативно именно в конституционных положениях.

К юридической ответственности народ не привлекался в истории развития любого общества ни разу, но всегда индивиды.

По выводам М.Н. Марченко, «население само по себе не может выступать в качестве отличительного признака государства». Любое иное утверждение спорно, заканчивает свой тезис исследователь [43].

Действительно, население как структура имеется в любом обществе.

Здесь необходимо иметь в виду, что власть в государстве при его возникновении и образовании распространяется на территорию, где проживает, находится определенная

часть народа, населения, причем эти два ведущих признака должны совпадать друг с другом, и только в совокупности с этими признаками народ как объект должен рассматриваться исследователями теории государства и права.

В качестве субъекта народ выступает по мере возрастания «суверенитета государства».

Поэтому «народ», «население» надо рассматривать как составляющую государства.

В учебнике «Человек и общество. Современный мир» авторы указывают, насколько можно обозреть всю прошедшую историю человечества, оно всегда состояло из народов, или этносов... наиболее типичная для современности форма существования этноса - нация [44].

Нации также не могут быть субъектом конституции, как и субъектом правоотношений, поскольку входят в структуру государства. Именно оно, а не нация вправе выступать, в частности, субъектом международного права.

Под понятием «народ» подразумевается население государства, жители страны... нация, национальность, народность, основная трудовая масса населения страны [45].

Однако если исходить из смысла содержания этих понятий, то народ не может в полном объеме являться субъектом конституционной ответственности, поскольку все население любого государства - динамичная структура, часть которой по законодательству не может обладать правами и обязанностями (недееспособность) и т.п.

По мнению Б.П. Беседина, в исследовании осмысления истории в ее динамическом аспекте «общество иногда подробно сумасшедшему. Его действия не всегда адекватны целям, а сами цели не всегда адекватны природным и структурным условиям» [46].

Необходимо отметить, что в конституциях отсутствовало понятие «государственный режим» (иногда используется термин «демократический режим»), но основные законы всегда в какой-то мере затрагивают методы осуществления государственной власти. Политический и государственный режим - разные явления [47].

Подведем некоторые выводы по статье:

1. Конституция (как писаная, так и неписаная) всегда связана с властью как понятием многоплановым динамично развивающимся и неадекватно реализующимся в жизни общества.
2. Несомненна опережающая тенденция в истории общества естественных знаний в качестве первоосновы научных идей общегуманитарного знания на определенном этапе и конституционного развития государства.
3. Структурные элементы общества и права при посредстве юридического действия основного закона взаимосвязаны, несмотря на неадекватность их реализации.
4. Юридическая ответственность за конституционное развитие государства не исследована и, более того, часто отсутствует. В лучшем случае она декларативна и противоречива по реализации.
5. Юридически приняты международные стандарты прав человека. Но отсутствующие стандарты основных законов применительно к различным правовым системам.
6. В связи с этим фактически действуют противоположные критерии.

Список литературы

1. Хабриева Т.Я., Чиркин В.Е. Теория современной конституции. М.: Норма, 2005.
2. Там же. С.62
3. Леон Дюги. Конституционное право /общая теория государства/. М.: Тип. товарищества Сытина, 1998. С.117-118.
4. Там же. С.119
5. См. Гендерные проблемы и развитие. М.: Весь мир, 2002. С.165
6. Берекашвили Л.Ш. Обеспечение прав человека и законности в деятельности правоохранительных органов: Учебное пособие. М., 2003. С.5-7
7. Хабриева Т.Я., Чиркин В.Е. Теория современной конституции, М.: Норма, 2005. С.64.
8. См. подробно: Общая теория прав человека. М.:Норма,1996.
9. Хабриева, Т.Я., Чиркин В.Е. Теория современных конституций. М.: Норма, 2005. С.65
10. См. подробно: Баглай М.В., Габричидзе Б.Н. Конституционное право Российской Федерации. М., 2002. Журавлева О. Обжалование в суд незаконных действий и решений, как повысить эффективность//Российская юстиция.1998. №1; Завадская Л. Право жалобы в Европейский Суд // Российская юстиция. 1996. №8, Четыре урока рассмотрения дела в Европейском Суде по правам человека // Российская юстиция. 2003. № 2. С.69.
11. Обеспечение прав человека и законности в деятельности правоохранительных органов: Учебное пособие. М., 2003. С.16-17.
12. Сидней Ленс. Бедность: неискоренимый парадокс Америки / Пер. с англ. М.: Прогресс,1976. С.20-21.
13. См.: Утопический социализм в России: Хрестоматия. М.: Изд-во полит. литературы, 1985. С.126.
14. Хабриева Т.Я., Чиркин В.Е. Теория современной конституции. М.: Норма. 2005. С.67.
15. Ключков В.В. Закон и религия. М.: Изд-во полит. литературы, 1982. С.20.
16. Там же. С.41.
- 17.
18. См.: Утопический социализм в России: Хрестоматия. М.: Изд-во полит. литературы, 1985. С.508.
19. Там же. С.507
20. Фейербах Л. Философские произведения. Т.1. М.,1995. С.643.
21. Кистяковский В.А. В защиту права. Интеллигенция и правосознание. /Вехи. Из глубины. М.,1999. С.122
22. Шабуров А.С. Право и свобода: грани соотношения// Юридическая наука и практика /проблемы теории и истории/: Материалы первой научно-практической конференции. Курган, 2005. С.3
23. Там же. С.4
24. Алексеев С.С. Тайна права. Его понимание, назначение, социальная ценность. М.: Норма.2001. С.139.
25. Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т.32. С.152-153.
26. Чиркин В.Е. Конституционное право зарубежных стран: Учебник. М.: Юрист, 1997. С.20.
27. Там же. С.30.
28. Там же. С.100.
29. Гомеров И.Н. Государство и государственная власть. М.:ЮКЭА, 2000. С.540.
30. Там же. С.198.
31. Дайси А.В. Основы государственного права Англии. Введение в изучение английской конституции /Под ред. проф. П.Г. Виноградова. Изд.2-е. М.,1907. С.3-4.
32. Там же. С.4

33. Там же. С.20-21.
34. Там же. С.29-30.
35. Там же. С.145-150.
36. Халипов В.Ф. *Наука о власти. Кратология: Учебное пособие.* М.: Ось-89, 2002. С.236-237.
37. Рац М.В. *Идея открытого общества в современной России.* М.: Магистр, 1997. С.18.
38. Иеринг Р. *Цель в праве / Пер. с нем. СПб., 1881.* С.190.
39. Липинский Д.А. *Проблемы юридической ответственности.* СПб.: Юрид. центр Пресс, 2003. С.204.
40. Мамут Л.С. *Проблемы ответственности народа // Вопросы философии.* 1999. № 8. С.204.
41. См.: *Краткая философская энциклопедия.* М.: АО изд. группа «Прогресс», 1994. С.284. *Дополнительно этимологию термина «народ» см.: Э. Бенвенист. Словарь индоевропейских социальных терминов / Хозяйство, семья, общество, власть, право, религия / Пер. с фр. М.: Изд. группа «Прогресс» «Универс», 1995. С.213-215.*
42. Еллинек Г. *Общее учение о государстве.* 2-е изд. СПб. 1908. С.295-296.
43. Марченко М.Н. *Проблемы теории государства и права: Учебник.* М.: Изд. Проспект, 2001. С.139.
44. *Человек и общество. Современный мир: Учебное пособие для общеобразовательных учреждений / Под ред. В.И. Купцова. 2-е изд., перераб. М.: Просвещение, 1997. С.69-70.*
45. Ожегов С.И. *Словарь русского языка. 23-е стереотипное издание.* М.: Русский язык, 1990. С.389.
46. Беседин Б.П. *Карма истории. Новый взгляд на судьбу России. Теория социальных катастроф.* М.: Торсинг, 2005. С.16.
47. Хабриева Т.Я., Чиркин В.Е. *Теория современной конституции.* М.: Норма, 2005. С.269-270.

А.А. Юнусов

канд.юр. наук, доцент, Челябинский юридический институт МВД России

ОБЕСПЕЧЕНИЕ ПРАВ И СВОБОД ЧЕЛОВЕКА И ГРАЖДАНИНА В СТРАНАХ С АНГЛОСАКСОНСКОЙ ПРАВОВОЙ СИСТЕМОЙ

Становление и развитие англосаксонского права связано с множеством исторических, географических, национальных, политических, экономических и других факторов.

В англосаксонском праве существуют два вида норм: законодательные и прецедентные. Законодательные представляют собой (как и в романо-германской системе) правила поведения общего характера. Прецедентные – определенная часть судебного решения по конкретному делу [1], а судебный прецедент – конкретное решение суда по конкретному делу, которое служит образцом для всех последующих аналогичных дел (т.е. судьи не только применяют право, но и сами творят нормы, обязательные для последующих судей, т.е. прецеденты) [2].

В отличие от большинства государств, права, свободы и обязанности человека и гражданина в Великобритании не разделяются на конституционные (основные, общие) и отраслевые, имеющие специализированный характер (трудовые, земельные и проч.). Это обусловлено рассмотренной выше спецификой формы британской конституции. Содержание прав и свобод к тому же нередко определяется не законом, а обычаями. Основополагающим из них является правило, согласно которому можно делать все, что прямо не запрещено законом. «Гражданин может пойти или поехать, куда он захочет, при условии, что он не нарушает запретов и велений уголовного права или прав других лиц» [3].

В качестве наиболее значимых личных прав физических лиц доктрина признает право на жизнь, свободу и личную неприкосновенность, равноправие и отсутствие дискриминации, а также свободу передвижения.

Североирландским фактором, а также всплеском терроризма в стране обусловлено и принятие, начиная с 1974 г., ряда законов о предупреждении терроризма, ограничивающих личные права. В настоящее время действует Акт о предупреждении терроризма 1989 г. Он определяет терроризм как применение силы для достижения политических целей и ограничивает права лиц, подозреваемых в нем, в сфере уголовного преследования. Такие лица могут быть задержаны на 48 часов без судебной проверки оснований для задержания, а с согласия государственного секретаря внутренних дел - еще на пять суток.

Акт о чрезвычайном положении допускает в отношении лиц, подозреваемых в принадлежности к запрещенным организациям либо в террористической деятельности, превентивный арест на срок до одного года, а в некоторых случаях - издание приказа о высылке из Северной Ирландии либо о запрете въезда на ее территорию или на территорию Соединенного Королевства сроком до трех лет. Лица, обвиняемые в терроризме, не могут требовать суда присяжных, и ограничены в использовании права на защиту [4].

Уровень демократизма любой конституции определяется, прежде всего, объемом закрепленных в ней прав и свобод, их гарантированностью и некоторыми другими элементами – правовым положением центрального представительного органа, объемом его полномочий, структурой. Конституция США первоначально почти не содержала положений о правах и свободах граждан; в то время права и свободы содержались в конституциях штатов, и отказ закрепить их в Основном законе страны диктовался стремлением ограничить возможности их требований на национальном уровне. Тем не менее, ряд важных норм можно найти в тексте Конституции. Так, в разделе 9 ст. I говорится о запрещении приостановки действия *habeas corpus*, если того не потребует общественная безопасность в случае мятежа или вторжения. Тот же раздел запрещает принимать билли об оплате и законы *ex post facto*, немаловажное значение имеет и норма раздела 2 ст. III о рассмотрении всех уголовных дел судом присяжных, а также положение раздела 3 данной статьи, где определяется состав преступления государственной измены и его ограничительные условия. Нельзя не упомянуть и о норме раздела 2 ст. VI: «Граждане каждого штата имеют право на все привилегии и вольности граждан других штатов». Названные положения являлись лишь зачатками будущих правовых норм, впоследствии включенных в конституционный текст, а также содержащихся в других юридических актах и судебных

решениях. Здесь нельзя не упомянуть и о том, что из числа полноправных граждан фактически были исключены негры и индейцы (см. абз. 3 раздела 2 ст. VI.) [5].

Принятый в 1787 г. текст Конституции сравнительно краток. Он состоит из преамбулы и 7 статей, расчлененных на «разделы». Принятые позднее поправки к Конституции США не включаются непосредственно в ее первоначальный текст, как это делается во многих других странах, а публикуются дополнительно к первоначальному тексту и нумеруются отдельно.

В тексте Конституции США, принятом в 1787 г., ничего не говорилось о правах и свободах граждан. Эти вопросы были затронуты в поправках 1791 г. (их называют обычно «американским биллем о правах») и некоторых других. В поправках к Конституции, в частности, записаны положения, которые запрещают конгрессу издавать законы, ограничивающие свободу вероисповедания, свободу слова и печати, право мирно собираться (поправка I), и устанавливают судебные гарантии неприкосновенности личности (поправки IV – VIII). Поправки запрещают штатам отказывать лицам, подчиненным их власти, «в равной для всех защите закона» (поправки XIV, разд. 1). Но в действительности эти положения неоднократно нарушались. Так, свобода слова была грубо попорана антикоммунистическим законодательством, действовавшим с конца 40-х до середины 70-х годов; дискриминация негров продолжается, несмотря даже на принятие нескольких законов о «гражданских правах». Предложение внести в Конституцию поправку о равенстве прав женщин и мужчин было отвергнуто [6].

Верховный Суд весьма щепетильно относится к выявлению согласия американского народа в лице своих представителей в Конгрессе на то или иное ограничение в сфере личных прав и свобод, если они однажды получили конституционное закрепление. Он также внимательно следит за тем, чтобы действия исполнительных и административных органов укладывались в термин «надлежащая правовая процедура», due process of law – принцип, который имеет конституционное выражение. Ныне можно с уверенностью говорить о том, что он прочно укоренился в правосознании как должностных лиц, так и рядовых граждан.

Принятая в 1868 году XIV поправка к Конституции США в совокупности с решениями Верховного суда США распространяет права и гарантии, провозглашенные в федеральном Билле о правах, на все штаты. Часть первая этой поправки гласит, что «ни один штат не должен издавать или приводить в исполнение законы, ограничивающие привилегии и свободы граждан Соединенных Штатов. Ни один штат не должен лишать кого-либо жизни, свободы или собственности без надлежащей правовой процедуры и не может отказать лицу, подчиненному его власти, в равной для всех защите закона» [7].

Новая Зеландия входит в семью английского общего права. Ее современная правовая система в основных чертах начала складываться с 1840 г., когда страна стала английской колонией. На ее территории было распространено как действие статутов – законов, принятых британским парламентом, так и общего права – совокупности норм, выработанных в решениях судов первоначально в Англии, а затем и в ее заморских владениях.

Единственным источником дальнейшего развития законодательства с 1947 г. служат акты учрежденного еще в 1852 г. новозеландского парламента, который заменил многие из ранее действовавших английских законов. Вместе с тем система общего права по-

прежнему остается важным и самостоятельным источником права. При этом новозеландские юристы и судьи исходят из положения, что существует некая система общего права, единая для всех государств, где оно применяется, и поэтому признают силу убеждающего судебного прецедента за решениями, вынесенными высшими судебными инстанциями Великобритании, Австралии, Канады, и др. Что касается решений вышестоящих новозеландских судов, то они признаются имеющими силу обязательного прецедента для них самих и для всех нижестоящих судов.

В судебную систему Новой Зеландии входят Апелляционный суд, Верховный суд, магистратские суды, мировые суды, земельный суд маори, суд по трудовым делам, трибуналы по спорам, суды по делам несовершеннолетних, возглавляемые платными магистратами. В качестве органов административной юстиции выступают трибуналы по авторскому праву.

В 1962 г. в Новой Зеландии (первой среди стран Содружества) была учреждена должность омбудсмана, которому поручено контролировать законность решений, применяемых отдельными правительственными органами, и выступать в случае необходимости с «рекомендациями» об их отмене. Компетенция омбудсмана постепенно распространяется на более широкий круг ведомств. Расследование уголовных дел проводится специальными службами полиции.

В стране существует система бесплатной юридической помощи как по уголовным (она оказывается малообеспеченным лицам защитником по назначению суда), так и по гражданским (в ответ на просьбу, обращенную в окружное общество юристов) делам [8].

Правовая система Австралии формировалась под влиянием английского права. Основными юридическими источниками там признаются (как и в Англии) сформулированное в судебных решениях общее право и законодательные акты. С появлением постоянных английских колоний в Австралии (1788 г.) в них сразу же стало применяться английское право. Впоследствии британские власти постановили, что все нормы общего права и парламентские акты, действовавшие в Англии на 25 июля 1828 г., подлежат обязательному применению в Австралии; в дальнейшем колониям формально была предоставлена возможность самостоятельно формировать свои правовые и судебные системы. Однако на протяжении последующего столетия и до сравнительно недавнего времени Австралия в значительной мере копировала решения английских судов и акты британского парламента. Вместе с тем постановление, сохраняющее действие норм английского права по состоянию на 25 июля 1828 г., привело к тому, что в Австралии ныне могут применяться некоторые парламентские акты, давно отмененные в самой Великобритании.

Большую роль в обеспечении единства австралийского общего права играет Верховный суд Австралии, решения которого, принятые по жалобе на постановление суда любого штата, обязательны для всех судов Австралийского Союза. Силу прецедента в системе общего права имеют только решения Верховного суда Австралии и верховных судов штатов и территорий. Им обязаны следовать все нижестоящие суды, хотя сами верховные суды в Австралии никогда не считали и не считают себя связанными своими ранее принятыми решениями.

Судебная система Австралии включает федеральные суды, суды отдельных штатов, а также несколько специальных судебных учреждений с четко определенными, весьма

ограниченными функциями. И федеральные суды, и суды отдельных штатов могут рассматривать дела в соответствии с законодательством как Союза, так и штатов. Поэтому федеральные суды созданы лишь в качестве высших судебных органов, а также для выполнения судебных функций в Австралийской столичной и Северной территориях.

Список литературы

- 1. Теория государства и права: Учебник для вузов / Под ред. проф. В. М. Корельского и проф. В. Д. Перевалова. 2-е изд., изм. и доп. М.: Издательство НОРМА (Издательская группа НОРМА – ИНФРА М), 2001. С. 555.*
- 2. Конституционное право зарубежных стран (курс лекций). – М.: «Издательство ПРИОР», 1999. С. 99.; Государственное право буржуазных и освободившихся стран: Учебник / Под ред. проф. Я. М. Бельсон, В. Б. Евдокимов, Е. Р. Кастель и др.; Под ред. проф. Б. А. Стародубского, В. Е. Чиркина. 3-е изд., перераб. и доп. М.: Высш. шк., 1986. С. 235.*
- 3. Уэйед Э.К.С. и Филлипс Д.Г.*
- 4. Конституционное право. М.: ИЛ, 1950. С. 410.*
- 5. Конституции зарубежных государств. Учебное пособие / Сост. проф. В.В. Маклаков. 3-е изд., перераб. и доп. М.: Издательство БЕК, 2002. С. 341.*
- 6. Государственное право буржуазных и освободившихся стран: Учебник / Под ред. проф. Я. М. Бельсон, В. Б. Евдокимов, Е. Р. Кастель и др.; Под ред. проф. Б. А. Стародубского, В. Е. Чиркина. 3-е изд., перераб. и доп. М.: Высш. шк., 1986. С. 210-211.; Курицын В. М. Развитие прав и свобод в Советском государстве. М.: Юрид. лит., 1983. 192 с. (реальный социализм: теория и практика). С. 161.; В. В. Согрин. Основатели США: исторические портреты. М.: Наука, 1983. С.122-123.*
- 7. Николайчик В. М. Уголовное правосудие в США // США: экономика, политика, право, 1995. №2. С.55.; Боботов С.В., Жигачев И.Ю. Введение в правовую систему США. М.: НОРМА, 1997. С. 245-246.*
- 8. Правовые системы мира. Энциклопедический справочник / Отв. ред. проф. А.А. Сухарев. 2-е изд., изм. и доп. М.: Изд-во НОРМА (Издательская группа НОРМА - ИНФРА М), 2001. С. 474-480.*

М.А. Юнусов

адъюнкт, Челябинский юридический институт МВД России

ПРАВА И ОБЯЗАННОСТИ ЧЕЛОВЕКА И ГРАЖДАНИНА В СТРАНАХ РОМАНО-ГЕРМАНСКОЙ ПРАВОВОЙ СЕМЬИ

Романо-германская (континентальная) правовая семья включает в себя не только национальные системы прав стран континентальной Европы – Франции, Германии, Италии, Испании и т.д. К этой правовой семье примыкают действующие системы национального права и ряда неевропейских стран (Индонезия, Мексика, Азербайджан, Марокко, Филиппины, Бразилия, Ливан и др.) [1].

Необходимо отметить, что основным механизмом защиты прав человека и гражданина в странах с романо-германской правовой системой является иерархия судебной власти.

Объектом обжалования в суд могут быть решения, действие или бездействие, в результате которых нарушены права и свободы гражданина, созданы препятствия для их осуществления, на гражданина возложена какая-либо обязанность или гражданин незаконно привлечен к какой-либо ответственности. Право на судебную защиту, таким образом, включает право человека на рассмотрение его дела компетентным и беспристрастным судом (ст. 24 конституции Италии), в необходимых случаях судом присяжных (6-я поправка к Конституции США, ч. 2 ст. 47 Конституции РФ), право на обжалование судебных решений, на обращение за защитой конституционных прав и свобод в высшие судебные инстанции вплоть до конституционной и международной юстиции, право на защиту и помощь адвоката и т.д.

В США в этот механизм включены все суды общей юрисдикции. Вместе с тем повсеместно наблюдается возрастание роли специализированных судов конституционной юрисдикции как основного звена в системе обеспечения основных прав граждан. Одним из импульсов развития этих органов в Германии, Италии, Австрии, Испании и, в меньшей степени, в Японии стал именно контроль за выполнением государственными органами и должностными лицами норм и принципов Декларации прав и свобод граждан - неотъемлемой части большинства послевоенных конституций.

Контроль за соблюдением законодательными, исполнительными и судебными органами положений конституционных деклараций прав и свобод возможен в двух формах: в форме обычной процедуры контроля за конституционностью нормативных актов и в виде процедур, предусмотренных в ряде стран специально для формально-юридического обеспечения основных прав и свобод. Такими специальными средствами социально-правовой защиты конституционных прав граждан являются «конституционная жалоба» (например, в Германии и Австрии), приказ-предписание «Хабес корпус» [2] (обязательность проверки конституционности ареста, заключения под стражу) как в странах общего права, так и в государствах с другими правовыми системами, процедура «ампаро» (проверка обоснованности осуждения) в Испании и ряде стран Латинской Америки.

В различных государствах роль различных типов судов в защите прав и свобод не всегда одинакова [3]. Во Франции, например, значительное место в механизме социально-правовой защиты прав и свобод граждан принадлежит судам системы административной юрисдикции во главе с Государственным Советом [4]. Основные права и свободы и основополагающие принципы, их определяющие, содержатся не только в конституционных текстах, но и в законах Республики, которые тем самым с точки зрения материальной превращаются как бы в составную часть французской Конституции.

Основные положения, относящиеся к личным правам и свободам, содержатся в Декларации 1789 г. Так, в ст. 4 и 5 Декларации определены существенные признаки свободы человека, которые, как и ряд других ее положений, стали, если можно так выразится, правовой классикой: «Свобода состоит в возможности делать все, что не наносит вреда другому: таким образом, осуществление естественных прав каждого человека ограничено лишь теми пределами, которые обеспечивают другим членам общества пользование теми же правами»; «все, что не запрещено законом, то дозволено, и никто не может быть принужден делать то, что не предписано законом» [5].

Далее Декларация содержит ряд прав, свобод и обязанностей уголовно - и административно-правового, а также процессуального характера, представляющих собой гарантии личной свободы.

Преамбула Конституции Франции 1946 г. уточняет и дополняет некоторые положения, содержащиеся в Декларации 1789 г., а также предусматривает предоставление гарантий развитию личности и семьи. Государство заявляет о своем внимании и заботе о матери и ребенке, об оказании помощи престарелым и лицам, не имеющим возможности трудиться. В преамбуле говорится о гарантиях, которые предоставляет государство всем членам общества в целях охраны здоровья, обеспечения отдыха и досуга, подчеркивает необходимость обеспечить общедоступность образования для всех членов общества [6].

В преамбуле Конституции Франции соответствующие принципы представлены довольно широко (абзацы пятый – восьмой). Так, установлено, что каждый должен работать и имеет право получить работу. Никто не может быть ущемлен в труде и профессии по причине своего происхождения, своих взглядов или вероисповедания [7].

Французская правовая система построена на основе принципа равенства всех перед правом и законом. Так, ответственность членов Правительства отмечена нормой Конституции. Согласно статье 68-1, члены Правительства несут уголовную ответственность за акты, совершенные ими при выполнении своих функций и квалифицируемые как преступления или деликты на момент их совершения. Они подсудны Суду Республики. Суд Республики связан определением преступлением и деликтов, как и мерой наказания, установленных законом.

Наибольшим изменениям, отмечает профессор И.Д. Козочкин, подверглось законодательство стран континентальной системы права [8]. В 1992 г. был принят новый, вступивший в силу в 1994 г., Уголовный кодекс Франции. Он заменил собой «классический» кодекс эпохи Наполеона - УК 1810 г. Издание нового Уголовного кодекса - важное событие в развитии не только уголовного права Франции, но и многих других стран — ее бывших владений в Азии, Африке и Латинской Америке, традиционно ориентирующихся на французскую правовую систему. Главные приоритеты нового Уголовного кодекса — обеспечение защиты основных прав и свобод граждан, строгое соблюдение принципа законности, адекватное реагирование на факты совершения опасных, в том числе новых уголовно наказуемых деяний, примат международного права над внутригосударственным и др. [9].

Как известно, ФРГ входит в романо-германскую правовую семью, а значит, что ее национальное право испытывает сильное влияние древнеримских правовых традиций [10].

Определяющее значение в системе действующего законодательства ФРГ имеет Конституция (Основной закон) 1949 г. В этом документе, открывающемся краткой преамбулой и разделом об основных правах граждан, подробно регулируются вопросы взаимоотношений федерации и всех входящих в нее 16 земель – субъектов федерации, а также определяется система органов власти, управления и правосудия.

В обеспечении прав и свобод человека особое значение для правовых систем мира имеют положения статей 1, 2, 6 и 12 Основного закона ФРГ. В статье 1 признается неприкосновенность человеческого достоинства, уважение и защита его – обязанность всякой государственной власти. В силу этого немецкий народ признает нерушимые и

неотчуждаемые права человека как основу всякого человеческого сообщества, мира и справедливости в мире.

Статья 2 гласит, что каждый имеет право на развитие своей личности, поскольку оно не нарушает прав других и не посягает на конституционный порядок или нравственный закон, а положения статьи 6 гарантируют защиту семейно-брачных отношений и детей. В п. 2, 4, 5 указанной статьи говорится, что забота о детях и их воспитание являются естественным правом родителей и их преимущественной обязанностью. За их реализацией следит государственное сообщество. В п. 2, 3 статьи 12 закрепляется право на не принудительный труд, а принудительный труд допускается только при лишении свободы по приговору суда, что не наблюдается в конституциях ряда европейских стран [11].

Конституция ФРГ различает пять основных областей юстиции (общая, трудовая, социальная, финансовая и административная) и учреждает соответствующие им пять систем судов, каждая из которых возглавляется собственным высшим органом.

Суд шеффенов [12] заседает в составе участкового судьи и двух шеффенов, составляющих единую коллегию. Участковые суды (их число последовательно сокращалось и к 1990 г. составляло в ФРГ и 7 в Западном Берлине) представляют собой низовое звено системы общих судов.

В систему общих судов в качестве самостоятельных подразделений включены суды по делам несовершеннолетних. Среди специализированных судов, функционирующих в ФРГ наряду с общими, важное место занимают суды по трудовым делам.

Имеется система судов по социальным вопросам, система финансовых судов, система административной юстиции. Возглавляет эту систему Федеральный административный суд. Высшие административные суды образованы по одному во всех землях ФРГ, кроме Нижней Саксонии и Шлезвиг-Гольштейна, где действует общий суд для двух земель.

Административные суды рассматривают по первой инстанции в составе трех профессиональных и двух «почетных судей» подавляющую массу дел, отнесенных к компетенции органов административной юстиции. В качестве самостоятельных судебных учреждений функционируют также некоторые специализированные суды, в том числе общегосударственного уровня.

Правовая система Италии также входит в романо-германскую правовую семью, с сильным влиянием церковного права [13], причем, именно Италия является «прародинкой» романо-германского права, сложившегося на основе переработанного римского права. Из 139 статей Конституции Италии 54 посвящены правам, свободам и обязанностям граждан, т.е. перечень прав и свобод далеко выходит за пределы классического списка. В частности, норма статьи 13 провозглашает свободу личности ненарушимой. Задержание, осмотр или обыск, а равно и какое-либо другое ограничение личной свободы в какой бы то ни было форме, не допускаются иначе как на основании мотивированного акта судебной власти и только в случаях и в порядке, предусмотренных законом.

Довольно широкое распространение получило провозглашение такой обязанности, как забота о детях. Так, в ст. 30 Конституции Итальянской Республики провозглашается: «Родители вправе и обязаны содержать, обучать и воспитывать детей, даже если они рождены вне брака» [14].

Особое место среди высших государственных учреждений в Италии занимает Кон-

ституционный суд. Согласно Конституции 1947 г., он вправе принимать решения о неконституционности законодательных норм и тем самым отменять их.

Правовая система Испании входит в романо-германскую правовую семью. Пятьдесят пять статей первого раздела из общего числа 169, составляющих Основной закон Королевства Испания (от 27 декабря 1978 г.), посвящены правам, свободам и обязанностям граждан. Первый абзац ст. 10 Конституции содержит своего рода философское обоснование прав и свобод, которое зиждется на естественной теории их происхождения: «Достоинство личности, неотчуждаемость ее неотъемлемых прав, ее свободное развитие, уважение к закону, правам других являются основой политического порядка и социального мира». Вокруг прав и свобод, как стержня, строится политическая и социальная организация Испании. Конституция провозглашает неотчуждаемость прав и свобод; правда, в некоторых случаях действие ряда прав может приостанавливаться (ст. 55), но многие реализуются несмотря ни на какие обстоятельства. Статья 10 говорит и о том, что провозглашаемые права и свободы должны рассматриваться в соответствии с нормами Всеобщей декларации прав человека 1948 г., международными договорами и соглашениями, ратифицированными Испанией (т.е. и в соответствии с Международным пактом об экономических, социальных и культурных правах 1966 г., Международным пактом о гражданских и политических правах 1966 г., а также в соответствии с многочисленными конвенциями и соглашениями, заключенными в рамках Совета Европы).

Наиболее прогрессивным новшеством в Конституции 1978 г. считается учреждение Конституционного суда, продолжившего традиции соответствующего органа Второй республики [15].

В Испании действует развитая система социального обеспечения, финансируемая за счет страховых взносов работников и предпринимателей, а также за счет бюджетных средств. В 1985 г. вступил в силу Закон о реформе государственного пенсионного обеспечения, направленный на борьбу со злоупотреблениями в этой области.

В Конституции провозглашено право всех граждан на судебную защиту, в том числе на бесплатную юридическую помощь по уголовным делам «для всех, кто не обладает средствами» (ст. 119). В целом же процесс формирования судебной системы и ее основных институтов на базе новой Конституции еще не завершен.

В 1981 г. в Испании принят Закон о народном защитнике, который избирается на пять лет обеими палатами парламента и призван охранять права граждан от злоупотребления со стороны административных органов [16].

В 1995 г. был принят новый Уголовный кодекс Испании; он вступил в силу в 1996 г. Этот УК — продукт эволюции испанского общества, отразивший те серьезные изменения, которые произошли в политике, экономике и культуре Испании за несколько последних десятилетий, особенно после установления в стране демократической формы правления [17].

Список литературы

1. Нерсесянц В.С. *Общая теория права и государства: Учебник для вузов.* М.: Изд. группа НОРМА – ИНФРА М, 1999. С. 455.
2. Глуценко П.П. *Социально-правовая защита конституционных прав и свобод*

- граждан (теория и практика): Монография. СПб., 1998. С.106.
3. Защита прав человека в современном мире: Сборник статей. М., 1993. С. 71.
 4. Якушев А.В. Конституционное право зарубежных стран: Курс лекций. М.: Изд. ПРИОР, 2000. С. 121.
 5. Конституционное (государственное) право зарубежных стран: Учебник. Т. 3. / Отв. ред. проф. Б.А. Страшун. М.: Изд. БЕК, 1998. С. 108.
 6. Конституционное право зарубежных стран: Учебник для вузов/ Под ред. проф. М.В. Баглая, Ю.И. Лейбо, Л.М. Энтина. М., 1999. С. 451.
 7. Там же. С. 111.
 8. Козочкин И.Д. Уголовное законодательство зарубежных стран: Сбор. закон. матер. М.: Зеркальцо, 1999. С. 2
 9. Козочкин И.Д. Указ. соч. С. 7.
 10. Антонов И.П. Полиция Германии: история и современность. М., 2000. С. 62.
 11. Конституции зарубежных государств/ Сост. проф. В.В. Маклаков: Учебное пособие. 3 изд., перераб. и доп. М.: Изд-во БЕК, 2002. С. 68-71.
 12. Шеффены – присяжные заседатели, участвующие в разбирательстве дела и совместно с профессиональными судьями принимающих решения по вопросу о виновности или невиновности подсудимого и о назначении меры наказания.
 13. Страны мира: Энцикл. справ./ Под ред. С.А. Семеницкого. Минск: Миринда; Родиола-плюс, 1999. С. 227.
 14. Государственное право буржуазных и развивающихся стран: Учебник. М.: Юрид. лит., 1989. С. 123.
 15. Конституции зарубежных государств: Учебное пособие / Сост. проф. В. В. Маклаков. 3-е изд., перераб. и доп. М.: Изд-во БЕК, 2002. С 167.
 16. Правовые системы мира. Энциклопедический справочник / Отв. ред. проф. А.Я. Сухарев. 2-е изд., изм. и доп. М.: Изд-во НОРМА (Издательская группа НОРМА - ИНФРА М), 2001. С. 275.
 17. Козочкин И.Д. Указ. соч. С. 7.

Э.А. Юнусов
адъюнкт, Академия управления МВД России

ПРАВА И ОБЯЗАННОСТИ ЧЕЛОВЕКА В МУСУЛЬМАНСКОМ ПРАВЕ

Мусульманское право оказало глубокое влияние на историю развития государства и права целого ряда стран Востока, в особенности на положение прав и свобод человека в этих странах. Оно возникло как часть шариата (система предписаний верующим в Аллаха), представляющего собой важнейший компонент исламской религии.

В современном мире источниками мусульманского права являются Коран и Сунна. Коран – главная священная книга мусульман, она написана пророком Мухаммедом. Название «Коран» происходит от арабского глагола «кара’а», означающего читать вслух речитативом, декламировать [1]. Наряду с проповедями, правилами обрядов и проч. Коран содержит юридические установления. Сунна – собрание преданий о деяниях, поступках Пророка.

Нормы, касающиеся прав и свобод человека в исламе, являются религиозными,

нравственными нормами ислама. Эти нормы содержатся в Коране и Сунне, из чего вытекает, что права и свободы в исламе даны от Бога. Мусульманин обязуется совершать свои действия исходя из того, что ему дозволено Кораном- основным источником мусульманского права вообще, и в частности - прав и свобод человека в исламе. Содержащиеся в этих книгах юридические и теологические нормативы называются законами шариата [2].

Шариат в переводе на русский язык означает «путь следования» и составляет то, что называется мусульманским правом. Это право указывает, как мусульманин должен вести себя, не различая, однако, обязательств по отношению к себе подобным и по отношению к Богу. Иными словами шариат основан на идее обязанностей, возложенных на человека, а не на правах, которые он может иметь. Ислам по своей сущности, как и иудаизм, - это религия закона [3]. По мнению юристов-теологов, «ислам соединяет в себе достоинство умеренности, сдержанности, непритязательности, простоты и гибкости» [4].

Профессор К.С. Гаджиев отмечает, что ислам — это отнюдь не монолитное и застывшее явление, он меняется, чтобы адаптироваться к требованиям современного мирового развития, для него характерно отсутствие института официальной церкви и собственно духовенства в западном понимании этого слова, а следовательно, и общеобязательной догматической регламентации, как это имеет место в христианстве. Лица, получившие религиозное образование и знание, или улемы, вправе лишь толковать и комментировать Коран и хадисы. Они могут оспорить любую точку зрения, обнародованную любым общепризнанным религиозным учреждением. Ислам демократичен в том смысле, что допускает правомерность существования различных позиций и оценок, хотя весьма подозрительно относится к концепции политической демократии, усматривая в ней попытку превознести власть человека в ущерб власти Бога.

Мусульмане и приверженцы некоторых других незападных вероисповеданий критикуют Запад, а в ряде случаев и мобилизуются против него не столько потому, что они недовольны тем, что там поклоняются разным богам, сколько потому, что они не приемлют претензии Запада, особенно США, на доминирующее положение в мире [5].

Профессор Л.Р. Сюкияйнен считает, что мусульманское право оказало глубокое влияние на историю развития права целого ряда стран Востока. Взяв за основу масштабы применения мусульманского права и степень его влияния на действующее законодательство, можно, в порядке постановки вопроса, предложить следующую классификацию правовых систем стран зарубежного Востока.

Первую группу составляют правовые системы Саудовской Аравии и Ирана, где мусульманское право продолжает применяться максимально широко.

Вторую группу составляют правовые системы ЙАР, Ливии, Пакистана и Судана. Хотя сфера действия мусульманского права здесь не является столь всеобъемлющей, как в Саудовской Аравии и Иране, но все же остается весьма существенной, а в последние десятилетие даже обнаруживает тенденцию к расширению [6].

В самостоятельную группу могут быть выделены правовые системы ряда стран Персидского залива – ОАЭ, Бахрейна, Кувейта, а так же Юго-Восточной Азии – Брунея, отдельных штатов Малайзии. Основные законы этих государств, как правило, закреп-

ляют государственный характер ислама и провозглашают мусульманское право основным источником законодательства. Правовые системы указанной группы стран также испытывают заметное влияние мусульманского права, хотя и не такое глубокое, как в двух предыдущих. Например, уголовные кодексы Кувейта 1960 г. (с дополнениями от 1964г.), и Бахрейна 1976 г. предусматривают наказание за употребление спиртных напитков и азартные игры. Закон об ограничении торговли спиртными напитками принят в Брунее.

Еще одну, наиболее многочисленную группу составляют правовые системы большинства арабских стран (Египта, Сирии, Ирака, Ливана, Марокко, Иордании, Алжира), а также ряда стран Африки (Сомали, Мавритании, северных штатов Нигерии) и Азии (Афганистана). Можно проследить несколько аспектов влияния мусульманского права на правовые системы этой группы стран. Их конституционное право, как правило, закрепляет особое положение ислама и мусульманского права. Так, конституции многих из них предусматривают, что главой государства может быть только мусульманин, а мусульманское право является источником законодательства [7].

Образцом функционирования мусульманского права является Саудовская Аравия – родина ислама. Мусульманское право здесь никогда не уступало своей роли господствующего источника права и до сих пор остается стержнем правовой системы.

Мусульманское право весьма строго охраняет право частной собственности, устанавливает принцип святости заключенного договора. В то же время оно запрещает взимание процента по денежным ссудам.

По вопросам личного статуса продолжают применяться некодифицированные положения мусульманско-правовой доктрины, закрепляющие полигамию, главенствующую роль мужа в брачно-семейных отношениях.

Система наказаний в уголовном праве Саудовской Аравии включает, в частности, смертную казнь и телесные наказания [8].

В настоящее время в Саудовской Аравии действует несколько иная судебная система, введенная низамом о судах 1975 г. Она включает суды первой инстанции из одного кади, решающего брачно-семейные дела и незначительные гражданско-правовые споры; так называемые общие суды, рассматривающие в составе трех кади преступления; апелляционный суд, имеющий палаты по уголовным, брачно-семейным, и иным вопросам, а также Высший судебный совет, осуществляющий контроль над всеми мусульманскими судами и выполняющий функции высшей апелляционной инстанции по наиболее серьезным уголовным делам. Высший судебный совет состоит из 11 членов, отобранных из ведущих улемов. Судьи назначаются королем из числа лиц, имеющих высшее религиозно-правовое образование.

Всю систему органов юстиции возглавляют Министерство юстиций (создано в 1970г.) и Высший судебный совет.

Правовая система Пакистана носит сложный, смешанный характер, обусловленный особенностями исторического развития и этноконфессионального состава страны.

Большинство отраслей основано на английском общем праве, утвердившемся здесь в период британского колониального господства. Вопросы личного статуса, многие вопросы уголовного права регулируются кодифицированным мусульманским правом. У

немусульманских общин в этой сфере действует их религиозное право (индуистское, каноническое). Население федерально-управляемой полосы племен во многом руководствуется обычным правом.

Судебная система Пакистана включает несколько различных видов судов с нередко пересекающейся юрисдикцией: общие гражданские, военные, административные, чрезвычайные и шариатские.

Во главе судебной системы Пакистана стоит Верховный суд, решения которого обязательны для всех судебных органов страны.

Суды низших инстанций организованы по округам и делятся на уголовные и гражданские.

Самостоятельную систему образуют постоянные военные суды.

В законодательном порядке могут быть учреждены административные суды или трибуналы, в основном для разбора дел государственных служащих (ст. 212 Конституции).

Пакистан имеет сложную систему мусульманского контроля и правосудия, представленную как самостоятельными органами, так и специальными подразделениями гражданских судов. В стране существует два органа, осуществляющие религиозный контроль за нормативными актами. Правовой основой для их создания служит ст. 277 Конституции 1973г.

Современная правовая система Ирана носит смешанный характер, в ней тесно переплетаются элементы мусульманской и романо-германской правовых систем. Соотношение этих элементов на протяжении XX в. было неодинаковым.

Основным источником права в Иране считается закон. Согласно ст. 4 Конституции, все гражданские, уголовные, финансовые, экономические, административные, культурные, военные, политические и другие законы и установления должны быть основаны на исламских нормах.

Гражданское право Ирана, как и правовая система в целом, носит смешанный характер. Вопросы личного статуса (брачно-семейные и наследственные отношения) регулируются мусульманским правом, а остальные институты принадлежат романо-германской правовой традиции (в основном следуя французской модели).

Смертная казнь предусмотрена за убийство; преступления, связанные с наркотиками; политическое насилие; другие политические преступления; «моральные» преступления, такие как супружеская неверность, проституция, содомия и неоднократное употребление алкогольных напитков; разбой, вероотступничество. При этом лицо, осужденное за убийство, может быть казнено только при согласии ближайшего родственника потерпевшего из числа мужчин, который может выбрать и выкуп за кровь (дийя).

Согласно ст. 156 Конституции, судебная власть независима. Она функционирует на основе исламских норм и обычаев. Высшей судебной инстанцией является Высочайший Совет Правосудия, состоящий из пяти членов, срок полномочий которых – пять лет.

Контроль за правильным исполнением закона, обеспечением их единого толкования осуществляется Верховным судом. Председатель (Главный судья) Верховного суда и Генеральный прокурор назначаются Высочайшим Советом Правосудия после консультации с судьями Верховного суда на пять лет.

Институт конституционного контроля в Иране имеет особенности, отражающие исламский характер всей правовой системы. Конституция 1979 г. учредила Совет по охране Конституции (часто переводится как Попечительский совет или Совет стражей) – орган, рассматривающий законы, принятые Меджлисом, на предмет их соответствия исламским и конституционным принципам (ст. 94).

Специальным органом финансово-экономического контроля является Финансовый суд. Согласно Конституции этот суд находится в прямом подчинении у Меджлиса.

Таким образом, нормы, касающиеся прав и обязанностей человека в исламе, являются религиозными, нравственными нормами ислама. Эти нормы содержатся в Коране и Сунне, из чего вытекает, что права и обязанности в исламе даны от Бога. Мусульманин обязуется совершать свои действия исходя из того, что ему дозволено Кораном – основным источником мусульманского права вообще, и в частности – прав и обязанностей человека в исламе. Нормы мусульманского права являются юридическими в том случае, если данные нормы санкционированы государством, следовательно, и нормы прав и обязанностей человека в исламе являются юридическими, если они санкционированы государством.

При анализе структуры и отраслей мусульманского права можно найти моменты, регулирующие права и свободы человека. Кодификация норм прав человека как таковая не существует в мусульманском праве. Однако большинство норм прав человека, так или иначе, содержится в источниках мусульманского права. Необходимо отметить, что мусульманское право не регулирует права и обязанности человека как отдельную отрасль права или как отдельное положение.

Список литературы

- 1.Климович Л.И. Книга о Коране, его происхождении и мифологии. М.: Издательство политической литературы, 1988. С. 5.*
- 2.Общеправовые основы управления органами внутренних дел: Курс лекций. М.: Академия управления МВД России, 2004. С. 257; Цуканов А.Н. Фундаментальные концепции прав человека в деятельности зарубежных стран (теоретико-правовой анализ). Пермь, 2003. С. 214-215.*
- 3.Общая теория права и государства: Учебник / Под ред. проф. В. В. Лазарева. 3-е изд., перераб. и доп. М.: Юристъ 1999. 520 с.; Общая теория права: Курс лекций / Под ред. проф. В.К. Бабаева; Еремеев Д.Е. Ислам: образ жизни и стиль мышления. М.: Политиздат, 1990. С. 10.*
- 4.Цит. по Жданов Н. В. Исламская концепция миропорядка. М.: Междунар. отношения, 1991. 216 с.; Г.Р. Балтанова. Ислам в СССР: анализ зарубежных концепций. Казань: Изд-во Казанского университета, 1991. С.50.*
- 5.Гаджиев К.С. Геополитика Кавказа. М.: Междунар. отношения, 2001. С. 277; Цуканов А.Н. Указ соч. С. 212.*
- 6.Сюккьяйнен Л.Р. Мусульманское право. Вопросы теории и практики. М.: Наука. Главная редакция восточной литературы, 1986. С. 102 – 103.*
- 7.Там же. С. 104 – 105.*
- 8.Правовые системы стран мира: Энциклопедический справочник / Отв. ред. проф. А.Я. Сухарев. 2-е изд., изм. и доп. М.: Изд-во НОРМА (Издательская группа НОРМА – ИНФРА М), 2001. С.566.*

РАЗДЕЛ 2. ГОСУДАРСТВЕННО-ПРАВОВЫЕ ДИСЦИПЛИНЫ

Я.В. Бакарджиев

ассистент, Курганский государственный университет

ЮРИДИЧЕСКАЯ ПОЛИТИКА КАК ОСНОВА УКРЕПЛЕНИЯ РОССИЙСКОЙ ГОСУДАРСТВЕННОСТИ

*Seire leges non hoc est verba earum,
tenere sed vim et potestatem.
Знание законов означает понимание
не одних лишь их слов,
но и их силы и могущества.*

Говоря об укреплении государственности, необходимо помнить, что государственность покоится на взаимодействии трёх основных субъектов – личности, общества и государства. Роль каждого из них важна и неоценима. Но их деятельность должна быть совместной, скоординированной и отрегулированной.

Доминирующим же регулятором общественных отношений в современном цивилизованном и демократичном государстве являются, конечно же, правовые предписания. Только через право возможно регулировать все общественно значимые стороны жизни – экономику, социальную сферу, экологию и т.д.

Поскольку основная внутренняя функция государства – регулирование общественных отношений в целях обеспечения их стабильности, то само право не может развиваться произвольно и хаотично. Более того, с развитием общества, внутри- и межгосударственных отношений, естественно усложняется и само право, формируются новые отрасли, вырабатываются определённые принципы, количество норм всё увеличивается. И уже само право начинает нуждаться в некоей стратегии, концепции развития, то есть в некоей политике своего функционирования. Иными словами, для эффективного регулирования и сохранения стабильности всё усложняющихся общественных отношений необходимо создать определённые правила и основы чёткого функционирования самой правовой надстройки государства, создать систему, при которой любая юридическая деятельность будет являться органичной частью единого политико-правового механизма. Можно с уверенностью констатировать, что от качества правового воздействия зависит эффективность всех остальных видов политической деятельности государства.

Поэтому все взаимодействующие субъекты, так или иначе, заинтересованы в том, чтобы правовая деятельность протекала в определённом русле, была свободна от импульсивных и субъективистских влияний. Она должна быть последовательной, соотне-

сенной с остальными областями государственной деятельности, иметь чёткие цели и вектор развития, то есть осуществляться в соответствии с определённой стратегией. Такую стратегию в целом иначе можно назвать юридической политикой.

Юридическая политика – это особая политика, являющаяся стержнем не только правовой, но и политической системы всякого государства, характеризующаяся целостностью и системностью воздействия на всю политико-правовую надстройку государства.

Таким образом, поскольку право – основной инструмент регулирования различных отношений внутри и вовне государства, специфической особенностью юридической политики, ставящей её особняком от всех остальных, является базисный, опосредующий характер по отношению ко всем видам деятельности государства. Без юридической политики не могут быть успешно реализованы другие виды и разновидности политики, поскольку любая политика государства претворяется в жизнь с обязательным использованием юридических средств и механизмов, на основе нормативно-правового акта. Здесь вполне справедлив тезис о том, что «во всех разновидностях политики присутствует правовая часть»[1], а, следовательно, любая политика, реформа, вообще любая государственная деятельность в этой «части» относится к сфере воздействия юридической политики.

Основной задачей такой политики является разработка и принятие качественных, объективно необходимых, сбалансированных и адекватных текущим общественным отношениям норм права в виде целостной, монолитной законодательной системы.

Но, как известно, норма сама по себе беспомощна и бесполезна, её существование бессмысленно, а юридическая сила будет лишь фикцией, если нет реального исполнения и соблюдения нормы, обеспечиваемого через различные государственно-правовые механизмы, которые задействованы либо непосредственно, либо как потенциально возможные. Она обретает своё значение лишь через выраженную вовне деятельность по использованию и применению его норм управомоченными субъектами, то есть через конкретные юридические действия.

Эти два структурных компонента – создание качественного права (эту деятельность мы обозначим термином «правовая политика» или «концептуально-правовая составляющая юридической политики») и полноценное его воплощение в объективной действительности и составляют двуединое содержание такого явления общественной жизни, которое называется юридической политикой.

Особую значимость юридическая политика приобретает в Российской Федерации на современном этапе развития. Пройдя первичный этап правового становления, сформировав основные отрасли и институты, российская государственность не может дальше развиваться без четко определённой стратегии развития правовой сферы. Её грамотная разработка и проведение обеспечат цивилизованную и эффективную реализацию практически всех остальных направлений деятельности государства, позволят исключить «шарахания» из стороны в сторону, спрогнозировать результаты, нивелировать, в какой-то степени, возможные негативные последствия. Право нередко «догоняет» события, не успевая предупреждать негативные проявления в общественной жизни.

Можно сказать, что одна из основных правовых проблем укрепления российской

государственности сегодня – это отсутствие долгосрочной стратегии и концепции развития самой правовой сферы на государственном уровне, отсутствие механизмов чёткого исполнения правовых предписаний всеми, кому они адресованы, подкреплённые и гарантированные государственной защитой. Здесь само государство как система управления должно быть заинтересованно в решении этих проблем как факторов, разрушающих эту систему, ослабляющих управление, а значит, и само государство.

Вторая проблема, которую необходимо отметить и которая опосредует первую, – это отсутствие необходимой общественной опоры для проведения юридической политики, т.е. отсутствие развитого гражданского общества.

Юридическая политика – это мощный инструмент укрепления государственности, который необходимо использовать, но использовать в интересах и под контролем общества. Во многом и сегодня субъективизм в оценке общественных явлений со стороны политической власти продолжает распространяться и на политику, и на право. Политика по-прежнему весьма активно вмешивается в сферу отношений, регулируемых правом. Несмотря на политический плюрализм, формальный демократизм, действующее право не отражает необходимого баланса интересов. Довольно часто оно оказывается игрушкой в руках политиков, определяющих степень использования правовых механизмов, исходя из собственных интересов – конъюнктурных или популистских.

Но политика не может осуществляться одними лишь административными методами, для её качественного воздействия на правовую сферу, легитимности правовой деятельности государства нужна гражданская поддержка, т.е. поддержка гражданского общества. А гражданское общество – это, прежде всего, просвещённое в юридической сфере общество, каждый индивид которого имеет свои политико-правовые взгляды, знает свои гражданские права и умеет их защищать. Поэтому на современной этапе обучения граждан РФ необходимо вводить в учебных заведениях курс основ правовых знаний.

При этом правовое просвещение должно быть не просто способом формальной передачи знания, а формировать определённый тип правового мышления индивида (правосознание), направленный на соблюдение и уважение права, закладывать основы правового воспитания. Убеждение гораздо эффективнее принуждения. Правда, само государство как субъект убеждения должно подавать пример и неукоснительно соблюдать свои же предписания. Необходимо формировать социальный фундамент. Юридическая политика должна быть не только легальной, официальной, но и легитимной.

Здесь мы сталкиваемся с такими смежными явлениями правовой жизни как правовая культура и правовая идеология. Юридическая политика проводится первоначально в условиях уже сформировавшейся в обществе правовой культуры и является отражением, воплощением, развитием этой культуры. Она адаптируется через сложные механизмы социокультурного взаимодействия личности и власти с помощью правовой культуры как одного из главных факторов этого процесса.

Правовая идеология концентрированно отражает основные достижения в области права и фиксированные формы желаемого правового будущего как общества в целом, так и отдельных социальных групп. Проходя через сознание человека, идеология выражается в философских, нравственных, религиозных, эстетических и иных взглядах, отражающих действительность в истинной или ложной форме. Она выступает как ценностно

фиксированная модель правовой жизни и основных тенденций ее развития. Концентрирующая юридические ценности, идеология служит в конечном итоге развитию институтов цивилизованной демократии. Юридическая политика государства – это и есть своего рода официальная правовая идеология, составная часть национальной идеи.

И только когда общество и государство начинает осознавать роль и влияние права на общественно-политические отношения, происходит качественно новый этап в жизни любого государства. Стабильные отношения между обществом и государством, признание, гарантированность и защищённость прав и свобод граждан, обеспечение возможности реализовать свои способности – разве не это выступает главными признаками крепкого государства?

Список литературы

1. См. подробнее: Коробова А.П. О многозначности понятия «правовая политика» // Правоведение. 1999. № 4. С. 163.

А.Н. Глебов

канд. ист. наук, доцент, Курганский государственный университет

ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО О СЕЛЬХОЗНАЛОГЕ В ПЕРИОД СПЛОШНОЙ КОЛЛЕКТИВИЗАЦИИ 1930-1932гг. (НА МАТЕРИАЛАХ УРАЛА)

Решение новых задач, которые встают перед государством, требует изменения, корректировки его функций. В силу того, что функции государства осуществляются в правовых формах, их изменение влечет трансформации в законодательстве. Данный тезис легко можно проиллюстрировать на материалах коллективизации сельского хозяйства, осуществлявшейся советским правительством в начале 1930-х гг.

Политика коллективизации, безусловно, повлекла корректировку многих функций государства, в том числе и функции налогообложения. Так, в постановлении ЦИК и СНК СССР от 23 февраля 1930 г. «О введении в действие положения о Едином сельскохозяйственном налоге» перед налогообложением в деревне ставились новые задачи: во-первых, содействие росту коллективизации; во-вторых, ликвидация кулачества как класса; в третьих, подъем сельского хозяйства, в особенности животноводства.

Ключевым моментом в решении этих задач было установление нескольких различных систем налогообложения: обложения колхозов, обложения колхозников, обложения единоличных хозяйств и особой системы обложения кулацких хозяйств.

Для содействия коллективизации было установлено более льготное обложение колхозов по сравнению с населением. В отношении колхозов устанавливалось пропорциональное налогообложение, в отличие от прогрессивного для индивидуальных хозяйств.

В связи с установлением особой системы обложения колхозов был изменен в 1930г. порядок обложения колхозников по их необобщественным источникам доходов. Основным принципом обложения колхозников становится полное освобождение от обло-

жения доходов, полученных ими от обобщественного хозяйства.

Доходы колхозников в 1930 г. облагались налогом на тех же основаниях, что и у единоличников, налог исчислялся по подоходно-прогрессивной шкале ставок. Но налог у колхозников исчислялся только по доходу на хозяйство в целом, причем по отношению к ним не применялся вычет в размере 20 руб. на едока и необлагаемый минимум [1]. Вероятно, эта мера была направлена на «стимулирование» максимального обобществления имущества колхозников. Но на деле эта мера ухудшила положение колхозников, сохранивших подсобные хозяйства, «отпугивала» крестьян от колхоза, поэтому на следующий год она была отменена.

Для поощрения крестьян, вступивших в колхоз, было установлено сложение всех невзысканных штрафов за нарушение законов о налогах и обязательных платежах и других обязанностей, совершенными крестьянином до вступления в колхоз [2].

Сплошная коллективизация усилила кризисные процессы в сельскохозяйственном производстве, что нашло отражение в сокращении в 1930 г. объектов обложения. В Уральской области в 1930 г., по сравнению с 1929 г., было учтено налоговыми органами на 20,2 % меньше КРС, на 17,9% меньше рабочего скота [3]. Так, в Курганском округе в 1930 г., по сравнению с 1929 г., по данным налогового учета, количество КРС сократилось на 23,21 %, лошадей – на 20,98 %, овец – на 49,93 % и т.д.[4] В целом, по данным НКФ РСФСР, на Урале в 1930 г. наблюдалось самое большое по РСФСР сокращение скота [5]. С необходимостью преодоления кризисных явлений связано появление в законодательстве о сельхозналоге большого количества производственных льгот в животноводстве и полеводстве.

В целях стабилизации колхозного движения и закрепления крестьян в колхозах, а также в целях стимулирования животноводства, было издано постановление ЦИК и СНК СССР от 2 апреля 1930 г. «О новых льготах для колхозов и их членов», согласно которому весь обобщественный скот, а также коровы, овцы, свиньи и домашняя птица, имевшаяся у колхозников в личных хозяйствах, на два года не подлежали обложению сельхозналогом [6]. Эти меры должны были оказать мощное воздействие на крестьян, экономически заинтересовать их вступать в колхоз, а по сути, создать контраст между ведением единоличного хозяйства и личным подсобным хозяйством колхозника.

Были сохранены льготы прошлого года, поощрявшие животноводство. В районах промышленного маслоделия нормы доходности коров и быков единоличных хозяйств понижаются в два раза по сравнению с 1928-1929 г.г. В 1930 году повсеместно во всех хозяйствах не облагалось налогом поголовье свиней. Весь прирост поголовья коров, быков и овец облагался по нормам доходности пониженным вдвое. За проведение зооминимума крестьяне получали 10% скидки с суммы налога [7].

Все указанные меры могли бы дать значительный результат по восстановлению и росту поголовья скота, если бы государство проводило последовательную политику по поддержке животноводства в личных хозяйствах колхозников и единоличников. Но этой последовательности не было. В постановлении ЦК ВКП(б) и СНК СССР от 30 июня 1931 г. ставится задача добиться решительного перелома в развитии животноводства путем создания колхозных ферм и увеличения поголовья скота в колхозах. Эта задача решалась путем принудительного обобществления скота колхозников. В результате этих

мер крестьяне выходят из колхозов, а поголовье скота продолжает сокращаться [8]. В 1932 г., по данным налогового учета, в Уральской области по сравнению с 1931 г. количество лошадей сократилось на 20,1%, коров - на 42,4%, овец и коз - на 35,1% [9].

В 1930 году государство продолжало пытаться поощрять единоличника увеличивать посевы, для этого были сохранены действовавшие в 1929 г. льготы, такие как освобождение от прироста посева, освобождение от обложения на два года распаханых целинных земель, 10 % скидка с налога за проведение агроминимума [10]. В 1930 г. вводились льготы, стимулирующие развитие огородничества. Новые земли, отведенные колхозами под огороды, освобождались от обложения в течение двух лет, а старые огороды облагались по нормам, пониженным вдвое. В единоличных хозяйствах новые огороды облагались по нормам доходности полеводства, которые были в три раза ниже норм доходности огородов [11]. Государство продолжало стимулировать развитие технических культур. Посевы сахарной свеклы полностью освобождались от обложения, прирост посева табака облагался по нормам доходности полеводства, т.е. в пониженном размере. В 1930 г. было продолжено дальнейшее повышение обложения доходов от неземледельческих заработков. В частности, был повышен процент привлечения доходов от отхожих промыслов по найму с 10 до 15%, с отхожих промыслов не по найму - с 25 до 30%. Для доходов от кустарных промыслов минимальный процент привлечения к обложению был повышен с 35% до 40% и максимальный - с 50% до 60%. В 1931-32 гг. перед налоговой политикой была поставлена задача фиксации и углубления тех изменений, которые были осуществлены в деревне в ходе начавшейся сплошной коллективизации. В соответствии с этим сельхозналог претерпел ряд изменений.

С 1931 г. был отменен необлагаемый минимум, по которому ранее освобождалось около 30% хозяйств [12]. Скидки для многоедоцких хозяйств, которые применялись ранее, также отменяются. Полностью был упразднен более выгодный для плательщиков порядок начисления налога по доходу на каждого едока в хозяйстве. Следует согласиться с мнением Е. Буртиной о том, что эти меры, в первую очередь, негативно сказывались на бедняцких хозяйствах [13].

В 1932 г. в системе сельхозналога появляется еще ряд новшеств, которые ударили по беднейшему крестьянству. Во-первых, были введены твердые ставки налога для хозяйств колхозников, имеющих не более 50 руб. облагаемого дохода, в размере 4 руб., для единоличных хозяйств – 7 руб. при облагаемом доходе не более 100 руб. [14] Эта мера ухудшила положение маломощных хозяйств. Так, если хозяйство колхозника в 1931 г. с облагаемого дохода 50 руб. уплатило бы налога 2 руб., то в 1932 г. с того же дохода – 4 руб. А хозяйство единоличника с этого дохода уплатило бы в 1931 г. 3,75 руб., а в 1932 г. – 7 руб.

Во-вторых, в 1932 г. налог повысился особенно для многоедоцких хозяйств из-за изменения порядка исчисления налога. Теперь стала применяться только похозяйственная шкала. Если раньше из годового дохода хозяйства вычиталось по 20 руб. на каждого едока и налог исчислялся с оставшейся суммы, то теперь этот вычет был отменен и обложению подлежал весь доход хозяйства, хотя повышение налога за счет этой меры несколько компенсировалось тем, что хозяйствам, имеющим нетрудоспособных, предоставлялась скидка. Хозяйствам колхозников и единоличников, имеющим двух нетрудос-

пособных, предоставлялась скидка в размере 5% оклада сельхозналога, если было трое нетрудоспособных – 10 %, четыре и более – 15 % [15]. Налоговые меры, ухудшавшие положение беднейших слоев деревни, означали отход «пролетарского» государства от союза с беднейшим крестьянством, так как он уже выполнил свою задачу в борьбе с кулачеством. Теперь правительство могло начать давление на бедняков, чтобы поторопить их с вступлением в колхоз.

В 1931 году в целом по стране было освобождено от налогообложения 18 % единоличных хозяйств, в то время как количество освобожденных колхозников возросло до 39 % [16]. Таким образом, беднейшим единоличникам, попавшим в 1931 г. под налог, но до этого не подвергавшихся обложению сельхозналогом, государство намекало: «Не хочешь платить налог, хочешь льгот – вступай в колхоз».

Изменения в социальной структуре деревни были зафиксированы в 1931 г. в сельхозналоге, самообложении, а также во введенном в этом году культсборе. Колхозники и единоличники стали иметь разный порядок исчисления налога и разные ставки по самообложению и культсбору. Теперь при равных доходах единоличник платил больше налогов, чем колхозник, лишь потому, что он не член колхоза.

Сельхозналог с личных хозяйств колхозников в 1931 г. исчислялся в следующем порядке. Обложению подлежал не обобществленный доход от сельского хозяйства, который исчислялся по общим нормам доходности, установленным для трудовых единоличных хозяйств. Для исчисления налога с колхозников была установлена специальная шкала обложения с колебанием прогрессии от 4 % с первых 50 руб. дохода до 30 % с излишка дохода сверх 700 руб. на хозяйство. Для колхозников в 1931 г. продолжали действовать льготы, установленные в 1930 г., кроме того, колхозники пользовались всеми льготами единоличников. Полностью освобождались от налога те колхозники, которые в 1930 г. освобождались от налога как маломощные [17].

Установленные для колхозников льготы распространялись и на единоличные хозяйства, вступившие в колхоз после учета объектов обложения и передавшие весь посев в колхоз. Наоборот, хозяйства, вышедшие из колхоза, лишались льгот, установленных для колхозников, и облагались как единоличные хозяйства.

Впервые в 1931 г. были привлечены к обложению ранее не учитывавшиеся доходы единоличников от торговли на рынке. Данные доходы привлекались в размере, не превышающем 50 % остального облагаемого дохода хозяйства [18]. Эта мера ухудшила положение крестьян, т.к. в результате ее применения облагаемый доход хозяйства мог увеличиться в 1,5 раза, а соответственно – в прогрессивном порядке – должен был возрасти налог. Привлечение рыночных доходов к обложению было крайне несправедливо, т.к. происходило двойное обложение одних и тех же объектов. Несправедливость усугублялась тем, что сумма доходов, привлекаемых к обложению, была в достаточной степени произвольной, что вело к ее завышению. Так, у крестьянского хозяйства рыночные доходы могли быть привлечены в размере 50 % всего облагаемого дохода, но они могли быть значительно меньше этой суммы.

Если в 1931 г. эти доходы привлекались к обложению в сумме, не превышающей 50 % остального облагаемого дохода, то в 1932 г. они могли быть привлечены в размере 100 % остального облагаемого дохода [19]. Позднее, 20 мая 1932 г., постановлением ЦИК и

СНК СССР «О порядке производства торговли колхозов, колхозников и трудящихся единоличников и уменьшении налога на торговлю сельскохозяйственными продуктами» размеры привлекаемых к обложению рыночных доходов были снижены до 30 % остального облагаемого дохода [20].

Нужно отметить, что государство предоставляло шанс спасти рыночные доходы от обложения. Во-первых, если данные доходы хозяйства были незначительны и не превышали 75 руб. Во-вторых, если хозяйство продавало продукты, по которым оно выполнило обязательства перед государством [21].

Таким образом, смысл привлечения рыночных доходов на таких условиях был в том, что государство 1) пыталось лишить единоличника хозяйственной самостоятельности и навязать свои правила игры; 2) приучало единоличника к главной «заповеди» новой жизни – примату выполнения обязанностей перед государством. В связи с привлечением к обложению доходов от рыночной торговли, начинает происходить сокращение хозяйств, имеющих их. Так, на Урале в 1932 г., по сравнению с прошлым годом, количество хозяйств с рыночными доходами сократилось на 18,7% [22].

На удушение хозяйственной инициативы единоличников было направлено и повышение в 1931 г. обложения их неземледельческих доходов. Процент привлечения к обложению учтенных доходов от отхожих заработков по найму был увеличен с 15 % до 20 % и с отхожих заработков не по найму—с 30 % до 40 % [23].

Ставки сельхозналога 1931 г. для единоличников были выше, чем для колхозников, и колебались от 4 % с первых 25 руб. дохода до 30 % с излишка сверх 600 руб. дохода на хозяйство. Все производственные льготы, стимулировавшие расширение посевных площадей, развитие технических культур, прирост поголовья скота и некоторые другие, были полностью сохранены и в 1931 г., за исключением скидок с налога за проведение агро - и зооминимума, которые были отменены. Были установлены специальные льготы для колхозников и единоличников, работавших на лесозаготовках, торфоразработках по контрактации сроком не менее 1 года. Первые полностью освобождались от налога, вторые по этим заработкам облагались в половинном размере против норм, установленных законом [24].

В 1932 году шкала ставок сельхозналога для колхозников осталась без изменений, зато была несколько повышена таблица ставок сельхозналога для единоличников. Для доходов до 100 руб. устанавливалась твердая ставка 7 руб., и максимальная ставка с дохода сверх 700 руб. повышена с 30% до 32% [25]. Полностью от налога освобождались хозяйства единоличников, которые имели лишь одну голову рогатого скота при отсутствии других сельскохозяйственных доходов. Колхозник, чтобы избежать уплаты сельхозналога, должен был законтрактоваться на работу в государственную промышленность, на транспорт, в совхоз [26].

В целом изменения налогового законодательства в деревне в начале 1930-х гг. были направлены на решение задач, связанных с коллективизацией. В связи с коллективизацией намечается дифференциация налогообложения колхозников и единоличников. Большая часть преобразований была направлена на ликвидацию кризисных тенденций в сельскохозяйственном производстве, которые были усилены сплошной коллективизацией. Во многом, как показала практика, налоговая политика имела ситуативный харак-

тер, по ходу изменения обстановки в деревне в ходе коллективизации менялось и налогообложение.

В 1931 г. произошла дифференциация налогообложения колхозников и единоличников по ставкам сельхозналога, самообложения, культсбора и т.д. Это имело в дальнейшем принципиальное значение для завершения коллективизации, т.к. создавался механизм налогового давления, который вынуждал единоличника идти в колхоз, в котором колхозники имели более щадящее налогообложение. В отношении единоличных хозяйств государство начинает политику налогового давления: повышены ставки, по сравнению с колхозниками, привлечены к обложению рыночные доходы, увеличивается привлечение к обложению неземледельческих доходов, отменяются некоторые льготы.

В итоге всех преобразований налогового законодательства начала 1930-х гг. ослабевает фискальная функция налогообложения и усиливается регулятивная. Сельскохозяйственный налог становится инструментом, с помощью которого советское правительство изменяет социально-экономический облик деревни.

Список литературы

1. Государственный архив Курганской области, Ф. Р-492, Оп.1, Д.264. Л.1.
2. Там же, Ф.Р. - 470, Оп.1, Д.418, Л.23.
3. Российский государственный архив экономики, Ф.7733, Оп.9, Д.206, Л.10.
4. Рассчитано по материалам: ГАКО, Ф.Р. - 470, Оп. 1, Д.418, Л.198.
5. РГАЭ, Ф.7733, Оп.9, Д.206, Л.13.
6. Постановление ЦИК и СНК СССР от 2 апреля 1930 г. «О новых льготах для колхозов и их членов» // Коллективизация сельского хозяйства. Важнейшие постановления коммунистической партии и Советского правительства (1927-1935). М., 1957. С.151.
7. ГАКО, Ф. Р-492, Оп.1, Д.264, Л.1.
8. См. подробнее Зеленин И. Е. Революция сверху: завершение и трагические последствия // Вопросы истории. 1994. №6. С.33. Колганов А.И. Путь к социализму: трагедия и подвиг. М., 1990. С.124.
9. Государственный архив Свердловской области, Ф.Р-88, Оп.1, Д.3651, Л.51.
10. ГАКО, Ф. Р-492, Оп.1, Д.264. Л.1.
11. ГАКО, Ф. Р.- 470, Оп.1, Д.418, Л.109.
12. Залесский М.Я. Налоговая политика советского государства в деревне. М., 1940. С.90.
13. Буртина Е. Коллективизация без перегибов: налоговая политика в деревне в 1930-1935гг. // Октябрь. 1990. №2. С.164.
14. Из постановления ЦИК и СНК СССР «О сельхозналоге на 1932г.» // Красный Курган. 1932. 11 мая.
15. Постановления Уральского областного исполкома советов РКК и КД от 17 мая 1932г. «О проведении единого сельхозналога в Уральской области на 1932 год». Свердловск, 1932.
16. Марьяхин Г.Л. Очерки истории налогов в СССР. М., 1964. С.141.
17. Постановление Уральского областного исполнительного комитета Советов РКК и КД «О проведении единого сельхозналога в Уральской области на 1931 год». Свердловск, 1931.
18. Положение «О едином сельхозналоге на 1931 год» // Красный Курган. 1931. 10 апреля.
19. Как будут облагаться налогом единоличные трудовые хозяйства // Красный Курган. 1932. 28 мая.

- 20.СЗ.1932. №30. Ст.189(б), Ст.234.
21.Положение «О едином сельхозналоге на 1931год»//Красный Курган. 1931.10 апреля.
22.ГАСО, Ф.Р-88, Оп.1, Д.3651, Л.51.
23.Залесский М.Я. Указ. соч. С.96.
24.Постановление Уральского областного исполкома Советов РКК и КД «О проведении единого сельскохозяйственного налога в Уральской области на 1931 год». Свердловск, 1931.
25.Буртина Е. Указ. соч. С.164.
26.Какие льготы по налогу получит колхозник//Красный Курган. 1932. 22 мая; Постановление Уральского областного исполкома советов РКК и КД от 17 мая 1932г. «О проведении единого сельхозналога в Уральской области на 1932 год».

Н.Ф. Данилов

канд.ист.наук, доцент, Курганский пограничный институт ФСБ России

ИЗБИРАТЕЛЬНОЕ ПРАВО РФ И ЮРИДИЧЕСКИЕ КОЛЛИЗИИ

Участие граждан в управлении делами государства, как непосредственно, так и через избираемых ими же представителей в органах государственной власти или местного самоуправления, закреплено в статье 32 Конституции Российской Федерации. Положения этой статьи полностью соответствуют статье 21 Всеобщей декларации прав человека, а также статье 25 Международного пакта о гражданских и политических правах, которая подчеркивает, что каждый гражданин, без какой бы то ни было дискриминации и без необоснованных ограничений имеет право и возможность:

а) «принимать участие в ведении государственных дел как непосредственно, так и через посредство свободно выбранных представителей;

б) голосовать и быть избранным на подлинно демократических выборах, производимых на основе всеобщего и равного избирательного права при тайном голосовании и обеспечивающих свободное волеизъявление избирателей;

в) допускаться в своей стране на общих условиях равенства к государственной службе».

В масштабе Российской Федерации, как и в других демократических государствах, высшим непосредственным выражением народного волеизъявления являются демократические свободные выборы в органы государственной власти и в выборные органы местного самоуправления. При этом в научной литературе под выборами принято понимать участие граждан в осуществлении власти народа посредством выделения из своей среды путем голосования представителей для выполнения в государственных органах или органах местного самоуправления принадлежащих им функций по осуществлению власти в соответствии с волей и интересами граждан, выраженными на выборах.

Разумеется, реализация данного права предполагает создание необходимых правовых гарантий со стороны государства.

Со времени вступления в силу Конституции Российской Федерации 1993 г. было

полностью обновлено избирательное законодательство, закрепляющее и гарантирующее избирательное право граждан Российской Федерации.

На сегодняшний день законодательство Российской Федерации о выборах составляют: Конституция Российской Федерации, Федеральный закон Российской Федерации «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации», иные федеральные законы, Конституции (уставы), законы субъектов Российской Федерации, иные нормативные правовые акты о выборах, принимаемые в Российской Федерации.

Выборы государственных органов и органов местного самоуправления, предусмотренные Конституцией Российской Федерации, являются свободными и проводятся на основе всеобщего, равного и прямого избирательного права при тайном голосовании. При этом в соответствии с Федеральным законом Российской Федерации «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации» (в ред. федеральных законов от 27 сентября, 24 декабря 2002 г., 23 июня, 4 июля, 23 декабря 2003 г., 7 июня 2004 г.) государством гарантируется свободное волеизъявление граждан Российской Федерации на выборах и референдуме, защита демократических принципов и норм избирательного права и права на участие в референдуме.

Вместе с тем в законодательстве о выборах имеют место и юридические коллизии. Например, пункт 1 ст. 65 Федерального Закона Российской Федерации «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации» не только противоречит соответствующим положениям Конституции Российской Федерации, но и определенным образом подталкивает представительные (законодательные) органы субъектов Российской Федерации к принятию законов, ограничивающих право граждан Российской Федерации на участие в выборах в органы государственной власти субъектов Российской Федерации, поскольку законы субъектов Российской Федерации не должны противоречить положениям Федерального закона.

Анализ законодательства по обеспечению избирательных прав граждан в Курганской области и практики проведения выборов 2004 года губернатора Курганской области и депутатов Курганской областной Думы позволяют сделать вывод о том, что законы Курганской области от 29.04.2003 г. в редакции 24.08.2004 г. «О выборах губернатора Курганской области» и от 27.05.2003 г. в ред. 24.08.2004 г. «О выборах депутатов Курганской областной Думы» не позволяют в полной мере реализовать конституционное право граждан на участие в формировании органов государственной власти Курганской области.

Для избирателей, которые не будут иметь возможности прибыть в день голосования на тот избирательный участок, где они включены в списки избирателей, ст. 45 Закона «О выборах губернатора Курганской области» и ст. 30.1 Закона «О выборах депутатов Курганской областной Думы» устанавливают право воспользоваться открепительным удостоверением, позволяющим избирателям проголосовать в день выборов на любом избирательном участке Курганской области. А как быть с теми избирателями, которые в день голосования будут находиться вне пределов территории Курганской области? Они автоматически лишаются права участвовать в выборах губернатора Курганской области и депутатов Курганской областной Думы.

Действующее законодательство Курганской области не регламентирует такие ситуации и не предусматривает возможность досрочного голосования, а, наоборот, ст. 47 Закона «О выборах губернатора Курганской области», исходя из положения п. 1 ст. 65 Федерального Закона Российской Федерации «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации», содержащего императивное предписание, запрещает досрочное голосование на выборах губернатора Курганской области.

Четко и ясно представляя, что при проведении выборов губернатора Курганской области и депутатов Курганской областной Думы 28 ноября 2004 г. ограничиваются права граждан на участие в формировании органов государственной власти Курганской области в отношении тех избирателей, которые вынуждены были в день голосования находиться вне пределов Курганской области, избирательные комиссии вынуждены были на жалобы таких избирателей давать формальные «отписки» следующего содержания:

«Согласно статье 65 Федерального Закона «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации» досрочное голосование на выборах в органы государственной власти субъектов РФ не проводится. Вместе с тем указанная норма федерального закона предусматривает возможность проведения досрочного голосования в отдаленных и труднодоступных местностях, на судах, находящихся в день голосования в плавании, на полярных станциях, на одном и более избирательных участках, участках референдума. Перечень оснований для проведения досрочного голосования является исчерпывающим и не включает в себя факт нахождения избирателя за пределами территории субъекта Российской Федерации.

Таким образом, Законы Курганской области «О выборах депутатов Курганской областной Думы» и «О выборах губернатора Курганской области» в части отсутствия нормы о возможности проведения досрочного голосования на выборах губернатора Курганской области и в областную Думу не противоречат действующему федеральному законодательству».

Следовательно, законы Курганской области, соответствуя Федеральному закону «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации», одновременно противоречат положениям Конституции Российской Федерации, гарантирующим участие граждан в формировании органов государственной власти Курганской области.

В связи с тем, что в будущем главы субъектов Российской Федерации будут избираться представительными органами субъектов Российской Федерации по представлению Президента России, противоречия, имеющие место между Федеральным законодательством и законодательством субъекта Российской Федерации – Курганской области будут устранены сами собой.

Что же касается закона «О выборах депутатов Курганской областной Думы», то по данному закону возможны выборы и в будущем, и снова с ограничением прав граждан на участие в формировании органов государственной власти Курганской области.

Поэтому, на наш взгляд, в Федеральный закон Российской Федерации «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской

Федерации» необходимо внести соответствующие изменения, а именно:

а) п. 1 ст. 65 данного закона изложить в следующей редакции: «Досрочное голосование на выборах в федеральные органы государственной власти, на референдуме Российской Федерации, в порядке, установленном в пунктах 2-9 настоящей статьи, не проводится»;

б) п.2 ст. 65 изложить в следующей редакции: «При проведении выборов в органы государственной власти субъектов Российской Федерации, органы местного самоуправления, референдума в субъекте Российской Федерации, местного референдума избирателю, участнику референдума, который в день голосования по уважительной причине (отпуск, командировка, режим трудовой и учебной деятельности, выполнение государственных и общественных обязанностей, состояние здоровья) будет отсутствовать по месту своего жительства и не сможет прибыть в помещение для голосования на избирательном участке, участке референдума, на котором он включен в список избирателей, участников референдума, должна быть предоставлена возможность проголосовать досрочно», а далее по тексту.

Н.Ф. Данилов

канд.ист.наук, доцент, Курганский институт управления и права

ОСОБЕННОСТИ МУНИЦИПАЛЬНОГО ПРАВОТВОРЧЕСТВА В РОССИИ

Правотворчество в юридической литературе традиционно определяется как деятельность компетентных органов государства по подготовке и принятию нормативно-правовых актов.

Вместе с тем, к числу нормативно-правовых актов Российской Федерации отнесены также акты органов местного самоуправления.

Следовательно, правотворческой деятельностью в нашей стране занимаются не только государственные органы, но и органы местного самоуправления, которые, согласно ст.12 Конституции РФ, в систему органов государственной власти не входят. При этом нормативно-правовые акты органов местного самоуправления рассматриваются как подзаконные нормативные акты, а это означает, что они должны приниматься на основе и во исполнение законов.

Федеральный закон Российской Федерации «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» от 6 октября 2003 года закрепляет следующие формы муниципального правотворчества:

- правотворчество населения (народа) муниципального образования;
- правотворчество органов местного самоуправления.

Такой подход к классификации муниципального правотворчества позволяет выделить следующие виды муниципальных правовых актов:

1. Устав муниципального образования.

Рис. 1

2. Иные нормативно-правовые акты представительного органа муниципального образования.
3. Нормативно-правовые акты главы местной администрации.
4. Правовые акты, принятые на местном референдуме (сходе граждан).
5. Нормативно-правовые акты главы муниципального образования.
6. Нормативно-правовые акты иных органов местного самоуправления, предусмотренных уставом муниципального образования.

В самом общем виде муниципальное правотворчество можно определить как деятельность органов местного самоуправления, а также населения муниципального образования по подготовке и принятию нормативно-правовых актов.

К процедуре подготовки и принятия муниципальных правовых актов в основном применяются общие требования правотворчества.

В то же время закон «Об общих принципах организации местного самоуправления Российской Федерации» обращает внимание на следующие особенности:

1. Для обсуждения проектов муниципальных правовых актов по вопросам местного

значения и с участием жителей муниципального образования представительным органом муниципального образования, главой муниципального образования могут проводиться публичные слушания:

а) по проектам:

- устава муниципального образования;

- правового акта о внесении изменений и дополнений в устав муниципального образования;

- местного бюджета и отчета о его исполнении;

- планов и программ развития муниципального образования.

б) по вопросу о преобразовании муниципального образования.

2. Для обсуждения вопросов местного значения, информирования населения о деятельности органов местного самоуправления и должностных лиц местного самоуправления, осуществления территориального общественного самоуправления на части территорий муниципального образования могут проводиться собрания граждан, которые:

- по вопросам, связанным с осуществлением территориального общественного самоуправления, принимают решения;

- по другим вопросам – обращение к органам местного самоуправления и должностным лицам местного самоуправления.

3. Для выявления мнения населения и его учета при принятии решений органами местного самоуправления и должностными лицами местного самоуправления, а также органами государственной власти может проводиться опрос граждан на всей территории муниципального образования или на части его территории. При этом решение о назначении опроса граждан принимается представительным органом муниципального образования.

В нормативном правовом акте представительного органа муниципального образования о назначении опроса граждан устанавливаются:

- дата и сроки проведения опроса;

- формулировка вопроса (вопросов), предлагаемого (предлагаемых) при проведении опроса;

- методика проведения опроса;

- форма опросного листа;

- минимальная численность жителей муниципального образования, участвующих в опросе.

Некоторые особенности закон «Об общих принципах организации местного самоуправления в российской Федерации» предусматривает и относительно решений, принимаемых путем прямого волеизъявления граждан (на референдуме). Если для реализации решения, принятого путем прямого волеизъявления населения муниципального образования, дополнительно требуется принятие (издание) муниципального правового акта, орган местного самоуправления или должностное лицо местного самоуправления, в компетенцию которых входит принятие (издание) указанного акта, обязаны в течение 15 дней со дня вступления в силу решения, принятого на референдуме (сходе граждан), определить срок подготовки и (или) принятия соответствующего муниципального правового акта. Указанный срок не может превышать три месяца. Нарушение данного

требования является основанием для отзыва выборного должностного лица местного самоуправления, увольнения главы местной администрации или досрочного прекращения работы выборного органа местного самоуправления.

Л.А. Кудимова

заместитель руководителя Управления Федеральной регистрационной службы по Курганской области

РОЛЬ И МЕСТО РЕГИОНАЛЬНЫХ ОТДЕЛЕНИЙ ПОЛИТИЧЕСКИХ ПАРТИЙ, ВЫТЕКАЮЩИЕ ИЗ ТРЕБОВАНИЙ ПРОЕКТА ФЗ «О ВЫБОРАХ ДЕПУТАТОВ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ДУМЫ ФЕДЕРАЛЬНОГО СОБРАНИЯ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ»

*В демократическом обществе постоянную связь между народом
и властью обеспечивают политические партии. Благодаря выборам
этот важнейший институт получил сегодня наибольшие возможности
для развития. Без партий невозможны ни проведение политики
большинства, ни защита позиций меньшинства.*

В.В. Путин

Одними из направлений политических реформ, начатых после прихода к власти в РФ В.В. Путина, стали попытки упорядочения системы политических партий и стремление унифицировать правила политического процесса в российских регионах.

Главными из этих попыток стали два закона: Федеральный закон «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан РФ» (2002 год) и Закон «О политических партиях» (2001 год), попытавшиеся в большей степени, чем ранее, унифицировать избирательный процесс в регионах и региональные избирательные системы. Главным отличием норм данных законов от периода 1993-2001 годов явилось превращение практически в обязательную норму принципа избрания не менее 50% депутатов законодательных (представительных) органов власти субъектов Федерации по пропорциональной системе, а также запрет на создание региональных политических партий - в выборах могут принимать участие только общероссийские партии.

Немного об истории вопроса. До принятия закона «О политических партиях» в России действовало более 190 общероссийских общественно-политических объединений, после вступления закона в силу Минюстом России была зарегистрирована 51 политическая партия. На территории Курганской области этот процесс выглядел следующим образом: в 2000 году было зарегистрировано 86 политических общественных объединений, в основном это были отделения общероссийских общественных организаций и движений, в 2002 году эта цифра составляла 25 региональных отделений, в 2003 г. – 32,

в 2004 г. – 29, сегодня на территории Курганской области зарегистрировано 27 региональных отделений политических партий.

Таким образом, наглядно видно, что задача, которую ставил перед собой законодатель на тот период, была успешно решена.

Нельзя говорить о том, что идея выборов исключительно по пропорциональной системе возникла внезапно, она отнюдь не нова. Прошедшие четыре избирательные кампании по выборам в Государственную Думу - в 1993, 1995, 1999, 2003 годах показали: без пропорциональной части выборов зарождение и становление политических партий в нашей стране вообще было бы почти невозможно. Мировой опыт также доказывает, что именно пропорциональная система стимулирует становление и развитие политических партий.

Применение пропорциональной системы при формировании региональных парламентов в субъектах Российской Федерации значительно активизировало деятельность партий. По данным ЦИК России, из 44 политических партий, имевших право участвовать в выборах, правом выдвижения кандидатов по пропорциональной избирательной системе воспользовались 36. Также 50 процентов всех кандидатов-одномандатников были выдвинуты политическими партиями. Мы видим, что кандидаты утрачивают политическую анонимность, видно, интересы каких социальных и политических групп представляет каждый из них. В этом мы могли убедиться и сами на прошедших у нас выборах.

Большая определенность появилась и в отношении предпочитаемой модели партийной системы. В отличие от института выборов, плюрализм политических партий принадлежит к тем атрибутам политической демократии, которые не имели сильных корней в российском обществе. По вопросу об отношении к многопартийности общественное мнение раскалывалось на две сопоставимые части.

По данным социологического опроса, проведенного Левада-центром, в 1990-е гг. многопартийную систему отвергали от 41% до 48% населения. Однако в последнее время в общественном мнении на передний план вышла противоположная тенденция - предпочтение системы, состоящей из двух или трех политических партий. По данным Левада-центра, в 1994 г. в поддержку «укрупненной многопартийности» высказывалось 30%, а в 1999 г. - 35%. В начальный период правления В. Путина общественная привлекательность этой модели скачкообразно увеличилась (в 2001 г. - 41%). С этого времени показатель поддержки системы из двух или трех политических партий сохраняется на данном уровне.

Реализации данной модели подчинены изменения, внесенные недавно в федеральный закон «О политических партиях», а именно: минимальное количество членов партии – 50 тысяч человек, минимальный состав региональных отделений (в половине субъектов) – 500 членов партии, минимальный состав партийчеек в остальных регионах – 250 человек. Очевидно, чем это обернется для многих партий: большая часть их будет отсечена от участия в выборах в силу сложившихся обстоятельств. Это, прежде всего, те партии, которые не смогли пройти в Государственную Думу на прошедших выборах, те, которые не имеют четкой территориальной организации, следовательно, не смогут сформировать членский минимум, те, в которых зреет внутренний раскол. Кроме того, 7%-ный барьер также отсечет от участия в распределении депутатских мандатов многие партии.

В наиболее выгодном положении находятся партии, которые уже обеспечили себе места в Государственной Думе и на следующих выборах у них не возникнет необходимости собирать подписи избирателей либо вносить избирательный залог.

Именно в этот момент своим партиям существенную поддержку могут оказать региональные отделения. Партийная периферия приобретает новую роль. Она становится основным кадрово-политическим резервом, необходимым для формирования ведущих партий: по условиям избирательного законодательства, результаты, полученные проигравшими партиями, перераспределяются между партиями-победителями в соответствии с их относительным электоральным весом (чем лучше электоральные результаты, тем больше прибавка от перераспределения).

Сегодня мы формируем свою политическую культуру. Культура, как известно, начинается с самого низа. Следовательно, партии должны завоевывать авторитет, работая прежде всего на местах, а не «тусуясь» в Москве. Потому что массовый избиратель живет в конкретных городах, районах, он хочет видеть результаты партийной работы рядом с собой, у себя дома, а не только в столице. Должна существовать жесткая зависимость: результаты работы партии напрямую должны зависеть от результатов работы региональных отделений.

Безусловно, региональным отделениям придется столкнуться с серьезными трудностями. Особенностью российской политической жизни является то, что она носит ярко персонифицированный характер, в большой степени опирается на авторитет и популярность партийного лидера. Новая схема предполагает смещение партийной работы на региональный уровень, следовательно, отделениям политических партий придется так строить свою деятельность, чтобы она могла привлечь к себе прежде всего авторитетных людей, которые могли бы принести с собой голоса избирателей. К такому решению подталкивает и проект закона: федеральный список кандидатов состоит не более чем из трех человек, которые являются лицом партии и ведут ее к победе, опираясь на региональные группы кандидатов, число которых не может быть менее четырех пятых от числа субъектов Российской Федерации. При этом каждая региональная группа должна соответствовать субъекту Российской Федерации или части его территории либо группе субъектов Российской Федерации.

Региональные списки – поле деятельности региональных отделений политических партий, однако не следует забывать что это и двойная ответственность – перед партией и перед избирателем. Некоторые возразят: недостаток авторитетных кадров в регионах будет восполнен столичными представителями, и интересы региональных избирателей опять отойдут на второй план. Думаю, что это станет проблемой слабых региональных отделений, которым необходима поддержка центра, сильные же отделения смогут выдвинуть своего кандидата. Налицо развитие политической конкуренции и это хорошо, ведь если нет политической конкуренции - нет и прогресса в политике.

Региональные отделения политических партий должны участвовать в выдвижении кандидатов, должна развиваться внутрипартийная демократия, к компетенции региональных отделений должно быть отнесено самостоятельное решение вопроса о выдвижении и снятии кандидата. Это придаст самостоятельности отделению и, кроме того, повысит его ответственность перед избирателями (приложение №2).

Партии и региональные отделения должны активнее работать с беспартийными кандидатами. Если кандидат не имеет какой-либо ярко выраженной партийной окраски, то это не говорит о том, что он не может собрать вокруг себя единомышленников, хорошую команду, которая будет полезна партии. Для многих партий, в которых сегодня ощущается серьезный недостаток кадров, это могло бы стать спасением.

Проект закона о выборах депутатов предусматривает механизм, развязывающий излишнюю централизацию средств – предоставление возможности региональным отделениям партий открывать свои избирательные фонды в поддержку кандидатов. Избирательные фонды могут создаваться региональными отделениями политических партий при условии, что в федеральном списке кандидатов, выдвинутом политической партией, имеется региональная группа кандидатов, соответствующая субъекту Российской Федерации, в котором зарегистрировано региональное отделение этой политической партии. Средства избирательных фондов региональных отделений политических партий расходуются в основном на проведение предвыборной агитации. Наличие избирательного фонда у регионального отделения партии придаст ему большую уверенность, даст возможность поддержать своего кандидата.

Проект закона определяет, что по результатам выборов депутатов Государственной Думы к распределению депутатских мандатов допускаются федеральные списки кандидатов, каждый из которых получил 7 и более процентов голосов избирателей. Это достаточно жесткое условие, которое вызывает больше всего критических высказываний. Однако партии должны быть готовы к таким условиям. С этой целью они должны будут объединяться, преодолевать свои амбиции, внутрипартийную несогласованность, такой барьер в силах преодолеть только серьезная партия. Думаю, в этом процессе решающую роль сыграют региональные отделения.

Несколько слов о запрете блоков. Учитывая, что в нашей стране партийную систему нельзя определить как окончательно сложившуюся, стимулирование создания реальной многопартийности, на мой взгляд, невозможно без создания блоков. Оздоровление, освежение партийной системы возможно только через блоки.

Партийное строительство в преддверии парламентских выборов 2007 г. будет осуществляться во многом с «чистого листа». Из существующих партий реальными претендентами на то, чтобы занять место в новом парламенте, выступают Единая Россия, КПРФ, ЛДПР и, возможно, «Родина» Д. Рогозина. В межвыборный период партии могут принять участие в региональных выборах, которые пропорциональная система сделала их потенциальными «вотчинами». Представляется принципиально важным, что проект пропорциональной системы в целом вписывается в общественный запрос на «укрупненную многопартийность» (предпочтение системы с двумя - тремя ведущими партиями). Однако оборотной стороной перехода на пропорциональную систему может стать ослабление связей с избирателями в округах и ослабление мотивов электорального участия.

Список литературы

- 1. Конституция Российской Федерации, 1993г.*
- 2. Федеральный закон «О политических партиях», 2001г.*

3. *Федеральный закон «О выборах депутатов Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации», 2002г.*
4. *Федеральный закон «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации», 2002г.*
5. *Ежегодное послание Президента Российской Федерации Федеральному Собранию Российской Федерации. 2002 г.*
6. *«О практике проведения федеральных выборов, выборов в органы государственной власти субъектов Российской Федерации в 2002-2004 годах и перспективах развития избирательного законодательства» // О выборах. 2004г.*
7. *Дубровина Е.П. Пропорциональная система на региональных выборах // О выборах. 2004г.*
8. *Скосаренко Е.Е. Некоторые особенности применения пропорциональных избирательных систем // О выборах. 2004г.*
9. *Авакьян С. Какая избирательная система лучше? // Российская Федерация. 2004г.*
10. *Выборы по-новому: «ЗА» и «ПРОТИВ» // Российская Федерация. 2004г.*
11. *Новая реальность: Основные направления развития политической ситуации в 2004 - 2008 гг. // Анализ и прогноз политической ситуации, 2004г.*
12. *Грознов М.М. Пропорциональная система выборов – что в итоге? // Академия Тринитаризма, 2004г.*
13. *Абакумов С.А. Гражданское общество может заставить партии представлять его интересы на выборах по пропорциональной системе, «Интерфакс», 01.09.2004г.*
14. *Вешняков А.А. Судьбы партий определяют избиратели // Труд-7. 2004. 17 июня (№111). С.6*
15. *Проект Федерального закона «О выборах депутатов Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации», 2005г.*

О. И. Филонова

канд. ист. наук, доцент, Курганский государственный университет

СУДЕБНАЯ РЕФОРМА В РОССИИ: СОВРЕМЕННЫЕ ПРОБЛЕМЫ И ИСТОРИЧЕСКИЙ ОПЫТ 1920-х ГОДОВ

В современной России осуществляется судебная реформа как составная часть формирования правового государства. Правительством Российской Федерации была разработана Федеральная целевая программа «Развитие судебной системы России» на 2002-2006 гг. (утв. 20 ноября 2001 г.). Задачами программы провозглашено развитие и укрепление судебной системы, усиление авторитета судебной власти, укрепление независимости и самостоятельности судов и судей, кадровое обеспечение судебной системы, создание системы профессиональной подготовки судей, законодательное регулирование проблемы ответственности судей перед обществом за выполнение своего долга.

Современные теоретики судебной реформы указывают, что процесс отбора и процедура назначения российских судей не имеет аналогов в мире. Получая статус, судья становится несменяемым и независимым от привычных обществу ограничений; во многом единственным ограничителем судьи становятся его моральные устои. Лишь после

продолжительной дискуссии Федеральным законом от 15 декабря 2001 г. Федеральный закон «О статусе судей в РФ» был дополнен статьей «Дисциплинарная ответственность судей». Подвергается критике и порядок привлечения судей к уголовной ответственности лишь после согласия квалификационной коллегии судей в нарушение норм Конституции о равенстве всех перед законом и судом.

Указанные Правительством РФ задачи аналогичны тем, что ставились перед советскими судебными органами в 1920-х гг. Для решения комплекса взаимосвязанных проблем современной судебной реформы особое значение приобретает разработка теоретических вопросов, в том числе учет исторического опыта. Современная ситуация во многом сходна с той, что имела место в 1920-х гг. – масштабность перемен и необходимость быстрого реформирования судебной системы, причем в условиях постоянно изменяющейся социально-экономической обстановки.

Сегодня дискуссионными являются вопросы о необходимости создания судов специальной юрисдикции, о расширении дисциплинарной ответственности судей, о повышении квалификации судей, о порядке привлечения судей к уголовной ответственности. Все эти проблемы уже подвергались обсуждению и находили законодательное оформление в ходе судебной реформы 1920-х гг.

В механизме советского правосудия важную роль играл кадровый состав народных судей. От образовательного, профессионального уровня судей, их политической ориентации и моральных качеств во многом зависели направление и ход реформирования судебной системы, отношение к советскому суду со стороны населения. Кадровому составу судебных работников со стороны большевистской партии и советского правительства уделялось большое внимание. Вместе с тем специфика кадровой политики заключалась в нигилистическом отношении к праву и государству, и потому в 1920-е годы советский суд рассматривался лишь как временный орган, как орудие проведения в жизнь текущей политики партии и правительства.

Народные судьи избирались губернскими исполнительными комитетами по представлению губернского суда или Народного комиссариата юстиции сроком на один год и могли быть переизбраны. В пределах своего района народный судья должен был нести ответственность за свою деятельность по суду или перед вышестоящими судебными учреждениями РСФСР. Отзыв народного судьи до срока или его перемещение в пределах губернии могли производиться постановлением губернского исполнительного комитета.

Кадровая политика советского руководства характеризовалась повышением требований к профессионализму судей. Первоначально в решении этой задачи важную роль играла так называемая курская практика подготовки судей, заключавшаяся в прохождении кандидатами на судебные должности стажировки в качестве запасных судей на участках с хорошо поставленной работой.

По данным М.В.Кожевникова, к началу 1930 гг. была создана сеть по подготовке и переподготовке юридических кадров: институты советского права в Москве, Ленинграде, Саратове, Иркутске, Казани; заочные секторы при тех же институтах; высшие курсы по переподготовке руководящих работников юстиции в Москве; дневные рабфаки при институтах советского права; вечерние рабфаки при институтах советского пра-

ва; краткосрочные курсы для национальных кадров; межрайонные одногодичные национальные школы; одногодичные краевые (областные) юридические курсы - для районных работников юстиции; шестимесячные краевые (областные) юридические курсы - для районных работников юстиции [1].

НКЮ РСФСР по результатам проверки деятельности судебных учреждений за 1928г. разработал план мероприятий для повышения профессионального уровня судебных работников. В этих целях было признано необходимым в пределах каждого округа создать постоянный резерв из актива особо зарекомендовавших себя народных заседателей, общественных обвинителей, членов административно-правовых секций, организовать для них вечерние юридические курсы. Было предложено реорганизовать областные курсы в курсы переподготовки и направить на них всех судебных работников из числа выдвиженцев с производства после прохождения ими определенного стажа практической работы [2].

Руководство страны, стремясь повысить авторитет советского суда среди населения, постоянно предпринимало меры к улучшению кадрового состава судей, свидетельством чего являются многочисленные нормативные акты.

НКЮ РСФСР в декабре 1926г. циркуляром предписал выдвигать на должности народных судей только тех лиц, подготовка которых к занятию должности народного судьи является твердо установленной. Было указано, чтобы ни один кандидат, не удовлетворяющий указанным в законе требованиям, не представлялся на утверждение губернского исполнительного комитета под личную ответственность председателя губернского суда [3].

Кадровая политика, отбор судей в 1920-х годах характеризовались жесткой регламентацией со стороны партийных органов. Так, циркуляром от 4 января 1924 года в целях согласования циркуляров ЦК РКП(б) о порядке назначения, перемещения, отзыва судебных работников и прокуратуры, об обеспечении за окружными комитетами партии руководства деятельностью судебно-следственными органами и прокуратурой, уральский областной комитет партии установил, что назначение народных судей, их перемещение производится губернскими судами через областной исполнительный комитет лишь после согласования этого вопроса с окружными комитетами РКП(б) [4].

В Плате проведения в жизнь директив съездов партии и правительства и партконференции в 1929-1930 гг. по органам юстиции Уральской области содержались такие пункты, как чистка личного состава, привлечение к ответственности судей за бюрократизм и волокиту [5].

НКЮ РСФСР своим Бюллетенем от 31 декабря 1928г. указал на необходимость принятия решительных мер для борьбы с народными судьями, дискредитирующими советскую власть. «Пьянство и кумовство с антисоветскими элементам, дискредитирование власти развелись среди судебных работников в таких значительных размерах, что о них стали сообщать с разных концов. Судья, дискредитирующий власть в глазах трудящихся, не может больше оставаться судьей. Наркомюст принял решение: предпочтительнее на том или другом участке судебной работы вовсе не иметь работника, чем иметь работника, дискредитирующего прокуратуру и суд» [6].

НКЮ РСФСР в бюллетене № 13 за 1929г. обратился к прокурорам и председателям

областных (краевых) судов с просьбой публиковать в своих информационных бюллетенях списки всех снятых с должности за преступления и проступки судебных работников, для того, чтобы судебные работники, снятые с работы за пьянство и другие дискредитирующие поступки, не могли устроиться вновь. Вместе с тем, НКЮ РСФСР отмечал, что это не означает лишения права помещенных в списки вновь работать в органах юстиции - необходимо осторожно подходить к вопросу о предоставлении ответственной работы [7].

Судьи в процессе осуществления своей деятельности подлежали дисциплинарной и уголовной ответственности. Порядок дисциплинарной ответственности судебных работников был установлен Положением о судоустройстве РСФСР 1922г. (гл. 10). Согласно ст.73 Положения «поводами для возбуждения дисциплинарного производства» являлись:

«а) проступки, поведение или действия судебных работников, хотя бы и не наказуемые уголовными законами, но несовместимые с достоинством и назначением судебных деятелей, имевшие место как при исполнении ими служебных обязанностей, так и вне их;

б) отмена Верховным Судом ряда приговоров и решений, вынесенных судебными работниками, по несоответствию таковых общему духу законов РСФСР и интересам трудящихся масс».

Положением были предусмотрены такие виды дисциплинарного взыскания, как замечание, выговор, перемещение или смещение на низшую должность, отстранение от службы с запрещением работы на судебных должностях на определенный срок (ст.74 Положения).

Правом возбуждать дисциплинарное производство против лиц, работавших в подведомственных губернскому суду учреждениях, были наделены председатели губернских судов и губернские прокуроры. Прокурор республики обладал правом возбудить дисциплинарное производство в отношении всех без исключения лиц, работавших в судебных учреждениях РСФСР (ст.69 Положения).

Производство дел о дисциплинарной ответственности народных судей и иных должностных лиц, подведомственных губернскому суду, в том числе и членов самого губернского суда, осуществлялось дисциплинарной коллегией губернского суда.

Возможность применения к судьям уголовной ответственности было определено в ст. 111 Уголовного Кодекса РСФСР 1922г.: «Постановление судьями из корыстных или личных видов неправосудного приговора карается – лишением свободы на срок не ниже 3-х лет с отстранением от судейских должностей, а при особо отягчающих обстоятельствах – высшей мерой наказания».

В течение 1921-1929 гг. советское судоустройство находилось в процессе непрерывного реформирования, причинами которого во многом являлись огромный объем работы судов, увеличение сроков рассмотрения дел. В процессе поиска наиболее эффективных форм судоустройства в ходе судебной реформы 1922 г. и в последующий период создавались суды специальной подсудности – особые трудовые сессии народных судов, земельные комиссии, арбитражные комиссии, дисциплинарные суды, примирительные камеры при сельских советах, товарищеские суды на предприятиях, военные и военно-транспортные трибуналы.

Разъяснение подсудности трудовых сессий было дано Верховным Судом РСФСР 16

июля 1924г.: «Подсудность трудовых сессий составляли все гражданские иски, вытекающие из трудовых отношений, независимо от суммы иска и от личности ответчика, все уголовные дела по нарушению законов и других нормативных актов о труде, коллективных договоров, дела, связанные с воспрепятствованием работе профсоюзов, с заведомой постановкой работника в условия, при которых он утратил или мог утратить трудоспособность, независимо от занимаемого служебного или должностного положения обвиняемого» [8].

Дисциплинарные суды создавались и действовали на основании Положения о дисциплинарных судах от 7 июля 1923г. К подсудности губернского дисциплинарного суда относились дела о служебных упущениях и проступках членов губернских и уездных исполнительных комитетов, должностных лиц, избранных или утвержденных губернским исполнительным комитетом, директоров и членов правления трестов, отдельных предприятий, подведомственных губернским советам народного хозяйства [9]. Новое Положение о дисциплинарных судах от 9 июля 1926г. значительно расширило их подсудность, вплоть до отнесения к их компетенции всего низового аппарата власти (районные, волостные исполнительные комитеты, сельские советы). Создавалась сеть низовых дисциплинарных судов при окружных и уездных исполнительных комитетах.

В целях освобождения народных судов от мелких уголовных и гражданских дел, обеспечения воспитательного воздействия на рабочих и крестьян на территории страны в 1928г. начали создаваться общественные суды: примирительные камеры при сельских советах (в соответствии с постановлением НКЮ РСФСР от 17 апреля 1928г.) и товарищеские суды на фабрично-заводских предприятиях, государственных и общественных учреждениях (на основании Постановления ВЦИК и СНК РСФСР от 27 августа 1928г.).

Возникновение специальных судов было обосновано несколькими факторами:

1. Вследствие недостаточной квалификации народных судей было принято предложение, что более грамотное решение по отдельным категориям дел смогут принять специалисты (в особых сессиях народного суда по трудовым делам, в дисциплинарных судах и т.д.).

2. Стремлением НКЮ РСФСР разгрузить народные суды.

Таким образом, при проведении современной судебной реформы необходимо знать и использовать отечественный исторический опыт, в том числе и опыт судебного реформирования 1920-х гг. Важно учитывать уроки прошлого. Как показал советский опыт, суды и судьи должны быть избавлены от политизации и идеологизации, должны быть независимыми. Вместе с тем, они должны обладать высоким уровнем профессионализма и обладать высокими моральными качествами. Заслуживает внимания советский опыт создания системы судов специальной юрисдикции.

Список литературы

- 1.Кожеевников М.В. История советского суда / Под ред. И.Т. Голякова. М.: Юридическое издательство, 1948. С.265.*
- 2.Бюллетень НКЮ РСФСР № 11 от 01.02.1929г. Личный состав судебных и прокурорских работников// ГАКО, Ф.№р. 475, Оп.1, Д.287, Л.47.*
- 3.ГАКО, Ф.№р.475, Оп.1, Д.2, Л.2.*
- 4.ГАОПДКО, Ф.7, Оп.1, Д.2, Л.20.*

5. ГАКО, Ф.№р.475, Оп.1, Д.40, Л.105.

6. ГАКО, Ф.№р.281, Оп.1, Д.21, Л.30.

7. ГАКО, Ф.№р.475, Оп.1, Д.287, Л.82-83.

8. ГАКО, Ф.№р.178, Оп.1, Д.15, Л.196.

9. Положение о дисциплинарных судах от 07.07.1923г.// ГАКО, Ф.№р.315, Оп.1, Д.812, ЛЛ.1-6.

Т.А. Рукавишникова

соискатель, Челябинский юридический институт МВД России

РАЗВИТИЕ И СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ ИНСТИТУТА СУДЕБНОЙ ВЛАСТИ В РОССИИ

В первобытном обществе конфликты выносились на суд старейшин, который и принимал решение по спору [1]. В древности функцию правосудия осуществляли фараоны, императоры, цари, короли. Судебные решения выносились их именем. Они сами разрешали наиболее важные дела и были надзорной инстанцией для подчиненных и покорных им судей (некоторые исключения из этих порядков наблюдались в Древней Греции и Древнем Риме). Суд был лишь инструментом в руках самодержавных правителей, которым наряду с правосудием принадлежала законодательная и исполнительная власть. Таким образом, все функции государственной власти были соединены в одном лице, и о самостоятельной и независимой судебной власти не могло быть и речи [2].

Данте Алигьери писал: «Всюду, где может возникнуть раздор, там должен быть и суд, иначе несовершенное существовало бы без того, что придает ему совершенство, а это невозможно» [3]. Совокупность судов, вышестоящих и нижестоящих, - это еще не судебная власть, а совокупность выносимых ими решений и приговоров - это функция суда, но не способ контроля за органами государства (законодательными и исполнительными), в руках которых была сосредоточена подлинная, ничем не ограниченная власть. Соединение в одном лице или органе функций правотворчества, государственного управления и судопроизводства характерно для абсолютной монархии и более поздних тоталитарных режимов. Широко известна фраза, брошенная Людовиком XIV: «Государство - это я» [4].

Необходимость расчленения властей была концептуально обоснована вполне определенно Ш. Монтескье в следующих словах: «Все погибло бы, если в одном и том же лице или учреждении... были соединены три власти: власть создавать законы, власть приводить в исполнение постановления общегосударственного характера и власть судить преступников и тяжбы частных лиц» [5]. Монтескье изложил результаты длительного исследования политико-правовых установлений нескольких государств и пришел к следующему выводу: «Свобода возможна при любой форме правления, если в государстве господствует право, гарантированное от нарушений законности посредством разделения властей на законодательную, исполнительную и судебную, которые взаимно сдерживают друг друга» [6].

Развитие и совершенствование института судебной власти в России всегда проходи-

ло в связи с общими государственно-правовыми реформами в целом, либо судебными, затрагивающими судоустройство и судопроизводство, в частности. Обстоятельством взаимосвязи реформ обусловлена предлагаемая периодизация истории института судебной власти в России. За основные вехи, определяющие отдельные этапы ее становления и развития, следует принять нормативно-правовые акты, устанавливающие законодательную основу судоустройства и судебного процесса в соответствующий период российской государственности: Русская Правда, краткая и пространная редакции (XI-XII в.), Новгородская и Псковская Судные Грамоты (XV в.), Судебники 1497-1550 гг., Соборное Уложение 1649 г., судебно-процессуальное законодательство Петра I (прежде всего акты 1714-1723 гг.), Учреждения для управления губерниями 1775 г. Екатерины II, Судебные уставы 1864 г., а в период с 1917 по 1991 г. - Декреты о суде 1917-1918 гг., ряд Положений о народном суде, советские Конституции, Основы законодательства о судоустройстве и об уголовном и гражданском судопроизводстве, иные акты. Разумеется, для каждого из указанных периодов характерно наличие одного или нескольких элементов сложного по структуре института судебной власти (принципов, органов и т.п.). Однако Судебные уставы Александра II впервые в истории отечественного правосудия юридически ее оформили и создали правовые основы и гарантии для ее практической реализации. Вместе с тем, каждый из отмеченных этапов заслуживает внимания [7].

В результате великой реформы 1864 г. суды обособились, отделились от административного контроля и образовали относительно самостоятельную систему. Суды не контролировали исполнительную власть, не защищали подданных от чиновничьего произвола и тем более не смели надзирать за конституционностью законов, да и самой конституции в России еще не было.

Понятие «судебная власть» возродилось в российской правовой науке и законодательстве недавно - в начале 90-х годов (гл. 7 Конституции РФ 1993 г.). При советском режиме даже после смерти И. В. Сталина (1953 г.) судебной власти как таковой, в сущности, не было: ведь совокупность судов, как уже отмечалось, - еще не судебная власть. Эта власть возникает и утверждается лишь тогда, когда гражданское общество находит в себе силы противостоять тирании, бюрократии и создать институты, защищающие права человека [8].

Современные юристы, исследующие проблемы судебной власти, справедливо обращают внимание на то, что правовой науке понятие судебной власти практически не известно. «Сам термин судебная власть отсутствовал в нашем политическом, законодательном и научном лексиконе». Причину такого положения, как и основу утверждения, что «в СССР никогда не было независимой и самостоятельной судебной власти», исследователи усматривают преимущественно в бесцеремонном вмешательстве в судебную деятельность партийной и сросшейся с ней исполнительной власти [9].

Период с конца 80-х по начало 90-х годов XX в. метко назван профессором В.В. Ярковым периодом «судебного романтизма», когда казалось, что снятием ограничений на обращение в суд можно было решить если не все, то хотя бы значительную часть проблем, стоящих перед российским обществом.

За эти годы возникла целая система законодательства об организации и деятельности органов судебной ветви государственной власти и судейского сообщества [10].

В социалистический период российской истории (до 90-х годов) суды находились под жестким контролем партии и Советов. Должность судьи, даже самого низшего звена, была номенклатурной и замещалась по указанию соответствующего партийного органа. Народные районные (городские) судьи избирались на безальтернативной основе из заранее подобранных и согласованных с парткомом кандидатов. Избиратели их не знали и не контролировали. Судьи вышестоящих судов избирались соответствующими Советами, отчитывались перед ними и могли быть ими отозваны [11].

В «Концепции судебной реформы в Российской Федерации», представленной Президентом РСФСР и одобренной Верховным Советом РСФСР 24 октября 1991 г. на основе обобщения критических материалов о деятельности судов, прокуратуры, органов дознания и предварительного следствия, делается вывод о кризисе юстиции в России. Отмечается ее несостоятельность в деле охраны законности и правопорядка, что выражается в неспособности сдерживать рост преступности, низком профессиональном уровне работы, подмене цели защиты общества от преступлений целью борьбы с преступностью. Подчеркивается идеологизация юстиции, ее ориентация на интересы государства и негуманность, обвинительный уклон судей, кадровый голод, нищенское материально-техническое обеспечение присутственных мест и т. д. и т. п. [12].

В ходе реформы судебно-правовой системы осуществляется радикальное обновление гражданского, уголовного, административного и арбитражного процессуального законодательства, направленное на совершенствование судопроизводства, усиление судебной ответственности органов государственной власти и должностных лиц за соблюдение прав человека, наделение судов более широкими полномочиями контроля, повышение доступности правосудия [13].

Цель современной судебной реформы - в создании независимой судебной власти, способной решать задачи ограничения произвола других ветвей государственной власти, надежно защищать права человека и гражданского общества. Современная судебная реформа также ставит очередную задачу улучшения организации правосудия, создания надлежащей цивилизованной демократической формы отправления правосудия, гарантирующей незыблемость провозглашенных гражданских прав и свобод, соответствующей требованиям международных актов о правах человека, а также общепризнанным ценностям - равенству, справедливости и гуманизму суда.

Становление судебной власти - результат самоограничения государства, допускающего контроль над собой со стороны независимого и могущественного органа - суда, к деятельности которого, как правило, привлекается народ.

Судебная власть возможна и эффективна лишь в контексте теории разделения властей, исключающей излишнюю концентрацию власти и гарантирующей гражданам подлинную свободу.

Понятно, что само по себе разделение властей, вот уже более 200 лет практикуемое в демократических странах, - не самоцель и не панацея от пороков и недостатков государственного управления. Но это, как показал исторический опыт, все же лучшая из имеющихся конструкций. Россия, к сожалению, не воспользовалась ею в предшествующие века и десятилетия - как при царях, так и в годы советской власти [14].

Список литературы

1. Грудцына Л.Ю. Судебная защита прав и свобод личности: теоретический аспект// Законодательство и экономика. 2003. № 8.
2. Судебная власть/Под ред. И.Л. Петрухина. М.: ООО «ТК Велби», 2003. С.2.
3. Грудцына Л.Ю. Судебная защита прав и свобод личности: теоретический аспект// Законодательство и экономика. 2003. № 8.
4. Судебная власть/Под ред. И.Л. Петрухина. М.: ООО «ТК Велби», 2003. С.2.
5. Монтескье Ш. О духе законов// Антология мировой правовой мысли. Т.3. М., 1999. С. 117.
6. Грудцына Л.Ю. Судебная защита прав и свобод личности: теоретический аспект// Законодательство и экономика. 2003. № 8.
7. Ефремова Н.Н. Судебная власть в контексте истории российского конституционализма. Проблемы генезиса и эволюции// Чиновник. 2003. №6.
8. Судебная власть/Под ред. И.Л. Петрухина. М.: ООО «ТК Велби», 2003. С.2.
9. Лебедев В.М. Судебная власть в современной России: проблемы становления и развития. СПб.: Изд-во «Лань», 2001. С.12.
10. Ермошин Г.Т. Судебная власть как система органов государственной власти// Законодательство и экономика. 2004. № 4. С. 34.
11. Судебная власть/Под ред. И.Л. Петрухина. М.: ООО «ТК Велби», 2003. С.2.
12. Бойков А.Д. Третья власть в России: очерки о правосудии, законности и правовой реформе 1990-1996 гг. М., 1997. С.231.
13. Горшкова С.А. Европейская защита прав человека и реформирование российской судебной правовой системы//Журнал российского права. 2002. № 7.
14. Бородин С. В. О разделении и взаимодействии властей в России // Государство и право. 2002. № 5. С. 13.

А.М. Асадов

канд. юр. наук, Уральский институт экономики, управления и права

К ВОПРОСУ О СИСТЕМЕ ИСПОЛНИТЕЛЬНЫХ ОРГАНОВ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ВЛАСТИ ФИНАНСОВОГО КОНТРОЛЯ

Анализ деятельности исполнительных органов государственной власти показывает, что даже в самые благополучные годы, когда высокий уровень цен на сырье на международных рынках приносит высокий доход в бюджет государства, очень трудно добиться высокого результата в социальных, экономических и других составляющих жизни общества, если финансовая деятельность государства в части исполнения недостаточно эффективно организована. Без четко функционирующего механизма финансового контроля невозможно эффективно организовать финансовую деятельность государства, особенно его исполнение. Финансовый контроль всегда занимает особое место в анализе финансовой деятельности государства и имеет свою специфику в случае его осуществления исполнительными органами государственной власти.

Финансовый контроль, который реализуют исполнительные органы государственной власти, можно представить в трех блоках: 1. Общий финансовый контроль, осуществляемый в основном органами общей компетенции, такими как Правительство Рос-

сийской Федерации, правительство субъектов Федерации в национальных республиках в составе РФ, областная администрация субъектов Федерации и т.д. 2. Ведомственный финансовый контроль, который, как правило, проводится внутри ведомства вышестоящим звеном по отношению к подчиненным. 3. Надведомственный финансовый контроль, когда между контролирующими и контролируруемыми органами отсутствует прямая организационная подчиненность.

Конституция Российской Федерации в п. а ст. 114 устанавливает, что «Правительство Российской Федерации разрабатывает и представляет Государственной Думе РФ федеральный бюджет и обеспечивает его исполнение, а также представляет Государственной Думе РФ отчет об исполнении федерального бюджета».

Правительство РФ как орган общей компетенции наделено широкими контрольными полномочиями в области финансов. Финансово-контрольные полномочия Правительства РФ направлены на федеральные финансовые органы исполнительной власти, органы исполнительной власти субъектов федерации.

Правительство РФ осуществляет систематический контроль за исполнением Конституции РФ, федеральных конституционных законов, федеральных законов, указов Президента РФ, международных договоров и других нормативных актов федеральными финансовыми органами исполнительной власти и финансовыми органами исполнительной власти субъектов РФ.

Правительство РФ принимает решение по обеспечению федеральных законов в области финансового контроля, указов Президента РФ, международных актов, других нормативных актов, систематически контролирует деятельность финансовых органов исполнительной власти.

С целью обеспечения реализации Федерального закона «О защите конкуренции на рынке финансовых услуг» [1] (в ред. от 30 декабря 2001 года и с изм. и доп., вступившими в силу с 1 июля 2002 года) Постановлением Правительства РФ от 7 марта 2000 года №194 принято решение об условиях антимонопольного контроля на рынке финансовых услуг и утверждена методика определения оборота и границ рынка финансовых услуг финансовых организаций [2]. В указанном постановлении Правительство РФ определило круг исполнительных органов государственной власти и других финансовых органов по организации и реализации этого решения, а также утвердило методику определения оборота и границ рынка финансовых услуг для финансовых организаций, которые функционируют на рынке ценных бумаг, занимаются лизинговой деятельностью, оказывают услуги по страхованию и негосударственному пенсионному обеспечению.

Конституцией РФ на Правительство РФ возложены полномочия по обеспечению защиты интересов граждан России. Широкое понимание данной конституционной установки дает основание утверждать, что Правительство РФ должно обеспечить в том числе устойчивое финансовое состояние гражданам России, обеспечить эффективно действующий механизм финансового контроля. Правительство РФ Постановлением от 23 декабря 1999 года №1432 утвердило Правило размещения пенсионных резервов негосударственных пенсионных фондов и контроля за их размещением [3].

Правительство РФ постановлением определяет направление, условия и порядок размещения пенсионных резервов, а также устанавливает орган, осуществляющий кон-

троль за размещением фондов пенсионных резервов. Решением Правительства Российской Федерации контроль за размещением фондов пенсионных резервов осуществляется Инспекцией негосударственных пенсионных фондов при Министерстве труда и социального развития Российской Федерации. Правительство РФ своим постановлением устанавливает уполномоченный исполнительный федеральный орган власти по контролю и надзору в сфере формирования и инвестирования средств пенсионных накоплений. Постановлением Правительства РФ от 2 апреля 2003 года №190 [4] установлено, что уполномоченным федеральным органом исполнительной власти по регулированию, контролю и надзору в сфере формирования и инвестирования средств пенсионных накоплений является Министерство финансов Российской Федерации.

Правительство как исполнительный орган государственной власти должно обеспечить контроль за эффективным исполнением государственного бюджета. Правительство РФ создает комиссии по контролю за возвратом в федеральный бюджет вложенных государственных денежных средств и процентов за пользование ими на определенный период времени. Например, Постановление от 6 октября 1999 года №1138 «Об образовании Комиссии по контролю за возвратом в федеральный бюджет бюджетных инвестиционных ассигнований и процентов за пользование ими» [5].

Постановлением Правительства РФ от 14 февраля 2003 года №100 установлено, что уполномоченным органом, представляющим в делах о банкротстве и в процедурах банкротства требования об уплате обязательных платежей и требования Российской Федерации по денежным обязательствам, является Федеральная служба России по финансовому оздоровлению и банкротству.

Постановление Правительства РФ от 8 января 2003 года устанавливает, что порядок утверждения правил внутреннего контроля в организациях, осуществляющих операции с денежными средствами или иным имуществом, согласуется с соответствующими надзорными органами, а при отсутствии такого надзорного органа - с Федеральной службой по финансовому мониторингу РФ [6].

Правительство РФ принимает решение об оптимизации структуры и расходов на содержание федеральных органов государственной власти (см. Постановление от 22 марта 1999 года №322 «Об утверждении Положения о Комиссии по оптимизации структуры и сокращению расходов на содержание федеральных органов государственной власти»).

Правительство Российской Федерации осуществляет контроль за формированием, распределением и исполнением финансовых средств государства через Министерство финансов РФ, Казначейство РФ, федеральные налоговые службы РФ, федеральные таможенные службы и другие органы, структуры исполнительной власти.

Министерство финансов РФ занимает ведущее место среди органов исполнительной власти в области финансов, поскольку оно обеспечивает единую финансовую, бюджетную, налоговую и валютную политику и координирует деятельность других исполнительных органов власти в сфере финансов. Комплексный характер компетенции Министерства финансов России подразумевает, что оно выполняет и функцию финансового контроля. Министерство финансов РФ имеет в своем арсенале все виды и формы инструментов для осуществления финансового контроля.

В соответствии с ч.1 п. а ст. 114 Конституции «Правительство Российской Федерации разрабатывает и представляет Государственной Думе федеральный бюджет и обеспечивает его исполнение». В структуре Правительства РФ органом, который реализует указанную конституционную установку, является Министерство финансов РФ. В соответствии с положением о Министерстве финансов РФ среди его основных задач значимое место занимает «разработка проекта федерального бюджета и обеспечение исполнения в установленном порядке федерального бюджета» [7].

Одним из важнейших потенциальных источников для долгосрочного кредитования в реальный сектор на сегодняшний день являются денежные средства, которые накапливаются во внебюджетных государственных фондах. Многое зависит от возможности Министерства финансов РФ формировать условия для направления потока денежных средств в наиболее перспективные сферы производства для обеспечения прибыли фондам, с одной стороны, и экономического роста - с другой.

Постановлением от 2 апреля 2003 года №190 Правительство РФ установило, что уполномоченным федеральным органом исполнительной власти по регулированию, контролю и надзору в сфере формирования и инвестирования средств пенсионных накоплений является Министерство финансов Российской Федерации.

Министерство финансов Российской Федерации как уполномоченный федеральный орган исполнительной власти по регулированию, контролю и надзору в сфере формирования и инвестирования средств пенсионных накоплений контролирует соблюдение законодательства Российской Федерации о формировании и инвестировании средств для финансирования накопительной части трудовой пенсии.

Для более эффективной организации Министерство финансов РФ проводит конкурсы по отбору специализированного депозитария и управляющих компаний для заключения с ними договоров Пенсионным фондом Российской Федерации в порядке, определяемом Правительством Российской Федерации.

Министерство финансов РФ контролирует движение денежных средств, которые поступают в Пенсионный фонд РФ, устанавливает порядок расчета, который позволяет выявлять чистый финансовый результат этого поступления. Контроль Министерства финансов РФ за временным размещением сумм страховых взносов должен иметь, по крайней мере, следующие цели. Во-первых, обеспечить устойчивый и надежный процесс накопления путем выбора наиболее профессионально работающих и надежных компаний, с тем, чтобы улучшить финансовые возможности фонда. Во-вторых, в силу того, что данные финансовые ресурсы могут быть использованы в долгосрочном режиме, способствовать направлению этих денежных потоков путем инвестиций на развитие в наиболее перспективные отрасли в реальном секторе экономики, что может послужить наряду с другими факторами гарантией надежности и прибыльности данного вложения. В-третьих, данный финансовый контроль должен быть направлен на обеспечение законности, бесперебойности функционирования механизма формирования и инвестирования средств пенсионных накоплений и исключение коррупции.

Для выполнения вышеуказанных пунктов Министерство финансов РФ согласовывает предложения Пенсионного фонда Российской Федерации по определению ожидаемой потребности в средствах для выплаты накопительной части трудовой пенсии, в том

числе правопреемникам умерших застрахованных лиц, при подготовке проекта бюджета Пенсионного фонда Российской Федерации на соответствующий период.

Министерство финансов РФ выдает государственной управляющей компании и Пенсионному фонду Российской Федерации предписания об устранении выявленных нарушений законодательства Российской Федерации, о формировании и инвестировании средств пенсионных накоплений, а также направляет обращения о выдаче таких предписаний иным субъектам и участникам отношений по формированию и инвестированию средств пенсионных накоплений в Федеральную комиссию по рынку ценных бумаг и другие федеральные органы исполнительной власти, уполномоченные осуществлять регулирование и контроль профессиональной деятельности указанных лиц в соответствии с законодательством Российской Федерации.

Министерство финансов РФ в случае необходимости вправе обращаться в суд с исками о защите прав и законных интересов собственника средств пенсионных накоплений об устранении последствий нарушений законодательства Российской Федерации и о возмещении вреда, причиненного государственной управляющей компанией и Пенсионным фондом Российской Федерации в результате нарушения законодательства Российской Федерации.

Выполняя функции, предусмотренные Федеральным законом «Об инвестировании средств для финансирования накопительной части трудовой пенсии в Российской Федерации» (в ред. от 10.11.2003 г.) для уполномоченного федерального органа исполнительной власти по регулированию, контролю и надзору в сфере формирования и инвестирования средств, Министерство финансов РФ принимает в пределах своей компетенции нормативные правовые акты, включая инструкции и методические указания по вопросам установления стандартов раскрытия информации и форм отчетности об инвестировании средств пенсионных накоплений, структуры средств пенсионных накоплений и ограничений их инвестирования субъектами отношений по формированию и инвестированию средств пенсионных накоплений.

Министерство финансов РФ с помощью своих структурных подразделений в субъектах Российской Федерации осуществляет непосредственный финансовый контроль на всей территории Российской Федерации. Территориальные контрольно-ревизионные органы Министерства финансов РФ в субъектах Российской Федерации осуществляют последующий финансовый контроль на территории соответствующего субъекта или региона РФ. Деятельность территориальных контрольно-ревизионных органов Министерства финансов Российской Федерации регулируется Постановлением Правительства РФ от 6 августа 1998 года №888, где установлено положение о контрольно-ревизионном управлении Министерства финансов Российской Федерации в субъекте Российской Федерации (управление) [8].

Управление в своей деятельности руководствуется Конституцией Российской Федерации, федеральными конституционными законами, федеральными законами, указами и распоряжениями Президента Российской Федерации, постановлениями и распоряжениями Правительства Российской Федерации, Положением о Министерстве финансов РФ, приказами, инструкциями, иными нормативными правовыми актами Министерства финансов РФ, Положением об управлении, правовыми актами субъектов Российской Фе-

дерации и органов местного самоуправления, а также осуществляет свою деятельность во взаимодействии с другими территориальными органами федеральных органов исполнительной власти, органами государственной власти субъектов Российской Федерации, органами местного самоуправления, общественными объединениями и другими организациями.

Управление образовано в основном для того, чтобы осуществлять государственный финансовый контроль в рамках своей компетенции на соответствующей территории Российской Федерации. Управление проводит последующий контроль за своевременным, целевым и рациональным исполнением финансовых средств федерального бюджета и внебюджетных фондов.

Управление осуществляет свою деятельность в следующих направлениях.

1. Проводит ревизии, тематические проверки поступления и расходования средств федерального бюджета, использования внебюджетных средств, доходов от государственного имущества. Нужно заметить, что ревизии и проверки финансово-хозяйственной деятельности организации проводятся независимо от форм собственности по мотивированному решению правоохранительных органов.

Также управление осуществляет финансовый контроль в установленном порядке по обращениям органов государственной власти субъектов Российской Федерации и органов местного самоуправления на договорной основе за счет соответствующего органа власти.

2. Управление по поручениям Министерства финансов РФ в пределах своей компетенции осуществляет контроль за деятельностью аудиторов и аудиторских организаций, за качеством аудиторских проверок, которые они проводят.

3. Участвует в разработке проектов нормативных правовых актов и представляет предложения по совершенствованию законодательства соответствующего направления, что является весьма полезной, но односторонней деятельностью.

Нужно отметить, что по характеру деятельности контрольно-ревизионное управление Министерства финансов Российской Федерации очень близко к другим финансовым органам государственной власти, и чтобы избежать дублирования и параллелизма, необходим комплексный анализ компетенции всех государственных органов финансового контроля и обеспечение их нормативно установленным функциональным взаимоотношением с целью, с одной стороны, устранить чрезмерность финансового контроля, с другой - повысить качество.

Особое место по бюджетному контролю при Министерстве финансов РФ занимает Казначейство Российской Федерации, созданное указом Президента РФ от 8 декабря 1992 года. В соответствии с указом оно сформировано с целью «проведения государственной бюджетной политики, эффективного управления доходами и расходами в процессе исполнения республиканского бюджета Российской Федерации, повышения оперативности в финансировании государственных программ, усиления контроля за поступлением, целевым и экономным использованием государственных средств» [9]. Президент РФ своим указом, создав Казначейство РФ, возложил на него выполнение задач по организации, осуществлению и контролю за исполнением Республиканского бюджета РФ и контролю за федеральными внебюджетными средствами.

Финансовый контроль, осуществляемый Казначейством РФ, имеет свою особенность. Нужно отметить, что контрольные функции Казначейства РФ, прежде всего, направлены на усиление деятельности исполнительных органов по исполнению бюджетов, в частности - Министерства финансов РФ, которому оно подчиняется. Финансовый контроль, осуществляемый Казначейством РФ, может быть внутренним или надведомственным.

Главная задача органов Казначейства РФ по осуществлению контроля за бюджетом установлена Указом Президента РФ от 8 декабря 1992 года №1556 «О федеральном казначействе», а также Положением о федеральном казначействе, утвержденным Постановлением Совета Министров Правительства РФ от 27 августа 1993 года №864. Это «контроль за исполнением республиканского бюджета РФ, контроль за поступлением и использованием внебюджетных (федеральных) средств» [10].

Небезосновательно предполагать, что финансовый контроль, осуществляемый Казначейством РФ, имеет свою специфику хотя бы потому, что в отличие от, например, Счетной палаты, которая является независимой от исполнительной власти, здесь присутствует ведомственный интерес, или точка зрения исполнительной власти. Сравнение со Счетной палатой показывает, что результаты финансового контроля Казначейства РФ более актуально использовать для совершенствования нормативных актов, издаваемых исполнительными органами (Правительством РФ, Министерством финансов РФ), а результаты контроля Счетной палаты, имеющие более общее значение, полезны для законодательных органов власти. Казначейство РФ создано прежде всего для усиления позиции исполнительной власти в сфере финансов, поэтому возможности его должны быть направлены на совершенствование деятельности исполнительной власти в области финансов в целом и финансового контроля в частности.

Главная задача Казначейства РФ связана с финансовым контролем. Во-первых, это организация, осуществление и контроль за исполнением республиканского бюджета Российской Федерации, управление доходами и расходами этого бюджета на счетах казначейства в банках, исходя из принципа единства кассы и, во-вторых, контроль за поступлением и использованием федеральных внебюджетных средств.

Казначейство РФ в пределах своей компетенции разрабатывает методологические и инструктивные материалы, порядок ведения учетных операций, который является обязательным для органов государственной власти и управления, предприятий, учреждений и организаций, включая организации, распоряжающиеся средствами государственных внебюджетных фондов. Казначейство РФ осуществляет подготовку проекта бюджетной классификации, ведение операций по учету государственной казны Российской Федерации.

Контрольная функция Казначейства РФ позволяет ему осуществлять сбор информации о состоянии государственных финансов, федеральном бюджете, а также о федеральных внебюджетных фондах. Казначейство обрабатывает и представляет полученную информацию высшим законодательным и исполнительным органам государственной власти.

Условно полномочия Казначейства РФ относительно финансового контроля можно представить в трех блоках.

1. Производственный – это осуществление в министерствах, ведомствах, на предприятиях, в учреждениях и организациях, в банках и иных финансово-кредитных учреждениях любых форм собственности, включая совместные предприятия, проверки денежных документов, регистров бухгалтерского учета, отчетов, планов, смет и иных документов, связанных с зачислением, перечислением и использованием средств республиканского бюджета Российской Федерации, а также получение необходимых объяснений, справок и сведений по вопросам, возникающим при проверках.

2. Информационный – это сбор информации в установленном порядке для своей деятельности, который выражается в получении от банков, иных финансово-кредитных учреждений справки о состоянии счетов предприятий, учреждений и организаций, использующих средства республиканского бюджета Российской Федерации, федеральных государственных внебюджетных фондов.

3. Итоговый – это требование от руководителей и других должностных лиц проверяемых органов государственного управления, предприятий, учреждений и организаций устранения выявленных нарушений порядка исполнения республиканского бюджета Российской Федерации, контроль за устранением, ради чего создано Казначейство РФ.

Казначейство РФ осуществляет контрольную функцию с помощью центрального аппарата – главного управления, которое расположено в Москве, и территориальных структур, базирующихся в регионах Российской Федерации. Главное управление организует и осуществляет сводный систематический, полный и стандартизированный учет операций по движению средств республиканского бюджета Российской Федерации, государственных внебюджетных фондов и внебюджетных средств на счетах казначейства.

В процессе своей деятельности главное управление взаимодействует с Центральным банком Российской Федерации, налоговыми органами Российской Федерации, иными центральными органами государственной власти и управления в целях улучшения организации работы и усиления контроля за исполнением республиканского бюджета Российской Федерации.

Главное управление казначейства РФ с помощью своих территориальных органов осуществляет контроль за соблюдением исполнения федерального бюджета РФ и исполнения государственных внебюджетных фондов. Заметим, что при необходимости оно может непосредственно проводить контроль. Управление получает, анализирует и обобщает отчеты территориальных органов казначейства о проделанной работе и разрабатывает предложения по ее совершенствованию, проводит обследования и проверки организации их работы, принимает меры к устранению выявленных недостатков и нарушений.

Органы казначейства, которые расположены в регионах России, контролируют своевременность совершения операций со средствами республиканского бюджета Российской Федерации, государственных внебюджетных фондов и внебюджетными средствами, а также целевое направление использования средств республиканского бюджета Российской Федерации и федеральных внебюджетных средств. Территориальные органы казначейства РФ осуществляют контрольные функции во взаимодействии с соответствующими органами исполнительной власти, налоговыми, правоохранительными органами и банками.

Органы казначейства также осуществляют систематический, полный и стандартизированный учет операций по движению средств республиканского бюджета Российской Федерации, государственных внебюджетных фондов и внебюджетных средств на счетах органов федерального казначейства, обслуживающих соответствующую территорию, а также проводят работу по контролю за соблюдением действующего законодательства Российской Федерации в части исполнения республиканского бюджета Российской Федерации, финансового исполнения государственных внебюджетных фондов, поступления и использования внебюджетных средств.

Возможности государства осуществлять свою функцию во многом определяются наличием финансовых средств, находящихся в его распоряжении, поэтому невозможно переоценить роль органов государственной власти, которые обеспечивают поступление финансовых средств в государственные фонды. Среди этих органов наиболее значимое место занимают налоговые органы, поскольку ведущую роль в пополнении государственных фондов играют с налоговые доходы. Одной из важнейших функций налоговых органов является контрольная функция. Финансовый контроль, который они проводят, является весьма важным фактором, обеспечивающим государственный доход.

В соответствии с п. 1 ст. 30 (ред. от 9 июля 1999 года №154-ФЗ) Налогового кодекса РФ «налоговыми органами в Российской Федерации являются Министерство Российской Федерации по налогам и сборам и его подразделения в Российской Федерации». Надо заметить, что п.2 этой же статьи установлено, что «полномочиями налоговых органов обладают таможенные органы и органы государственных внебюджетных фондов». По статье 34.1 Налогового кодекса РФ, «в случаях, когда законодательством о налогах и сборах на органы государственных внебюджетных фондов возложены обязанности по налоговому контролю, эти органы пользуются правами и несут обязанности налоговых органов, предусмотренные Налоговым кодексом РФ».

Одно из последних изменений в структуре исполнительных органов государственной власти – смена названия, и одновременно - правового статуса. Министерство по налогам и сборам РФ преобразовано в Федеральную налоговую службу РФ, его функции по принятию нормативных правовых актов и по ведению разъяснительной работы по законодательству Российской Федерации по налогам и сборам переданы Министерству финансов РФ.

Таким образом, налоговые органы включают в себя Министерство финансов РФ, Федеральную налоговую службу, Федеральную таможенную службу и органы государственных внебюджетных фондов в установленном законодательством РФ порядке.

Наиболее широкие права предоставлены налоговым органам в сфере налогового контроля, так как это является основной целью их деятельности. Необходимо отметить, что права, предоставленные налоговым органам, реализуются действиями должностных лиц этих органов. При этом ряд прав налоговых органов могут осуществляться только путем принятия решения руководителя или заместителя налогового органа, например, право на проведение налоговых проверок, право выемки документов и предметов, право на создание налоговых постов и т.д.

В сфере осуществления налогового контроля налоговые органы вправе проводить налоговые проверки в порядке, установленном налоговым кодексом; привлекать для

проведения налогового контроля специалистов, экспертов, переводчиков и понятых; вызывать в качестве свидетелей лиц, которым могут быть известны какие-либо обстоятельства, имеющие значение для проведения налогового контроля; контролировать соответствие крупных расходов физических лиц их доходам; осматривать любые, используемые налогоплательщиком для извлечения дохода, либо связанные с содержанием объектов налогообложения независимо от места их нахождения, производственные, складские, торговые и иные помещения и территории, проводить инвентаризацию имущества.

В случае отказа налогоплательщика допустить должностных лиц налогового органа на территорию или в помещение налогоплательщика, а также к осмотру производственных, складских, торговых и иных помещений и территорий, используемых налогоплательщиком для извлечения дохода, или связанных с содержанием объектов налогообложения, а также непредоставления в течение более двух месяцев налоговому органу необходимых для расчета налогов документов, отсутствия учета доходов и расходов, учета объектов налогообложения или ведения учета с нарушением установленного порядка, приведших к невозможности исчислить налоги, налоговые органы вправе определять суммы налогов, подлежащие внесению налогоплательщиком в бюджет или внебюджетные фонды расчетным путем на основании имеющейся у налоговых органов информации о налогоплательщике, а также данных об иных аналогичных налогоплательщиках.

Налоговые органы имеют право производить выемку документов и предметов при проведении налоговых проверок в соответствии со ст. 94 Налогового кодекса РФ у налогоплательщика и налогового агента, свидетельствующих о налоговых правонарушениях в случаях, когда имеются достаточные основания считать, что эти документы будут сокрыты, уничтожены, изменены или заменены.

Для выявления реального положения дел налоговые органы могут требовать документы от следующих лиц: от налогоплательщика или налогового агента по формам, установленным государственными органами и органами местного самоуправления, а также документы, подтверждающие правильность исчисления и своевременность уплаты налогов и пояснения к этим документам; от банков – подтверждающие исполнение платежных поручений налогоплательщиков, плательщиков сборов и налоговых агентов и инкассовых поручений налоговых органов о списании со счетов налогоплательщиков, плательщиков сборов или налоговых агентов сумм налогов и пеней; от лиц – относящихся к деятельности проверяемого налогоплательщика для проведения встречной проверки.

Налоговые органы в случае необходимости вправе назначать экспертизу, если требуются специальные познания в науке, искусстве, технике или ремесле.

Для создания необходимых условий проведения контроля налоговые органы могут создавать налоговые посты в порядке, установленном налоговым законодательством, в котором установлено, что налоговые посты могут создаваться на период погашения задолженности в организациях, имеющих трехмесячную и более задолженность в целях обеспечения контроля за ее погашением.

Кроме указанных прав, налоговые органы имеют и другие права, осуществляемые в ходе конкретных мероприятий налогового контроля. В плане защиты прав и соблюдения законности в деятельности налоговых органов при осуществлении налогового кон-

троля вышестоящие налоговые органы имеют право отменять решения нижестоящих налоговых органов.

Нужно отметить, что налоговые органы осуществляют контроль не только в области налогов. Например, в их задачи входит государственный контроль и регулирование в области производства и оборота этилового спирта и алкогольной продукции, кроме того, они в пределах своей компетенции ведут валютный контроль.

Финансовый контроль, осуществляемый исполнительной властью, прежде всего, отличается тем, что он направлен на обеспечение решения тех задач, которые перед ним стоят. Очевидно, что ведомственные позиции при решении вопросов, в том числе при осуществлении финансового контроля, исполнительной властью присутствуют. Это обстоятельство важно, потому что ведомственные интересы разных органов власти не всегда совпадают друг с другом и, возможно, даже с общегосударственным интересом. Например, для реализации различных проектов исполнительная власть выступает за вливание дополнительных денежных средств, но такая позиция для Центрального банка России как органа, отвечающего за состояние национальной валюты, может быть неприемлема, особенно если вливание предполагается за счет эмиссии наличных денег, осуществление которой может вызвать инфляционный эффект.

Таким образом, для эффективного осуществления государственного финансового контроля необходимы следующие действия.

1. Создать национальный финансовый контроль, который включает все виды и формы финансового контроля, имеющие публичное значение, с использованием прямых и косвенных властных правоотношений.

2. Формировать систему органов государственной власти финансового контроля, как в рамках исполнительной власти, так и включая государственные органы финансового контроля, не относящиеся к исполнительным органам, а также используя аудиторский контроль.

3. Формировать взаимоотношения между всеми органами финансового контроля на основе сочетания прямой (линейной, функциональной) и косвенной (нелинейной) связей.

4. Широко использовать косвенное (нелинейное) властное взаимодействие при формировании положения подведомственных органов финансового контроля с целью баланса сил в системе государственных органов финансового контроля и подчинения ведомственных интересов общегосударственным.

Список литературы

1. См.: *Российская газета*. 1999. 29 июня (№120).
2. См.: *Собрание законодательства РФ*. № 11. Ст. 1183.
3. См.: *Собрание законодательства РФ*. 27.12.1999. № 52. Ст. 6418.
4. См.: *Собрание законодательства РФ*. 07.04.2003. № 14. Ст. 1288.
5. См.: *Собрание законодательства РФ*. 18.10.1999. № 42. Ст. 5048.
6. См.: *Собрание законодательства РФ*. 13.01.2003. №2. Ст.188.
7. *Собрание Законодательства РФ*. 1998. № 11. Ст. 1288.
8. *Российская газета*. 1998. 15 августа (№ 156).
9. *Собрание актов Президента и Правительства РФ*. 14.12.1992. № 24. Ст.2101.
10. *Собрание законодательства РФ*. 03.02.1997. №5. Ст. 696.

РАЗДЕЛ 3. УГОЛОВНО-ПРАВОВЫЕ ДИСЦИПЛИНЫ

П.В. Брусков

КРУПНЫЙ РАЗМЕР В НАЛОГОВЫХ ПРЕСТУПЛЕНИЯХ: КРИТЕРИИ И ПРОБЛЕМЫ ПРИМЕНЕНИЯ

Согласно примечанию к статье 199 УК РФ (в редакции федерального закона № 162 – ФЗ от 08.12.2003 г.), крупным размером в статьях 199 и 1991 признается сумма налогов и (или) сборов, составляющая за период в пределах трех финансовых лет подряд более пятисот тысяч рублей, при условии, что доля неуплаченных налогов и (или) сборов превышает 10 процентов подлежащих уплате сумм налогов и (или) сборов, либо превышающая один миллион пятьсот тысяч рублей, а особо крупным размером – сумма, составляющая за период в пределах трех финансовых лет подряд более двух миллионов пятисот тысяч рублей, при условии, что доля неуплаченных налогов и (или) сборов превышает 20 процентов подлежащих уплате сумм налогов и (или) сборов, либо превышающая семь миллионов пятьсот тысяч рублей. Аналогичное примечание (с разницей в суммах) приведено в новой редакции статьи 198 УК.

Замена минимальных размеров оплаты труда конкретной суммой в рублях в определении крупного размера уклонения от уплаты налогов, с одной стороны, делает более доступными для понимания критерии преступности деяния. Размер МРОТ меняется практически ежегодно, и признание суммы налогов, не уплаченных в бюджет, крупной иногда становилось затруднительно. С другой стороны, определение крупного размера конкретной суммой в рублях вряд ли сможет (с учетом инфляции) «продержаться» в уголовном кодексе России в течение длительного времени.

Интерес для исследования представляет второе нововведение, а именно обязанность участников уголовного судопроизводства определять долю неуплаченных налогов по отношению ко всей подлежащей уплате сумме налогов; и здесь, как представляется, правоприменитель столкнется с некоторыми трудностями.

1. Во-первых, вызывает вопрос сама целесообразность и обоснованность такого условия. Общественная опасность преступлений, предусмотренных статьями 198, 199 и 1991 УК, состоит в уклонении от уплаты налогов, неисполнении конституционной обязанности субъекта уплачивать налоги в бюджет. Вред в результате совершения преступления причиняется государству. Фактически государство является в данном случае потерпевшим, хотя формально (в силу статьи 42 УПК РФ) следовательно не может признать потерпевшим государство или его представителя. Вред причинен на конкретную сумму (сумму умышленно неуплаченных налогов); у потерпевших же, как правило, только два намерения: вернуть свои деньги и наказать преступника за совершенное

деяние. Потерпевшему неважно, какую долю составляют по отношению друг к другу суммы неуплаченных и причитающихся к уплате налогов.

2. Во-вторых, нет разъяснений к вопросу о том, за какой период необходимо брать сумму подлежащих уплате налогов для исчисления соотношения к неуплаченным налогам. Ссылка на три финансовых года приведена в качестве общего правила. В большинстве же уголовных дел в обвинении будет приводиться конкретный период, в который и произошло уклонение. Рассмотрим ситуацию на примере уголовного дела № 459691, возбужденного ОВД г. Шадринска Курганской области по ч. 1 ст. 199 УК. В ходе следствия установлено, что уклонение от уплаты налога на добавленную стоимость (НДС) было совершено путем внесения заведомо ложных сведений в налоговую декларацию за сентябрь 2002 года. При этом уклонение от уплаты НДС в сумме 1027104 рублей было произведено только с одной крупной сделки. Таким образом, сумма неуплаченных налогов известна, а вот на какую сумму налогов необходимо ее делить, чтобы получить искомое соотношение? На сумму налогов, подлежащих уплате за сентябрь, либо за квартал, либо за весь 2002 год? Или за три года, но опять же каких именно? Налоговый кодекс также не содержит каких-либо разъяснений. Согласно статье 55 НК, под налоговым периодом понимается календарный год или иной период времени применительно к отдельным налогам, по окончании которого определяется налоговая база и исчисляется сумма налога, подлежащая уплате. В соответствии со статьей 57 НК, сроки уплаты налогов и сборов устанавливаются применительно к каждому налогу и сбору. Исследуя же каждый налог в отдельности, можно прийти к выводу о разнообразии налоговых периодов. Например, налоговым периодом по налогу на прибыль признается календарный год (ст. 285 НК), налоговым периодом по налогу на добычу полезных ископаемых признается календарный месяц (ст. 341 НК). Более того, налоговый период может варьироваться даже в рамках одного налога (по НДС налоговым периодом является календарный месяц, но при определенных условиях – квартал, ст. 163 НК). Таким образом, ответ на поставленный вопрос законодателем не раскрыт, и на практике неизбежно будут возникать противоречия и произвольное толкование данной нормы участниками уголовного процесса. Сторона обвинения будет стремиться использовать для определения искомого соотношения период, в который имело место уклонение от уплаты налогов (в нашем примере – сентябрь 2002 года, т.е. 1027104 руб. необходимо разделить на сумму всех налогов, подлежащих уплате в сентябре 2002 года), тогда доля будет явно превышать 10%. Данное намерение вряд ли можно признать корректным, т.к., например, сумму налога на прибыль эксперт уже не сможет исчислить непосредственно за сентябрь, ведь налоговый период для него равен году. Таким образом, при расчете доли эксперт просто не сможет дать заключение по данному вопросу ввиду несогласованности уголовного и налогового законодательства; либо будет вынужден исключить налог на прибыль при расчете подлежащей уплате суммы налогов. Но таким образом будет искусственно завышено требуемое соотношение, что, несомненно, делает уклон в сторону обвинения и является необоснованным. Сторона защиты же будет стремиться использовать для определения соотношения все три финансовых года (неважно, каких именно: предшествующих периоду уклонения от уплаты налогов либо прошедших после него). За три года предприятию явно будет начислена огромная сумма налогов, и

размер умышленно не уплаченных налогов в общей массе наверняка будет несущественным, т.е. ниже 10%.

3. В-третьих, нет ответа на вопрос о том, надо ли при расчете соотношения включать в сумму подлежащих уплате налогов сумму умышленно неуплаченных налогов. Разберем ситуацию на том же примере уголовного дела № 459691. Уклонение от уплаты налогов произведено на сумму 1027104 руб. По налоговым декларациям предприятия сумма подлежащих уплате налогов за сентябрь 2002 года равна 4668655 руб. Какой же расчет должен произвести эксперт? Варианты: 1) $1027104 \text{ руб.} / 4668655 \text{ руб.} = 18\%$; 2) $1027104 \text{ руб.} / (4668655 \text{ руб.} + 1027104 \text{ руб.}) = 22\%$. Эксперт проводит экспертизу на основании документов, в том числе налоговых деклараций. Исходя из этих соображений, необходимо руководствоваться вариантом №1. Однако в ходе следствия установлено искажение этих налоговых деклараций и занижение сумм в них на 1027104 руб. Исходя из этих соображений, необходимо руководствоваться вариантом №2. Эксперт – экономист не вправе предпочесть какой-либо из этих вариантов, т.к. это уже является юридическим, а не экономическим критерием; поэтому в своем заключении приводит оба варианта (18% и 22%), оставляя выбор одного из них на усмотрение следователя. Следователь же в данном случае поставлен перед весьма сложной задачей. В деле № 459691 в любом случае имеется состав преступления, вопрос только в объеме обвинения, да и то не влияющем на квалификацию; но как быть с ситуацией, когда выбор происходит, например, между 8% и 12%? Здесь вообще стоит вопрос о наличии состава преступления, на который ни уголовный, ни налоговый кодексы ответа не дают.

4. В-четвертых, не освещен вопрос об определении доли налогов, подлежащей уплате налоговым агентом, в общей сумме платежей. Если по отношению, например, к налогу на прибыль руководитель предприятия является плательщиком, то по отношению к налогу на доходы физических лиц (НДФЛ) – налоговым агентом. Могут ли эти налоги быть сложены при определении доли? Федеральным законом № 162–ФЗ от 08.12.2003 года правовые нормы, предусматривающие уголовную ответственность налогоплательщика и налогового агента, разделены (статьи 199 и 199.1 УК), однако примечание на две данных статьи, разных по юридической природе, дано одно.

Подводя итоги настоящего исследования, можно сделать вывод о том, что для совершенствования правовых норм, устанавливающих уголовную ответственность за налоговые преступления, из них должна быть исключена обязанность участников уголовного процесса определять долю неуплаченных налогов по отношению к подлежащей уплате сумме налогов. Данное условие в примечаниях к статьям 198 и 199 УК при определении крупного размера значительно усложняет, а подчас делает невозможным расследование уголовных дел об уклонении от уплаты налогов.

УГОЛОВНАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ЗА НАЛОГОВЫЕ ПРЕСТУПЛЕНИЯ. СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ ПРАВОВЫХ НОРМ

Федеральным законом № 162 – ФЗ от 08.12.2003 года в Уголовном кодексе РФ изменена редакция статей 198 и 199, предусматривающих ответственность за совершение налоговых преступлений, а также введены две новые для отечественного уголовного права статьи – 1991 «Неисполнение обязанностей налогового агента» и 1992 «Скрытие денежных средств либо имущества организации или индивидуального предпринимателя, за счет которых должно производиться взыскание налогов и (или) сборов».

Целью данной работы является выявление проблемных моментов юридической конструкции новых «налоговых» статей в уголовном кодексе, совершенствование исследуемых правовых норм.

1. Неисполнение обязанностей налогового агента

Отсутствие правовой нормы, предусматривающей уголовную ответственность за неисполнение обязанностей налогового агента, создавало значительный пробел в уголовном законодательстве России. Явные действия, свидетельствующие об уклонении от уплаты налогов, не могли быть квалифицированы по имевшимся ранее статьям 198 и 199 УК на том основании, что директора предприятий и индивидуальные предприниматели не являются субъектами данных преступлений.

Согласно статье 24 Налогового кодекса РФ, налоговыми агентами признаются лица, на которых возложены обязанности по исчислению, удержанию у налогоплательщика и перечислению в соответствующий бюджет (внебюджетный фонд) налогов.

Таким образом, юридическая суть обязанностей по уплате налога у двух данных субъектов различна – если налогоплательщик (директор предприятия, индивидуальный предприниматель) уплачивает в бюджет в качестве налога часть своих денежных средств, то налоговый агент исчисляет, удерживает и перечисляет часть денежных средств своих работников, находящихся у него в подчинении.

Однако, несмотря на то, что потребность в существовании нормы, устанавливающей ответственность за неисполнение обязанностей налогового агента, с введением статьи 1991 УК в российском уголовном праве удовлетворена, конструкция новой статьи 1991 УК содержит столь значительный недостаток, что применение ее на практике становится фактически невозможным. Речь идет о таком обязательном объективном признаке состава, как неисполнение обязанностей налогового агента в личных интересах.

Проблема в том, что по статье 1991 [1] УК отследить наличие личной заинтересованности в совершении данного преступления практически невозможно. Денежные средства, исчисленные, удержанные и причитающиеся к перечислению в качестве налога в бюджет, при совершении данного преступления остаются в распоряжении предприятия, а не лица, совершающего противоправное деяние. В плане доказывания рассматриваемый объективный признак вообще не выдерживает критики, т.к. операции по исчис-

лению, удержанию, перечислению налогов в бюджет и операции, посредством которых субъект преступления может присвоить денежные средства, отражаются на счетах и субсчетах бухгалтерского учета обезличенно. Эксперт при производстве экономической судебной экспертизы не сможет отследить движение сумм, высвобожденных в результате неуплаты налогов, и сделать вывод об использовании их в интересах субъекта.

Рассматривая возможность наличия неимущественных интересов лица в совершении преступления, нужно признать, что и это предположение не соответствует действительности. По смыслу статьи 1991 УК, удовлетворение личных интересов субъекта должно находиться в причинно-следственной связи с неисполнением обязанностей налогового агента. Из множества налогов нельзя выделить один, по отношению к которому лицо является налоговым агентом, и связать его неуплату, например, с повышением субъекта в должности либо угодничеством высшему органу управления предприятием.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что наличие в диспозиции статьи 199 УК ссылки на неисполнение обязанностей налогового агента в личных интересах делает данную статью неприменимой на практике. В целях совершенствования конструкции данной статьи слова «в личных интересах» должны быть исключены из статьи 1991 УК.

Кроме того, из диспозиции данной статьи должны быть исключены слова «... и (или) сборов ...». Статья 24 НК РФ признает налоговыми агентами лиц, на которых возложены обязанности по исчислению, удержанию у налогоплательщика и перечислению в соответствующий бюджет (внебюджетный фонд) только налогов. В отношении сборов налоговый агент обязанностей не несет. Таким образом, ссылка в статье 1991 УК на обязанности налогового агента в отношении сборов является коллизией норм, допущенной законодателем.

И, наконец, последнее замечание к данной статье: следуя диспозиции дословно (в части обязанности налогового агента перечислять налог именно в соответствующий бюджет), можно сделать вывод о том, что перечисление налогов в ненадлежащий бюджет (местный либо субъекта федерации вместо федерального бюджета) будет являться неисполнением обязанностей налогового агента, т.е. составлять объективную сторону преступления по статье 1991 УК. Это, конечно, не так. В п. 1 резолютивной части постановления Конституционного суда РФ № 9-П от 27.05.2003 г. указано, что уголовный закон «... предусматривает ответственность лишь за такие деяния, которые ... направлены непосредственно на избежание уплаты налога» [1]. Уплата налога в ненадлежащий бюджет уголовно наказуемым деянием не является, и слово «соответствующий» также должно быть исключено из диспозиции статьи 1991 УК.

2. Сокрытие денежных средств либо имущества организации или индивидуального предпринимателя, за счет которых должно производиться взыскание налогов и (или) сборов

Ключевым моментом, отражающим преступную суть действий субъекта при расследовании уголовных дел по статье 1992 УК, является термин «сокрытие», который законодателем ни в уголовном, ни в налоговом праве России не раскрыт и не разъяснен.

В пункте 9 постановления Пленума Верховного суда № 8 от 04.07.1997 года приведена ссылка на то, что «сокрытие объектов налогообложения может выражаться как во включении в бухгалтерские документы и налоговую отчетность заведомо искаженных

сведений, относящихся к этим объектам, так и в умышленном непредставлении в налоговые органы отчетной документации о таких объектах» [2]. Но оба этих признака задействованы в новой редакции статьи 199 УК в качестве самостоятельных, специальных норм, которые к статье 192 УК не относятся.

В словаре русского языка С.И. Ожегова слово «сокрыть» приведено в качестве синонима к слову «скрыть, утаить». Слово «скрыть», в свою очередь, означает «спрятать, сделать незаметным»; а «утаить» - означает «сохранить в тайне» [3]. Однако обязанность регистрации имущества в государственных органах и отражения в бухгалтерском учете предприятия делает предположения об утаивании имущества маловероятными.

Не определена законом методика разбивки по суммам и видам налогов, которую следует производить в обвинении в случаях, когда размер сокрытых денежных средств либо стоимость сокрытого имущества меньше суммы недоимки.

Однако основную проблему представляет собой процедура взыскания недоимки по налогам и сборам и вытекающие из нее выводы. Статья 192 УК бланкетна и содержит отсылку на законодательство РФ о налогах и сборах, а именно – статью 47 НК РФ, в которой приведена последовательность взыскания налогов за счет имущества налогоплательщика–организации (часть 4). Ключевым в этом перечне является заключительный пункт № 6 – другое имущество. Таким образом, абсолютно все имущество предприятия может быть обращено судебным приставом–исполнителем при работе по исполнительному листу, выданному инспекцией Федеральной налоговой службы РФ, в счет погашения недоимки по налогам и сборам. До тех пор, пока размер недоимки меньше стоимости всех активов предприятия, эта недоимка может быть погашена. Налоги могут быть уплачены в полном объеме после проведения необходимого комплекса работ судебным приставом–исполнителем; следовательно, общественной опасности в деянии руководителя либо иного субъекта нет. По смыслу статьи 192 УК, сокрытие имущества должно повлечь невозможность погашения недоимки. Значит, для наличия в действиях субъекта состава преступления текст статьи следует понимать как сокрытие всех денежных средств либо всего имущества организации. Ведь в противном случае хоть какое–то имущество для погашения недоимки останется (п.6 ч.4 ст.47 НК РФ), и преступления уже не будет. Здесь мы вообще приходим к неожиданному выводу – если у предприятия не осталось имущества, то оно – банкрот, и квалифицировать деяния руководителя и иных управленцев надлежит по соответствующим «банкротским» статьям УК РФ (ст. ст. 195, 196). Таким квалификацией действий субъекта, направленных на умышленное уклонение от погашения недоимки по статье 192 УК, представляется весьма проблематичной.

С целью совершенствования данной правовой нормы предлагается дополнить статью 192 УК частью второй, либо вывести ее в самостоятельную норму: «Умышленная неуплата налогов и (или) сборов, составляющих недоимку организации либо индивидуального предпринимателя, при наличии реальной возможности погасить недоимку, совершенная в крупном размере, наказывается ...».

Вопрос об определении реальной возможности предприятия уплатить налоги является, скорее, экономическим, чем юридическим, то есть входит в компетенцию эксперта

– экономиста. Одновременно с введением в УК новой нормы, предусматривающей ответственность за умышленную недоимку, Федеральной налоговой службе совместно с Департаментом налоговых проверок и ревизий МВД РФ необходимо разработать методические рекомендации по определению критериев реальной возможности предприятия уплатить налоги, и утвердить их совместным приказом. Эти рекомендации и будут руководством к действию эксперта – экономиста при производстве экспертиз. Ранее, к примеру, эксперты Федеральной службы налоговой полиции могли дать категорически положительный ответ на вопрос о наличии реальной возможности предприятия уплатить налоги тогда, когда размер поступивших на предприятие за исследуемый период денежных средств превышал размер недоимки более чем в два раза. Методика эта не была закреплена ни в одном нормативно-правовом акте; однако, как я полагаю, нет причин, препятствующих тому, чтобы узаконить ее и использовать при производстве по уголовным делам об умышленной недоимке. Такую методику можно признать «золотой серединой» – она дает определенную свободу действиям субъекта предпринимательской деятельности, но и конкретно очерчивает пределы наступления уголовной ответственности субъекта за неисполнение обязанностей перед государством.

Исследованные вопросы неизбежно будут возникать при расследовании уголовных дел, возбужденных по признакам преступлений, предусмотренных статьями 198 – 1992 УК. Новые правовые нормы, призванные бороться с налоговой преступностью, пока только являются благодатной почвой для плодотворной работы стороны защиты на ниве освобождения недобросовестных субъектов предпринимательской деятельности от заслуженного наказания; и, к сожалению, эти нормы в слишком малой степени соответствуют принципу неотвратимости наказания за совершенное преступление. Остается только надеяться, что законодатель сумеет проанализировать свои ошибки и в возможно короткий срок исправит их.

Список литературы

- 1. Постановление Конституционного суда РФ от 27.05.2003 г. № 9-П по делу о проверке конституционности положения статьи 199 УК РФ в связи с жалобами граждан П.Н.Белецкого, Г.А. Никовой, Р.В. Рукавишников, В.Л. Соколовского и Н.И. Таланова.*
- 2. Постановление Пленума Верховного суда № 8 от 04.07.1997 года «О некоторых вопросах применения судами Российской Федерации уголовного законодательства об ответственности за уклонение от уплаты налогов».*
- 3. Ожегов С.И. Словарь русского языка/Под общ. ред. проф. Л.И. Скворцова. 24-е изд., испр. М.: ООО «Издательский дом «ОНИКС 21 век», 2003. С. 713, 732, 824.*

ПРОБЛЕМЫ ЮВЕНАЛЬНОЙ ЮСТИЦИИ В РОССИИ

Сегодня в России сложилась кризисная ситуация с положением детей. Общество и государство не создали условий для их достойной жизни. Молодые граждане Российской Федерации остаются самой незащищенной категорией населения. При проведении социально-экономических реформ наше государство не смогло защитить детей от негативных последствий: свыше 1 млн детей школьного возраста не учится, причем уже не один год, от 2 до 4 млн детей, по разным официальным данным, – беспризорники. Молодые граждане Российской Федерации остаются самой незащищенной категорией населения. Следствием их незащищенности явился беспрецедентный рост преступности, за 1 год в стране несовершеннолетними совершается преступлений столько, сколько раньше совершалось в течение 5 лет.

Права молодых нарушаются гораздо чаще (как в семье, школе, так и в других сферах реальной жизни), однако, из-за незнания ими своих прав или даже боязни постоять за себя, эти проблемы остаются вне правового регулирования. В связи с тем, что в России нормы права, непосредственно посвященные правам детей, впервые появились в законодательстве лишь с принятием Семейного кодекса Российской Федерации (1995 г.), конкретно данной проблемой начали заниматься лишь в последние годы. Причина этого факта заключается в том, что советская система воспитательной работы с несовершеннолетними - «плохая, неподходящая для нового поколения», а новой системы нет. Поэтому следует обратиться к опыту зарубежных стран, но не нужно слепо его копировать, а использовать самые положительные моменты применительно к нашему обществу, где разработаны государственные программы работы с молодёжью, организованы различные социально- психологические и юридические службы оказания им помощи, действуют специальные суды для несовершеннолетних (ювенальная юстиция). Все эти меры, являющиеся способами конкретной правовой защиты молодёжи, действуют на основании нормативных актов. Отсутствие в России целенаправленной программы создания ювенальной юстиции негативно сказывается на положении несовершеннолетних.

Проблема требует от органов правосудия особого подхода, чтобы помочь несовершеннолетним правонарушителям войти в нормальную жизнь. Для этого нужна новая политика в отношении детей со стороны государства, частью которой станет образование ювенальных специальных органов юстиции по рассмотрению вопросов защиты прав несовершеннолетних.

Вопрос о ювенальной юстиции в России необходимо рассматривать обширно, комплексно, он должен будет охватить работу не только ювенальных правоохранительных органов, но и института Уполномоченного по правам ребёнка, и социального работника [1]. С чем это связано? Дело в том, что несовершеннолетние как социальная группа общества обладают рядом характерных признаков, на которых должна основываться ювенальная юстиция. К ним относятся: возрастная специфика (психофизиологическая

неустойчивость личности, отсутствие жизненного опыта, неадаптированность к жизненным ситуациям и т.д.), охранительный характер (карательные меры в отношении детей должны способствовать предупреждению преступности, а не наоборот) и социальная направленность - органы правосудия совместно с социальными работниками должны оказывать помощь им и их семьям, если не в системе правосудия, то хотя бы в системе профилактики правонарушений несовершеннолетних [2].

Применительно к защите прав несовершеннолетних мировая практика выработала специальные механизмы, образующие в своей совокупности систему ювенальной юстиции. В уголовно-процессуальном законодательстве большинства стран производство по делам несовершеннолетних имеет определенную специфику.

Нужно заметить, что в этом отношении российское законодательство пошло по прогрессивному пути и новый Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации предусматривает особое правовое положение для несовершеннолетних участников уголовного процесса. Об этом свидетельствует глава 50 «Производство по уголовным делам в отношении несовершеннолетних» [3]. Однако, этого недостаточно, концепция ювенальной юстиции лишь отражается в уголовном процессе России, а не реализуется. Поэтому в настоящее время актуальными являются теоретические разработки (авторский проект Закона о ювенальной юстиции, разработанный Э.Б. Мельниковой и Г.Н. Ветровой [4]) в этом направлении и их практическое воплощение.

Список литературы

- 1. Данилова Н.Ю., Головизнина М.В., Лихтенштейн А.В. История эксперимента: опыт создания элементов ювенальной юстиции в Санкт-Петербурге // Обучение социальных работников, занятых в ювенальной юстиции: Материалы курса. СПб.: Санкт-Петербургская общественная правозащитная организация «Гражданский контроль», 2003. 212 с. С.11-28. (Сер. «Права человека»).*
- 2. Ювенальная юстиция в России: современное состояние и перспективы развития // Из доклада Гужова А.В. по материалам конференции в КЮИ МВД России.*
- 3. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации: Официальный текст, действующая редакция. М.: Экзамен. 2005. 541 с. (Сер. «Кодексы и законы»).*
- 4. Мельникова Э.Б., Ветрова Г.Н. Закон о ювенальной юстиции в РФ (проект) // Правозащитник. 1996.*

А.В. Петров

канд. юр.наук, доцент, Южно-Уральский государственный университет

ОРГАНИЗАЦИЯ НАРОДНОЙ МИЛИЦИИ ВРЕМЕННОГО ПРАВИТЕЛЬСТВА НА УРАЛЕ И В СИБИРИ С ФЕВРАЛЯ ПО ОКТЯБРЬ 1917 ГОДА

Проблема реформирования правоохранительных органов является одним из важнейших направлений деятельности государства. В условиях активного изучения вопросов, связанных с дальнейшими перспективами функционирования органов милиции, целесообразно обратиться к опыту преобразовательных процессов в данной области.

На наш взгляд, изучение проблем, связанных с реформированием органов правопорядка, нуждается в дальнейшем исследовании, так как милиция представляет собой институт государственной власти, процесс эволюции которого наиболее ярко показывает изменение настроения, духа общества в начале XX века.

Причины проблем, связанных с деятельностью царской полиции, следует искать в кризисе всей системы управления России в годы первой мировой войны. До февраля 1917 года изменившиеся политические и социально-экономические условия в государстве и нараставшие антиправительственные настроения требовали от правительства более гибкой внутренней политики, в том числе реформирования всего полицейского аппарата империи, приспособления его к новым условиям.

К началу 1917 года существовали проекты преобразования полицейского аппарата, которые являлись прогрессивными для рассматриваемого периода (речь идет о проектах, предложенных еще до революции А.А. Лопухиным и В.Э. Фришем), однако правительство не стимулировало их проведение. В результате социальная напряженность в стране возрастала. Укрепление полиции, как показало исследование различных циркуляров, телеграмм, положений, шло, в основном, по линии увеличения ее штатной численности [1]. В начале XX века наметилась тенденция централизации всех видов полиции, а также резкое повышение роли и активности политической полиции [2].

Функции, которые выполняла царская полиция, распространялись практически на все области жизни граждан, при этом не было установлено пределов вмешательства. Эта неопределенность, многочисленность и разбросанность полицейских правил неизбежно приводила к тому, что власть полицейского типа обращалась в произвол и «бесполезное стеснение» для населения, поэтому закономерно, что царская полиция была лишена нравственной поддержки со стороны общества. Громадная власть, которой она располагала, оборачивалась против нее самой [3].

Проблемы, связанные с организацией и функционированием народной милиции Временного правительства, нашли отражение в работах В.Б. Аксенова [4], В.В. Баранова [5], А.В. Борисова, А.Е. Дугина [6], В.С. Кобзова, Н. Лисовского [7], Р.С. Мулукаева, Л.П. Рассказова [8], А.И. Семенова, Е.П. Сичинского [9], Е.А. Скрипилева [10], Ю.П. Соловья [11] и др. [12].

После Февральской революции 1917 года Временное правительство не смогло найти государственные «рычаги» обеспечения общественного порядка. «Слабость» центральных органов власти негативно сказывалась на ситуации в государстве, которая характеризовалась, с одной стороны, политической и экономической нестабильностью, безработицей, продовольственным кризисом; с другой стороны, значительным ростом преступности.

После разрушения старой системы административного управления новая только формировалась. Отношения между центром и губерниями, между общественными организациями, Советами рабочих, солдатских и крестьянских депутатов, политическими партиями, непосредственно вмешивающимися в деятельность всех органов власти и управления, в условиях перманентного политического кризиса были весьма запутанными. В отличие от прежней бюрократии, представители новой власти могли открыто оспаривать, не исполнять указания, распоряжения из столицы. Один из принципов де-

тельности новых государственных органов заключался в том, чтобы «как можно меньше походить на старую власть... и поэтому она совсем перестала быть властью. Это была не столько демократия, сколько узаконенная анархия» [13].

Официальным нормативно-правовым актом, регламентирующим особенности организации и деятельности народной милиции Временного правительства, явилось Постановление «Об учреждении милиции», а на его основе было принято Временное положение «О милиции». Нормы указанных актов закрепили подчинение милиции органам местного самоуправления, функции которых в различных регионах выполняли разные организации и должностные лица.

Ещё до вступления в законную силу данного нормативного акта местным властям предлагалось самостоятельно создавать органы охраны общественного порядка [13]. К примеру, в телеграмме Министерства внутренних дел, полученной 6 марта 1917 года Пермским губернским комиссаром Калугиным, указывалось, что «полиция подлежит реформированию, к чему необходимо приступить местным самоуправлениям» [14]. Таким образом, в местных циркулярных телеграммах, инструкциях и иных актах сам механизм процесса реорганизации полиции не раскрывался.

Интерес представляют мотивы «муниципализации» народной милиции в столь напряженный революционный период. Ю.П. Соловей отмечает: «видя, сколь грозную силу имеет милиция», члены комиссии по милиции и муниципальной полиции, отметили «крайнюю опасность централизации ее в руках правительства», поэтому, по их мнению, «для здорового развития местной жизни» милиция должна находиться в ведении земского и городского самоуправления [15]. Исходя из ситуации в стране, центральные органы власти были вынуждены передать функцию организации милиции местному самоуправлению, таким образом, создание данного органа правопорядка происходило с учётом определённых особенностей того или иного региона.

Своеобразно разрешались вопросы по организации народной милиции Временного правительства на Урале и в Сибири. К примеру, на Урале пермский комиссар в циркулярной телеграмме уездным комиссарам отмечал, что разграничение субъектов местной власти строится по следующему принципу: «губернский комиссар является носителем власти Временного правительства в губернии. Комитеты общественной безопасности управляют волостью под надзором уездного комиссара Временного правительства. Начальники милиции должны исполнять предложения комиссаров, направленные к охране государственного порядка и безопасности личности и имущества всех граждан» [16].

Губернские комиссары Урала и Сибири, начиная с августа 1917 года, должны были ежемесячно отчитываться о совершенных в регионе правонарушениях перед Главным управлением по делам милиции. Указанное положение было закреплено в Циркулярной телеграмме Министерства внутренних дел от 18.08.1917 г. [17].

Нормативная правовая база, регулирующая образование народной милиции Временного правительства на местном уровне, зачастую состояла из положений и инструкций, принимаемых Комитетами общественной безопасности. Последние создавались в целях содействия Временному правительству в осуществлении мероприятий, направленных против дальнейшего развития революции, на сохранение и закрепление власти в своих руках [18], для обеспечения общественного спокойствия на местах, контроля над

деятельностью правительственных и общественных учреждений и организаций, должностных и частных лиц [19].

Именно на заседаниях комитетов общественной безопасности нередко принимались нормативные акты, в которых находили отражение положения, касающиеся организации или деятельности милиции.

К примеру, Президиум Оренбургского губернского комитета общественной безопасности принял «Положение по делам образования милиции». В соответствии с п. 1 Положения, обеспечение общественной безопасности в городе возлагалось на городскую (уездный) комитет общественной безопасности, которому предписывалось для фактического охранения общественного порядка образовывать городскую (уездную) милицию. При этом последняя объявлялась «общественным органом, должным своей работой обеспечивать порядок и правильный ход общественной жизни» (п. 4 Положения...) [20].

Аналогичная ситуация по организации народной милиции Временного правительства происходила и в Пермской губернии. Так, 5 марта 1917 года на заседании Екатеринбургского комитета общественной безопасности было определено вместо городской полиции в Екатеринбургском уезде Пермской губернии создать Временную народную милицию, в функции которой должна была войти «охрана безопасности и порядка в г. Екатеринбурге» [21].

В организационном плане народная милиция Временного правительства в большинстве губерний Урала и Сибири состояла из Управления народной милиции, начальника милиции и Управлений различных подразделений милиции [22].

В некоторых губерниях, например, в Пермской, учреждался особый орган - Совет милиции, в который входили «помощник начальника милиции, участковые начальники милиции, по одному представителю от канцелярий Управления 3-х частей». Задачей Совета милиции являлась «разработка всех вопросов, связанных с организацией милиции, ведение финансовых и хозяйственных дел». При этом отмечалось, что все постановления Совета милиции должны утверждаться начальником милиции [23].

Зачастую функцию охраны общественного порядка брали на себя не только губернская, уездная и волостная милиция, но также и милиция, образованная в городах. Например, в «Наказе о милиции» в г. Новоузенске Екатеринбургского уезда закреплялось положение о том, что для наилучшей организации милиции г. Новоузенск Екатеринбургского уезда был разделен на 10 милиционных участков с тремя милиционерами в каждом районе, во главе всего милиционного отряда стоял начальник милиции, который одновременно являлся городским комиссаром [24]. Все милиционеры должны подчиняться городскому комиссару и председателю исполнительной комиссии [25]. При этом статус милиционера определялся «как охранитель порядка и благочиния, личности и собственности каждого гражданина. Для этого необходимо, чтобы он был предан Временному правительству, вел честную жизнь, подавал своим поведением пример другим гражданам, заботился о добром имени и чести своего звания, был правдивым и ни в коем случае не делал ложных докладов своим начальникам» [26].

Становление народной милиции Временного правительства в Сибири началось еще до издания Постановления «Об учреждении милиции».

Так, на очередном собрании Тюменской городской думы 6 марта 1917 года были учреждены «Временные правила устройства в г. Тюмени и его уезде общей милиции». Данным нормативным правовым актом было установлено, что координирование деятельности милиции поручается особому милиционному совету, который состоял из городского головы и двух членов, избираемых городской думой. Один член Совета должен был координировать деятельность милиции в городе Тюмени, а другой – в Тюменском уезде. В сложных ситуациях оба уполномоченных лица Совета должны действовать коллегиально под руководством городского головы.

Реорганизация полицейских должностей в Тюменской губернии происходила следующим путём: низшие полицейские служащие теперь назывались милиционерами, вместо околоточных надзирателей были учреждены должности младших участковых начальников, вместо полицейских приставов и станových - старшие участковые начальники, вместо урядников – старшие милиционеры. Вместо должности исправника были учреждены должности уездного комиссара (для уезда) и начальника городской милиции (для города) [27].

Уже 15 марта 1917 года на заседании Тюменской городской думы были учреждены в должности членов милиционного Совета М.В. Полубатко и Ф.Э. Станович, начальником городской милиции был назначен бывший помощник исправника П.В. Щепеткин, а начальником уездной милиции – бывший исправник И.И. Мельников [28].

Организацией Тобольской милиции занималась Комиссия общественного порядка и спокойствия Тобольской губернии, являвшаяся органом городского самоуправления. Она приступила к работе 7 августа 1917 года. «Стремясь наилучше организовать милицию и тем сделать ее работу более продуктивной и достигающей возможно полнее поставленные ей задачи, комиссия: 1) создала должности помощников начальника милиции; 2) организовала конный отряд, начальником которого должен быть офицер; 3) уголовную милицию, деятельность которой ограничена от деятельности общей милиции; 4) установила в городе 24 поста по 2 милиционера на каждом со сменой через 8 часов; 5) установила проверку этих постов со стороны начальника милиции и председателя комиссии; 6) увеличила штат милиционеров до 100 человек; 7) разделила город на 4 участка, а уезд на 8; 8) закрепила необходимость специальной подготовки милиционеров (курсы, лекции); 9) издала инструкции для пешей и конной милиции; 10) вооружила милиционеров шашками, винтовками, револьверами» [29].

Над деятельностью народной милиции в некоторых губерниях осуществлялся контроль со стороны особых следственных комиссий. В Екатеринбургском уезде Пермской губернии основная задача комиссий состояла в немедленной проверке правильности каждого действия милиции, связанного с ограничением свободы личности [30].

На Урале следует выделить заводскую (фабричную) милицию, которая формально включалась в состав милиции Временного правительства, но фактически действовала самостоятельно, подчиняясь только Советам рабочих и солдатских депутатов. Основными задачами деятельности заводской (фабричной) милиции были борьба с преступностью, поддержание «революционного» порядка в городах и рабочих поселках, охрана предприятий, помощь в осуществлении контроля над производством [31].

Однако в период российской истории между двумя революциями – буржуазно-

демократической и социалистической – наблюдается тенденция к формированию неправительственных правоохранительных органов, таких как Красная гвардия, боевые организации народного вооружения, рабочая милиция, фабрично-заводская милиция и другие, которые существовали наряду с народной милицией.

Временное правительство фактически не контролировало процесс создания новых органов правопорядка, осуществляющих свою деятельность параллельно с народной милицией. Неправительственные органы правопорядка только формально провозглашали целью своей деятельности охрану личной и имущественной безопасности, фактически же они стремились создать определенную вооруженную силу, способную произвести революционный переворот.

Временное правительство стремилось не допустить параллельного существования народной милиции и других вооруженных формирований [32]. Однако политические силы, стремясь набрать определенный вес и поддержку общества, самостоятельно занимались созданием вооруженных формирований. Таким образом, фактического взаимодействия между народной милицией Временного правительства и альтернативными ей органами не существовало, т.к. процесс формирования и регулирования деятельности данных органов не направлялся центральной властью, а решения по созданию подобных органов правопорядка как в центре, так и на местах принимались самостоятельно.

Список литературы

1. См., например, ГАТО. Ф. 1208, оп. 1, д. 12, л. 61 об. – 62.
2. *Органы полиции и войска МВД. Краткий исторический очерк/Ред. коллегия: Воронцов В.И., Головнев Л.П., Демидов Н.И., Евдокимов В.А., Некрасов В.Ф., Пономарев П.Г., Фурс А.А. М., 1996. С. 33-35.*
3. *Органы полиции и войска МВД. Краткий исторический очерк/Ред. коллегия: Воронцов В.И., Головнев Л.П., Демидов Н.И., Евдокимов В.А., Некрасов В.Ф., Пономарев П.Г., Фурс А.А. М., 1996. С. 33-35.*
4. Аксенов В.Б. Милиция и городские слои в период революционного кризиса 1917 года. Проблемы легитимности// *Вопросы истории*, 2001. № 8.
5. Баранов В.В. Организационно-правовые основы деятельности народной милиции Временного правительства в России в 1917 году. М., 1993.
6. Борисов А.В., Дугин А.Н., Малыгин А.Я. и др. Полиция и милиция России: страницы истории. М., 1995. Борисов А.В., Иваненский В.Е., Скрипелев А.Е. Полиция Российской империи. XIX – начало XIX веков. М., 2001.
7. Лисовский Н. 1917 год на Урале. Челябинск, 1967; Анисимов Н.Н. К истории полиции г. Екатеринбурга// *Екатеринбург в прошлом и настоящем: Материалы научной конференции, посвященной 270-летию города. Екатеринбург, 1993.*
8. Рассказов Л.П. Карательные органы в процессе формирования и функционирования административно-командной системы в Советском государстве (1917-1914 г.). Уфа, 1994.
9. Кобзов В.С., Семенов А.И. Правоохранительные органы Урала в годы гражданской войны. Челябинск, 2002; Кобзов В.С., Сичинский Е.П. Государственное строительство на Урале в 1917-1921 гг., Челябинск, 1997. Сичинский Е.П. Правоохранительные органы в годы революции и гражданской войны// *Современные проблемы противодействия преступности в России: Материалы научно-практической конференции. Челябинск, 1995*
10. Скрипелев Е.А. Карательная политика Временного правительства и аппарат ее

- проведения. М., 1970.
11. Соловей Ю.П. *Правовое регулирование деятельности милиции в Российской Федерации*. Омск, 1993.
 12. *Органы полиции и войска МВД. Краткий исторический очерк/ Ред. коллегия: Воронцов В.И., Головнев Л.П., Демидов Н.И., Евдокимов В.А., Некрасов В.Ф., Пономарев П.Г., Фурс А.А. М., 1996; и другие работы.*
 13. Новгородцев П.И. *Об общественном идеале*. М., 1991. С. 562. См., например, циркуляр МВД губернским комиссарам от 22 марта 1917 г. // Сборник циркуляров МВД за период март-июнь 1917 г. Петроград, 1917.
 14. ГАСО. Ф. 62, оп. 1, д. 844, л. 35.
 15. Соловей Ю.П. *Правовое регулирование деятельности милиции в Российской Федерации*. Омск, 1993. С.23.
 16. ГАСО. Ф. Р-1573, оп. 1, д. 51, л. 6.
 17. ГАПО. Ф. Р-81, оп. 1, д. 1, л. 2-3.
 18. *Подготовка и проведение Великой Октябрьской социалистической революции в Башкирии. Сб. документов. Февраль 1917 – июнь 1918 г. Уфа, 1957. С. 5.*
 19. *Партийный архив Свердловской области (ПАСО). Ф. 41, оп. 1, д. 27, л. 74.*
 20. Калинин Д.В., Калинкина Е.А. *Из истории организации народной милиции в Челябинске в марте-апреле 1917 года// Архивное дело в Челябинской области, 1997, № 2. С. 42.*
 21. ГАСО. Ф. Р-1573, оп. 1, д. 12, л. 9.
 22. ГАСО. Ф. Р-1573, оп. 1, д. 12, л. 9.
 23. ГАСО. Ф. Р-1573, оп. 1, д. 12, л. 1 об.
 24. ГАСО. Ф. Р-1573, оп. 1, д. 37, л. 37 об.
 25. ГАСО. Ф. Р-1573, оп. 1, д. 37, л. 38 об.
 26. ГАСО. Ф. Р-1573, оп. 1, д. 12, л. 37 об.
 27. ГАТО. Ф. 1208, оп. 1, д. 12, л. 61 об. –62.
 28. ГАТО. Ф. 1208, оп. 1, д. 12, л. 61 об. – 62.
 29. *Организация самоуправления в Тобольской губернии (вторая половина XIX – начало XX вв.): Сборник документов и материалов. (Документ № 108. «Обзор деятельности Тюменского городского самоуправления за 1917-1919 гг.» от декабря 1919 года. См. ГАТО. Ф.180, Оп.1. Д. 78. Л.1-17 об.)/Отв. ред. Фоминных Е.В. Тюмень, 1995. С. 289-292.*
 30. ГАСО. Ф. Р-1573, оп. 1, д. 12, л. 9.
 31. *К истории милиции на Среднем Урале/Под ред. А.А. Торшенко. Свердловск, 1988. С.11.*
 32. См., например, Рычкова Г. *Красная гвардия на Урале*. Свердловск, 1933; Куляпин С.И. *Основные этапы создания Красной гвардии на Урале (март 1917г. – июнь 1918 г.)*. Из истории социалистического строительства на Урале. Пермь, 1969 и др.

АНАЛИЗ ДИНАМИКИ ПРЕСТУПНОСТИ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ В КУРГАНСКОЙ ОБЛАСТИ ЗА 2002-2005 гг. В СРАВНЕНИИ С ДРУГИМИ РЕГИОНАМИ УРАЛЬСКОГО ФЕДЕРАЛЬНОГО ОКРУГА

Преступность несовершеннолетних вызывает обоснованную тревогу, учитывая ее неблагоприятные динамику и структуру, а также тесную связь с взрослой преступностью в нашей стране. Не утвердившись в добре, подросток проявляет себя в жестокости. За последние три года в России наблюдается рост подростковой преступности: в 2003. зарегистрировано 145368 преступлений, совершенных несовершеннолетними (темпы прироста по сравнению с 2002 г. на 4,1%), в 2004 г. – 154414 (+6,2%). Аналогичное положение и в текущем году: за 1 полугодие 2005г. лицами указанной категории совершено 78640 (+1,4%) преступлений.

В Уральском федеральном округе за указанный период времени также сохраняется рост подростковой преступности. Однако один из самых высоких – именно в Курганской области: если в 2002 г. несовершеннолетними совершено 1465 преступлений, в 2003 г. – 1609 (+9,8%), то в 2004 г. – 1786 (+11%). Темпы прироста в других областях за последние два года соответственно составили в 2003 г.: Свердловская – 5,5%, Тюменская – 1,8%, Челябинская - 1,7%; в 2004 году: Тюменская - 28,5%, Челябинская – 13,9%. В Свердловской области - снижение на 1,8% [5].

Тенденция увеличения количества преступлений, совершенных указанной категорией лиц, сохранилась и в прошлом году: за 1-е полугодие 2005г. по Уральскому федеральному округу - на 0,5%, в Челябинской – на 5,4% и Курганской – на 2,4%. В таких областях как Свердловская и Тюменская динамика снизилась соответственно на 5,8% и 5,4%. Вместе с тем, если удельный вес от общего числа раскрытых преступлений по России составляет 9,0%, то в округе он выше – 10,9%, а самый высокий – в Курганской – 11,5%, Тюменской -11,4% и Челябинской – 11,0% [7].

Со всей определенностью надо сказать: подростковая преступность является обвинением нашему обществу. Не отдельным его институтам – семье, школе, а обществу в целом. Это мы, взрослые, подлежим нравственному суду. Подросток ведь ничего не придумывает, он разыгрывает «взрослую» жизнь, имитируя то, что видел или узнал от старших.

Изучив статистические данные ГУ МВД России по УрФО, можно констатировать, что наиболее часто преступления совершают несовершеннолетние в возрасте 16-17 лет - 6499 из 9526 (68,2%) по УрФО, в том числе в Курганской области – 637 из 895 (71,1%).

Категория преступлений, наиболее часто совершаемых подростками, как показал анализ, - преступления средней тяжести, т.е. согласно ч.3 ст.15 УК РФ - это умышленные деяния, за совершение которых максимальное наказание не превышает 5 лет лишения

свободы, и неосторожные деяния, за которые максимальное наказание превышает 2 года лишения свободы [8].

Например, в Курганской области структура подростковой преступности в течение многих лет характеризуется преобладанием в ней преступлений против собственности, подавляющее большинство которых – кражи чужого имущества: за 1 полугодие 2005 года из 981 преступления – 556 (56,6%) кражи. Наряду с этим, достаточно высок и уровень совершения ими тяжких преступлений – 26,7%, в том числе - грабежей (110).

Не может не настораживать и тот факт, что в Курганской области, единственной во всем регионе, в текущем году значительно увеличилось количество зарегистрированных преступлений, связанных с незаконным оборотом оружия: за 1 полугодие 2005 года - 15 против 2 (+650%), после нашей области только в Свердловской области 8 преступлений этой категории.

Как правило, наиболее тяжкие преступления совершаются в группе. Как отмечает А.М. Яковлев, «...конформность подростка значительно возрастает с приходом в группу. Стремясь, во что бы то ни стало, утвердиться в группе, получить признание, одобрение и положительное отношение со стороны её членов, подросток быстро приспосабливается к нормам и требованиям группы. В таких условиях существенно возрастает внушаемость, эмоциональная зараженность, благодаря чему несовершеннолетний ориентируется не на собственный интерес, а на коллективные требования, реализуя их как свои собственные» [9].

По данным МВД РФ, с 1997 по 2003 г. доля групповой преступности несовершеннолетних в Российской Федерации возросла с 56,7% до 61,3%.

В Курганской области в течение ряда лет также остается высоким число преступлений, совершенных подростками в группе. Например, за 6 месяцев 2005 года подростками в группе совершено 197 преступлений; 2004 г. – 203, при этом в смешанной группе с участием взрослых совершено 300 (30,5%) преступлений, против 257 (26,8%) в 2004 г. [6].

Закономерно встает вопрос о том, как решается вопрос о выявлении и пресечении фактов вовлечения несовершеннолетних в преступную деятельность взрослыми по ст. 150 УК РФ. В Уральском Федеральном округе за 6 месяцев 2005 года выявлено таких преступлений 584, из них 226 в Свердловской, 119 – в Челябинской, 110 – в Курганской, 51 – в Тюменской областях.

За аналогичный период привлечено за вовлечение несовершеннолетних в совершение антиобщественных действий: систематическое употребление спиртных напитков, одурманивающих веществ, занятие бродяжничеством и попрошайничеством всего по УрФО 18 лиц, в том числе в Свердловской – 12, Курганской - 4 и Челябинской – 2. В остальных регионах округа уголовные дела по данным фактам вообще не возбуждались.

Лучше обстоят дела с выявлением такой категории дел как неисполнение обязанностей по воспитанию несовершеннолетних (ст. 156 УК РФ). Всего в УрФО возбуждено 255 дел данной категории, из которых 118 – в Свердловской, 64 – в Челябинской, 43 – в Курганской, 17 – в Тюменской областях.

Следует отметить, что государственная уголовная политика на протяжении длительного времени развивается в направлении установления льготных подходов к ответ-

ственности несовершеннолетних. Это направление выдержано и в новом законодательном акте (ФЗ от 8.12.2003г. «О внесении изменений и дополнений в УК РФ»). Анализ внесенных изменений и дополнений показывает, что избранные направления совершенствования уголовного закона в сфере регулирования ответственности несовершеннолетних направлены на дальнейшую гуманизацию. Это выражается в установлении для отдельных категорий несовершеннолетних еще более низких, чем ранее сроков наказания, иных подходах к назначению наказания и в других аспектах [2].

Несмотря на то, что после внесенных в УК РФ изменений прошло два года, улучшения положения с преступностью несовершеннолетних мы не наблюдаем: не только спада, стабильности, но, наоборот, количество подростковой преступности возрастает из года в год. Что это?

За 6 месяцев прошлого года как в России, так и в УрФО увеличилось количество несовершеннолетних, ранее совершивших преступления, соответственно, на 11,9% и 15,9%, а также ранее судимых за преступления на 8,8% и 11,4%. Снизился же этот показатель в регионе только в Курганской области - 17,7%. Однако удельный вес от всего количества лиц во всех областях региона примерно одинаков, и колеблется от 1,3% в Курганской, до 2,8% в Свердловской областях.

Идеальных законов нет и не может быть. Любой закон, если он в своей основе социально обусловлен, всегда детерминирован многими факторами общественного, экономического, политического, духовного, морально-нравственного характера, в том числе, кстати, и криминогенной обстановкой в стране. С другой стороны, закон – это творение человеческого разума, продукт более или менее полного познания законодателем указанных сложных явлений действительности, которые (знания) постоянно уточняются, углубляются, иногда изменяются, и в этом смысле всегда являются не абсолютными, а относительными, поскольку не дают полного, неопровержимого, безупречного, исчерпывающего представления о социально-экономических детерминантах, генерирующих назревшую потребность правового регулирования и само содержание принимаемого в связи с этим законом. Таким образом, можно утверждать, что право (и уголовное в этом смысле не является исключением) «обречено» на существование в нём пробелов [3].

Конечно, законодательная работа по намеченным направлениям не закроет всех «белых пятен» российского уголовного законодательства, но, тем не менее, отражает сущность процесса его совершенствования и устранения пробельности. Итак, пробелы в уголовном праве существуют и этот факт неоспорим, как неоспоримо и то, что их наличие требует принятия адекватных решений в плане их устранения [3].

Несомненно, принцип гуманизации имеет особое значение для реализации данного направления уголовно-правовой политики государства. Поскольку личность несовершеннолетних преступников находится в процессе психофизического и социального развития, это создает более благоприятные предпосылки для их исправления в будущем по сравнению с совершеннолетними преступниками. К тому же в существовании подростковой преступности в известной мере виновато само взрослое общество, и это тоже обуславливает снижение объёма кары в мерах уголовно-правового воздействия, применяемых к несовершеннолетним.

Вместе с тем речь идет о юных преступниках, а не озорниках и шалунах. Поэтому

целесообразно обратиться к определению принципов гуманизма в уголовном законодательстве. Статья 7 УК РФ гласит: «Уголовное законодательство РФ обеспечивает безопасность человека». Следовательно, при применении наказания и иных мер уголовно-правового воздействия в отношении несовершеннолетних необходимо учитывать и интересы общества, потерпевших, а также другие принципы уголовного права, в частности справедливости, неотвратимости ответственности и наказания.

Оценивая под этим углом зрения законодательные изменения в отношении ответственности несовершеннолетних, необходимо ответить на закономерный вопрос: насколько они были социально обусловлены, имелись ли для этого соответствующие предпосылки в российском обществе: сфере политики, экономики, динамике и структуре преступности несовершеннолетних.

Однозначно ответить на эти вопросы сложно, ибо для этого требуется проанализировать многие стороны жизни современного российского государства. На мой взгляд, в последние годы, предшествующие названным государственным новеллам, каких-либо кардинальных изменений в политических, экономических, нравственных отношениях, определяющих функционирование российской цивилизации, не произошло. Многочисленные проблемы – низкий уровень жизни большинства населения, кризисные явления в экономике, широкое распространение пьянства и наркомании, безработица, незатухающий конфликт в Чечне, значительное число вынужденных мигрантов, безнадзорных, беспризорных детей и т.д. остались и пока далеки от своего решения [1].

Вместе с тем некоторые законодательные новеллы, на наш взгляд, изложены недостаточно четко, в ряде случаев не в полной мере согласуются с другими положениями УК РФ. В этой связи новые положения уголовного закона требуют дополнительного анализа [2].

Как правильно отмечает Э.Л. Раднаева: «Не бывает моментальных падений в моральные пропасти, но не бывает и мгновенных исправлений. Природа несовершеннолетия такова, что она равно открыта и негативным, и позитивным воздействиям. Эта податливая природа и есть залог успешной позитивной реформации при условии деятельности всех институтов социализации несовершеннолетних» [4].

Любовь и справедливость – вот что нужно нашим детям всегда, постоянно! Нашим несдержанным, вспыльчивым, грубым, несправедливым, колючим, тем более, что в этих устных качествах наша, родительская вина. Пусть они уже в детстве узнают, что добро – мудрее всякой войны. Пусть поймут, что любовь – сильнее зла. Пусть запомнят, как прекрасно великодушие.

Список литературы

1. Боровиков В.Б. *Вопросы ответственности несовершеннолетних в свете последних изменений в уголовном законодательстве // Уголовное законодательство России (новеллы, теоретические и практические проблемы). По материалам заседания Ученого Совета РАП 25 мая 2004г.*
2. Бриллиантов А.В. *Новые особенности уголовной ответственности и наказания несовершеннолетних // Российский судья. 2004. № 2.*
3. Кауфман М.А. *Проблемы в уголовном праве и судебское усмотрение // Уголовное законодательство России (новеллы, теоретические и практические пробле-*

- мы). По материалам заседания Ученого Совета РАП 25 мая 2004г.
4. Раднаева Э.Л. Референтная неформальная группа и преступная деятельность несовершеннолетних // Вестник Бурятского госуниверситета. Сер.12: Юриспруденция. Вып.1. Улан-Удэ: Изд-во Бурятского госуниверситета, 2005. С.156.
 5. Сведения о состоянии преступности за 2003-2004 гг.
 6. Справка- анализ об итогах работы по надзору за исполнением законов о несовершеннолетних и молодежи в 1 полугодии 2005 года / Прокуратура Курганской области, 2005.
 7. Статистические данные ГУ МВД России по УрФО о состоянии преступности несовершеннолетних в Уральском федеральном округе за январь-июнь 2005года.
 8. Уголовный Кодекс РФ, с последними изменениями и дополнениями на 01 января 2005г. М.: Юрайт- Издат, 2005.
 9. Яковлев М.А. Социальная психология и противоправное поведение // Советское государство и право. 1968. № 7.

Н.В. Сидорова

канд. юр.наук, ст. преп., Тюменский государственный университет

ПРАВОВАЯ ПРИРОДА И ХАРАКТЕР ФОРМИРОВАНИЯ ЗАПРЕТА НА ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ПОКАЗАНИЙ БЛИЗКИХ РОДСТВЕННИКОВ В УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ

Формулировка «родственного» иммунитета, предлагаемая ч.1 ст.51 Конституции РФ: «Никто не обязан свидетельствовать против... своего супруга и близких родственников, круг которых определяется федеральным законом», не позволяет сделать определенный вывод, каким образом должно быть реализовано освобождение от обязанности давать свидетельские показания. Механизм реализации конституционной нормы применительно к уголовному судопроизводству регламентируется уголовно-процессуальным законом. Законодатель сформулировал правила о свидетельском иммунитете близких родственников обвиняемого и подозреваемого, закрепленные в УПК РФ, по примеру государств континентальной Европы, то есть через закрепление права самих близких родственников и супруга отказаться от дачи свидетельских показаний. Сразу после того, как появилось указанное конституционное положение, и так как соответствующей процессуальной нормы не было, применение правил о свидетельском иммунитете близких родственников и супруга походило на практике на «бесприсяжную модель» получения свидетельских показаний. Подобная модель закреплена сегодня в УПК Франции (близка к ней модель получения свидетельских показаний, существовавшая в российском уголовном процессе по Уставу уголовного судопроизводства). Так, близкого родственника, вызванного в качестве свидетеля по уголовному делу, не предупреждали о том, что у него имеется право отказаться от дачи свидетельских показаний, так как подобной нормы не было в УПК РСФСР от 1960 года. Допрашивали близких родственников как обычных свидетелей, предупреждая об уголовной ответственности за отказ от дачи показаний и за дачу заведомо ложных показаний. Однако, если в даль-

нейшем заведомая ложность показаний, недоносительство, отказ от дачи показаний со стороны близкого родственника обвиняемого подтверждались, то уголовное дело по данному факту в отношении близкого родственника обвиняемого не возбуждалось - непосредственно применялась конституционная норма. Эта практика получила свое распространение по инициативе Верховного Суда Российской Федерации в связи с принятием 22 ноября 1991 года Декларации прав и свобод человека и гражданина и изменением редакции ст.67 Конституции РСФСР 1977 года.

Для уяснения механизма формирования доказательственного запрета на получение и использование показаний близких родственников и супруга весьма важен вопрос: по чьей инициативе свидетельский иммунитет будет представлен близкому родственнику в каждом конкретном случае?

Представляется, что теоретически возможны четыре варианта приобретения «родственного» свидетельского иммунитета. Во-первых, абсолютный свидетельский иммунитет приобретает родственником или супругом автоматически, в силу одного факта близкого (по закону) родства или супружества (признаваемого государством) с обвиняемым. Во-вторых, свидетельский иммунитет предоставляется близкому родственнику или супругу обвиняемого по инициативе самого обвиняемого. В-третьих, свидетельский иммунитет приобретает близким родственником или супругом обвиняемого по инициативе самого свидетеля - близкого родственника (супруга). В-четвертых, свидетельский иммунитет приобретает по обоюдному согласию близкого родственника (супруга) и самого обвиняемого.

Рассмотрим каждый из этих вариантов конструкции подробней.

В случае автоматического действия свидетельского иммунитета близкий родственник или супруг обвиняемого не может давать свидетельские показания в любом случае, по любому делу, вне зависимости от своего желания или от желания обвиняемого. Подобная конструкция существует в процессе США и называется «дисквалификацией супруга как свидетеля» [1]. При этом будет действовать абсолютная недопустимость показаний таких свидетелей в уголовном процессе, свидетельский иммунитет носит абсолютный характер и не может быть нарушен или ограничен ни в коем случае. Подобные правила, при которых данные, полученные из соответствующего источника, не могут быть признаны доказательством в любом случае, в уголовно-процессуальном праве государств Восточной Европы и ФРГ носят название «абсолютного доказательственного запрета» [2]. Однако необходимо отметить, что в практике указанных государств по отношению к свидетельскому иммунитету близких родственников и супруга обвиняемого абсолютный доказательственный запрет не применяется. Таким образом, этот вариант реализации «родственного» свидетельского иммунитета возможен теоретически, но практически ни в одной стране, где в уголовно-процессуальном праве закреплен свидетельский иммунитет близких родственников обвиняемого (за исключением указанных случаев «дисквалификации супруга»), не используется.

Рассмотрим следующий вариант, при реализации которого предоставление свидетельского иммунитета близкому родственнику или супругу обвиняемого будет зависеть от объекта уголовного преследования по делу, то есть от воли самого обвиняемого или подозреваемого. Таково, например, общее правило о «родственном» иммунитете в

уголовном судопроизводстве Англии [3]. Близкие родственники или супруг в таком случае могут быть вызваны в суд и давать показания в качестве свидетелей по уголовному делу, но только по просьбе обвиняемого. Таким образом, будут ли показания свидетеля - близкого родственника обвиняемого допустимыми доказательствами или нет, зависит от воли конкретного лица, в данном случае - обвиняемого.

Третьим вариантом реализации свидетельского иммунитета близкого родственника или супруга является вариант, при котором предоставление свидетельского иммунитета зависит от воли самого предполагаемого свидетеля (точнее, лица, вызванного в качестве свидетеля на допрос). Подобным образом данный вопрос решается в странах континентальной Европы, например, в ФРГ (§ 52 УПК ФРГ) [4]. Причем, согласно уголовно-процессуальному законодательству ФРГ, если свидетель, имеющий право на отказ от дачи показаний, не воспользовался им на предварительном расследовании и был допрошен, а в судебном заседании впервые использовал свое право на свидетельский иммунитет, то его показания, данные ранее, не могут быть оглашены в суде. Подобный вариант приобретения свидетельского иммунитета закреплен в УПК Франции: когда сам свидетель является инициатором приобретения своеобразного «права на умолчание», он дает показания без присяги [5]. Близкий к описываемому вариант образования доказательственного запрета на истребование показаний свидетеля-супруга существует в США и Англии [6]. Однако некоторые особенности конструкции так называемой «свидетельской привилегии» супругов позволяют нам говорить, что в данном случае модель формирования запрета на истребование свидетельских показаний изменяется. В частности, И.В. Решетникова отмечает: «Отказ одного супруга от привилегии не препятствует другому настаивать на ее наличии» [7]. Таким образом, при определении допустимости свидетельских показаний супруга важна согласованная воля субъектов свидетельского иммунитета, следовательно, речь идет о четвертом варианте приобретения свидетельского иммунитета близких родственников и супруга обвиняемого или подозреваемого. Все вышесказанное позволяет прийти к некоторым выводам относительно характера и механизма запрета на использование свидетельских показаний близких родственников и супруга обвиняемого.

Думается, что свидетельский иммунитет близких родственников и супруга обвиняемого применительно к процессу доказывания образует относительный доказательственный запрет, который предполагает, что сведения, имеющие значение для дела, могут быть истребованы и использованы, но только при наличии определенных в законе условий.

Список литературы

- 1. Решетникова И.В. Доказательственное право Англии и США. Екатеринбург, 1997. С.93.*
- 2. Уголовный процесс в европейских социалистических государствах. М.: Юридическая литература, 1978. С.128; см. также: Филимонов Б.А. Основы теории доказательств в германском уголовном процессе: Монография. М.: Фирма «СПАРК», 1994. С.64 -73.*
- 3. Полянский Н.Н. Уголовное право и уголовный суд Англии. 2-е изд. М., 1969. С.268.*
- 4. Филимонов Б.А. Основы теории доказательств в германском уголовном процессе:*

Монография. М.: Фирма «СПАРК», 1994. С. 104; Гуценко К.Ф., Головки Л.В., Филимонов Б.А. Указ соч. С. 409; Уголовный процесс в европейских социалистических государствах. С.124.

5.Гуценко К.Ф., Головки Л.В., Филимонов Б.А. Указ соч. С. 304-305.

6.Полянский Н.Н. Указ. соч. С.269; Решетникова И.В. Указ. соч. С. 92.

7.Там же.

Ю.А. Тарасов

капитан милиции, соискатель Омской академии МВД России

ПРИНЦИПЫ ГОСУДАРСТВЕННОГО КОНТРОЛЯ ЗА ДЕЯТЕЛЬНОСТЬЮ ОРГАНОВ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Важность правоохранительной деятельности и необходимость контроля за состоянием ее организации, ее результатами определяется тем, что система правоохранительных органов, а в рассматриваемом вопросе, в частности, органов внутренних дел Российской Федерации (далее ОВД РФ) получает ресурсы (прежде всего, кадровые, финансовые) от общества, которое имеет право и обязано контролировать, как они используются. Изучение опыта последнего десятилетия свидетельствует, что простое наращивание сил и средств на работу ОВД РФ не приводит к позитивным результатам в деле укрепления общественного порядка и усиления борьбы с преступностью.

Для начала необходимо определиться с базовыми понятиями. Слово **контроль** происходит от французского слова *controle*, обозначающего проверку, а также наблюдение с целью проверки. В «Словаре русского языка» С. И. Ожегова контроль - это проверка, а также наблюдение с целью проверки; контроль над отчетностью и т. д. В Большой советской энциклопедии говорится, что контроль означает проверку чего-либо: выполнения законов, планов, решений.

Под **государственным контролем** следует понимать контроль, осуществляемый государственными органами, наделенными соответствующими нормативными правовыми актами контрольными полномочиями. Государственный контроль за деятельностью ОВД РФ представляет собой законную деятельность системы государственных органов, к которым, в частности, относятся Президент РФ, Правительство РФ, Федеральное Собрание РФ, суды РФ – этот вывод вытекает из контекста ст.11 Конституции РФ. Поэтому прав профессор А.Н. Харитонов, считая, что государственный контроль является закономерным и неотъемлемым атрибутом государственной власти (компетентных органов). Контролирующие органы действуют в рамках нормативных предписаний и на законных основаниях [1].

Кроме того, субъекты государственного контроля установлены в ст.37 Закона РФ «О милиции», где определено, что контроль за деятельностью милиции в пределах полномочий, определяемых законодательством Российской Федерации, осуществляют Президент Российской Федерации; Федеральное Собрание Российской Федерации; Правительство Российской Федерации; органы законодательной власти субъектов Российской Федерации.

Федерации; органы исполнительной власти субъектов Российской Федерации.

В любой социально-политической системе государственный контроль выступает как важнейшая функция, элемент, звено управления, испытанное средство обратной связи и достижения поставленных политических, социальных, экономических, управленческих целей. Говоря о принципах государственного контроля, целесообразно, на наш взгляд, выделить **принципа первого лица**. Рассмотрим данный принцип на примере президентского контроля за деятельностью ОВД РФ.

В соответствии с Конституцией РФ Президент вправе издавать нормативный акт по любому вопросу в пределах компетенции Российской Федерации, если его содержание не противоречит основам конституционного строя, в т.ч. по вопросам государственного управления и контроля. Как считает известный специалист в области конституционного права Л.А. Окуньков: «Его (Президента) первое место в перечне федеральных органов (ст. 11 Конституции) вполне соответствует той роли, которая отводится главе государства с президентской формой правления» [2]. Вместе с тем необходимо отметить, что ни в ст. 10, в которой провозглашено разделение властей, ни в ст. 11, определяющей основы государственной власти РФ и ее субъектов, Президент не исключен из системы разделения властей, на что обращено внимание Конституционного Суда РФ от 31 июля 1995 г. Полномочия и задачи, стоящие перед Президентом как главой государства и гарантом Конституции, неизмеримо шире и ответственнее, чем у любого государственного органа. В соответствии с этим статусом глава государства обязан принимать все дозволенные законом меры по защите конституционного строя, охране правопорядка, суверенитета, независимости, государственной целостности, реального обеспечения прав и свобод человека и гражданина. Возложение на Президента обязанности быть гарантом означает, что он призван действовать персонально, а также иницируя деятельность федеральных органов власти, обеспечивая таким образом их согласованное функционирование и взаимодействие, в том числе в контрольной деятельности. Следовательно, главенствующее положение Президента является определяющим в осуществлении им руководства (управления) государством, реализации контрольных функций, включая и деятельность ОВД РФ.

Особая значимость президентского контроля заключается в том, что именно в ходе осуществления правоохранительной деятельности могут быть ущемлены или попорчены права человека и гражданина. Это касается различных направлений названной деятельности правоохранительных органов, особенно в ходе осуществления ими процессуальных, административно-юрисдикционных действий, оперативно-розыскных мероприятий. Полномочия же главы государства позволяют контролировать все стратегические направления всей правоохранительной работы органов исполнительной власти, в том числе и деятельность ОВД РФ. В связи с этим можно утверждать, что данный принцип важен для осуществления комплексных контрольных мероприятий при реализации главой государства своих полномочий в сфере правоохранительной деятельности.

Кроме того, исходя из семантики самого слова «контроль», необходимо выделить также основополагающий **принцип контрольности**, который комплексно выражает необходимость и целесообразность выполнения различных видов работ, связанных с контролем деятельности органов исполнительной власти, например, сбора, анализа, обоб-

шения статистической отчетности, имеющихся по предмету контроля других документов, результатов проверки в ходе контроля за состоянием основных направлений работы, подвергшихся контролю, что создает реальную возможность проводить обоснованное и планомерное воздействие на развитие и совершенствование результатов самой деятельности как в целом, так и на различных ее направлениях.

Данный принцип способствует успешной реализации контрольных функций и взаимодействию **с другими принципами государственного контроля.**

Базовым принципом государственного контроля за деятельностью ОВД РФ является **принцип законности.**

Как известно, законность есть свойство того, что согласуется с законом, понимаемым в широком смысле как совокупность норм, образующих то, что называется правопорядком. Правопорядок же - одна из основных составных частей общественного порядка, складывающаяся в результате осуществления различных видов социальных норм, регулирующих разнообразные формы общественной жизни и различающихся между собой характером и несовпадающим способом воздействия на поведение людей. Правопорядок характеризуется реальным уровнем законности, обеспечения и реализации субъективных прав, соблюдения юридических обязанностей всеми гражданами, органами и организациями [3]. Принцип законности - универсальный правовой принцип, который нашел свое нормативное воплощение в многочисленных статьях действующей Конституции Российской Федерации.

Исходные положения принципа законности, выраженные в ч.2 ст.15 Конституции РФ, в полной мере относятся к правоохранительной работе, хотя их суть выражена в общем требовании ко всем субъектам правоотношений в части соблюдения Конституции РФ и федеральных законов. В.В. Клочков считает, что в широком смысле понятие законности можно интерпретировать как совокупность взаимосвязанных социальных, политических и юридических требований и их реализацию в жизни общества [4]. Таким образом, контрольная деятельность в целом, особенно в процессе государственного контроля за правоохранительной деятельностью, должна осуществляться исключительно в пределах и в порядке, установленном законом или иным нормативно-правовым актом и на основе равенства контролеров и контролируемых перед законом. При реализации этого принципа обеспечивается соблюдение и защита прав, свобод и законных интересов физических и юридических лиц.

Принцип гласности (публичности или открытости) предусматривает возможную (допустимую) открытость деятельности ОВД РФ, доступ граждан к информации о результатах контроля. Для этого необходимо в печатных и электронных СМИ (с учетом обеспечения государственной, коммерческой и иной охраняемой законом тайны) размещать не только отчетные материалы об итогах проверок, но и официальные ответы на выводы контролеров по итогам контрольного мероприятия, принятые меры по результатам государственного контроля за деятельностью ОВД РФ, в том числе с указанием результатов в ходе принятых мер по устранению выявленных нарушений. В странах Западной Европы бытует неписаное правило о том, что общественность является окончательным судьей контролера [5]. В связи с этим Президент РФ в Послании Федеральному Собранию на 2002 г. отметил: «Следует определиться с четким перечнем инфор-

мации, которую госорганы обязаны делать публично доступной. И этот перечень должен быть утвержден законом» [6].

Принцип независимости предполагает, что должно быть исключено негативное влияние на ход проверки и ее результаты со стороны любых физических и юридических лиц, а также лиц, связанных с ними. А возможности влияния на ход и результаты государственного контроля у работников органов исполнительной власти, тем более сотрудников ОВД РФ с учетом специфики их работы, конечно, есть, и они могут быть значительными и задействованными. Должен также учитываться возможный аспект субъективного подхода, связанный с личной заинтересованностью контролеров.

Независимость органа и контролера определяется их правовым статусом, имеющимися полномочиями, наличием конкретных целей, задач, соответствующих функций в общей системе государственных контрольных органов. Независимость должна быть формально (юридически) и конкретно закреплена в нормативных правовых актах, регулирующих контрольную работу.

Говоря о **принципе объективности**, отметим, что планирование, подготовка и проведение контрольных мероприятий должны исключать какие-либо сомнения в изначальном наличии особых субъективных аспектов в деятельности объектов контроля, в нашем случае - деятельности ОВД РФ, касающихся наличия либо отсутствия серьезных отклонений в их функционировании. Выводы по результатам проверок также должны быть основаны на реальных фактах, обоснованы, беспристрастны и подтверждены соответствующими материалами, содержащими необходимую, соответствующую действительности информацию о состоянии работы независимо от статуса проверяемого министерства и ведомства. При этом о качестве имеющейся информации можно судить по следующим критериям: необходимость, полнота, обоснованность, истинность, своевременность, наличие глубокого анализа, адекватность выводов и предложений результата контроля.

Реализация **принципа ответственности** означает, что ответственность руководителей и контролеров, осуществляющих контроль, влечет административную (дисциплинарную) ответственность каждого должностного лица за ненадлежащее выполнение возложенных на него задач. Желательно, на наш взгляд, чтобы ответственность была формально установлена за выполнение (невыполнение) каждой контрольной функции, ясно очерченной и закреплённой за конкретным субъектом (контролером). В противном случае субъект не будет заинтересован в осуществлении качественного контроля. Наличие ответственности способствует к тому же выработке обоснованных, действительно необходимых и осуществимых на практике предложений по совершенствованию работы подконтрольных объектов, в том числе направленных на устранение, предупреждение и пресечение нарушений в ходе реализации принятых решений.

Принцип целесообразности раскрывает соответствие поставленных контрольных задач определенным целям, разумность, рациональность, практическую и теоретическую обоснованность необходимости установок (задач), стоящих как перед субъектом, так и перед объектом контроля по определению целесообразности принятого решения (например, действительно ли необходимо принятие мер, касающихся осуществления того или иного действия или бездействия в части исполнения требований нормативных

правовых актов, посланий Президента, федеральных программ, принятия того или иного ведомственного акта, оценки его практической полезности, возможности реализации и т. д.).

Рассматривая данный принцип, необходимо особо отметить, что его применение не должно входить в противоречие с принципом законности. В случае возникновения противоречий приоритет должен отдаваться принципу законности.

Говоря о **принципе эффективности**, можно выделить несколько аспектов. Так, эффективность предусматривает: 1) оптимальное соотношение между затратами на осуществление государственного контроля и полезным эффектом от его результата; 2) отсутствие ненужных (непроизводительных) затрат (бережливость); 3) достижение целей и задач контроля с минимальными затратами или достижение наилучшего (максимального) результата при осуществлении контроля за результатами работы органов исполнительной власти при задействовании строго определенного объема ресурсов, выделенных на проведение проверки.

Принцип эффективности, например, при осуществлении президентского контроля предусматривает разработку альтернативных вариантов решений и отбор из них наиболее приемлемого в той или иной ситуации с учетом правового, организационного, информационного, методического, кадрового обеспечения президентского контроля (контрольного мероприятия). Реализация данного принципа направлена на повышение эффективности деятельности как субъектов президентского контроля, так и органов, подвергшихся контролю.

Принцип системности подразумевает наличие системы контроля за деятельностью ОВД РФ. Так, анализ правового и организационного обеспечения контрольных подразделений аппарата главы государства свидетельствует, что системообразующих органов (подразделений) контроля может быть несколько. Система как таковая не означает обязательной иерархической конструкции подчиненности. На наш взгляд, в части, касающейся системы президентского контроля, допускается относительная самостоятельность специальных контролирующих субъектов президентского контроля. В то же время, как свидетельствует анализ, роль Контрольного управления Президента РФ по выполняемым задачам, функциям, объемам работы является ведущей и во многом главенствующей среди других системообразующих субъектов президентского контроля, таких как окружные инспекции аппаратов полпредов Президента РФ в федеральных округах.

Принцип охраны чести и достоинства личности. Впервые в нашей стране именно в Конституции РФ получила полное нормативное воплощение идея охраны чести и достоинства личности (ст. 21, 23, 24), в том числе в ходе осуществления подготовки, проведения субъектами контроля за деятельностью ОВД РФ, принятия мер по его результатам. Конституция РФ установила, что достоинство личности охраняется государством. При этом в ст.21 специально подчеркнуто: «Никто не должен подвергаться пыткам, насилию, другому жестокому и унижающему человеческое достоинство обращению или наказанию». На конституционном уровне сформулировано соответствующее международным стандартам положение о праве каждого на неприкосновенность жизни, личную и семейную тайну, защиту своей жизни и чести, в том числе в ходе исполнения

служебных обязанностей.

В заключение скажем, что описанные здесь в общем принципы (основные правила) контроля применительно к деятельности ОВД РФ взаимосвязаны, а границы, их разделяющие, при проведении контрольных мероприятий зачастую весьма условны. Технологичность их применения и сочетания зависит от конкретных обстоятельств в ходе подготовки, проведения контрольных мероприятий, подготовки итоговых документов, определения мер воздействия, обеспечения реализации итогов контроля. Их соблюдение, систематическое и дифференцированное применение являются важным условием достижения контрольных целей и задач всеми субъектами контроля за деятельностью ОВД РФ.

Список литературы

1. См.: *Государственный контроль над преступностью: Монография. Омск, 1997. С.10.*
2. Окуньков Л.А. *Президент РФ. М.: Инфра-М-Норма, 1996. С.7.*
3. *Юридическая энциклопедия / Под ред. М. Ю. Тихомирова. М., 1997. С. 345.*
4. См.: *Клочков В. В. Требования законности: понятие, виды, генезис // Конституционная законность и прокурорский надзор: Сб. ст. М., 1997. С. 5 и сл.*
5. *Волчихин В. Г. Европейская организация высших контрольных органов (ЕВРОСАИ) // Контроллинг. 1991. № 4. С. 40–45.*
6. *Российская газета. 2002. 19 апр.*

В.А. Холодок

ст. преподаватель, Курганский государственный университет

УГОЛОВНАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ЗА ХУЛИГАНСТВО

Вопросы квалификации хулиганства всегда представляли определенные трудности на практике.

Внесенные ФЗ от 8.12.2003 г. «О внесении изменений и дополнений в Уголовный кодекс Российской Федерации» изменения в ст. 213 УК не смогли разрешить все имеющиеся проблемы, напротив, добавили новых.

Уголовная ответственность за хулиганство в настоящее время возможна только в тех случаях, когда нарушение общественного порядка сопровождается применением оружия или предметов, используемых в качестве оружия. Если в прежней редакции ч. 1 ст. 213 УК указывались действия, в которых выражалось хулиганство (применение насилия к гражданам или угроза его применения; уничтожение или повреждение чужого имущества), то в новой редакции этого нет, что затрудняет применение нормы и может привести к различному ее толкованию.

Теперь действия, ранее расценивавшиеся как хулиганство, квалифицируются по другим ст. УК.

Так, ст. 115 УК дополнена ч. 2 - «умышленное причинение легкого вреда здоровью, совершенное из хулиганских побуждений»;

ст. 116 ч. 2- «нанесение побоев или иные насильственные действия, причинившие физическую боль и совершенные из хулиганских побуждений»;

ст. 167 ч. 2- «умышленное уничтожение или повреждение чужого имущества, совершенное их хулиганских побуждений».

Эти изменения в законодательстве повлекли уменьшение числа зарегистрированных хулиганств. Так, по данным Информационного центра УВД Курганской области, в 2003 г. по области было зарегистрировано 2031 преступление данной категории, в 2004 г. - 478, за 6 месяцев 2005 года-231. В то же время возросло количество зарегистрированных преступлений по ст. 115 - с 29 в 2003 г. до 164 (из них ст. 115 ч. 2- 92) в 2004г., по ст. 116- с 49 до 682 (из них по ст. 116 ч. 2- 458), за 6 месяцев 2005 года- по ст. 115 УК зарегистрировано 143, по ст. 116 УК- 450. Приведенные цифры вроде бы свидетельствуют о том, что лица, причинившие вред личности из хулиганских побуждений, должны быть привлечены теперь к уголовной ответственности по ст.ст. 115,116 УК РФ.

Если личность виновного установлена, особых проблем с привлечением его к уголовной ответственности не возникает. Когда же хулиганские действия в отношении гражданина совершаются неустановленным лицом, появляются проблемы, которые требуют законодательного разрешения.

Согласно ст.20 ч. 2 УПК РФ, уголовные дела о преступлениях, предусмотренных ст.ст. 115,116 УК, относятся к категории дел частного обвинения и возбуждаются не иначе как по заявлению потерпевшего или его законного представителя. На практике это приводит к тому, что пострадавшие от хулиганов граждане не могут в должной мере защитить себя, так как в соответствии со ст. 319 УПК РФ суды вправе не рассматривать заявления потерпевших, в которых нет сведений о виновных лицах. Как правильно отметил В. Мачинский «лица, совершившие такие преступления, избегают ответственности, что стимулирует новые правонарушения» [1].

Если обратиться к статистике, то из числа зарегистрированных в 2004 г. преступлений по ст.115 ч. 2 УК органами расследования Курганской области в суд было направлено 23 дела (возбужденных прокурорами), по ст. 116 ч. 2 УК РФ -63.

Изменилась и ч. 2 ст. 213 УК, исключен квалифицирующий признак «группа лиц», оставлен только признак «группой лиц по предварительному сговору или организованной группой».

В.В. Мальцев считает такое решение вполне обоснованным: «отсутствие предварительного сговора соучастников на применение оружия или предметов, используемых в качестве оружия, обычно означает и отсутствие умысла у не применяющего оружия на его применение» [2].

Другого мнения придерживается Э.Г. Лемещенко: «...одному из соучастников, который не применял оружие, удастся уйти от уголовной ответственности, так как в его действиях будет содержаться только состав административного правонарушения, а у второго, применившего оружие, отсутствует какой-либо квалифицирующий признак и в его действиях имеется состав преступления, предусмотренный ч. 1 ст. 213 УК РФ» [3].

Полагаю, что прав Лемещенко, так как при расследовании уголовных дел доказать предварительный сговор будет практически невозможно. Умысел на совершение хулиганских действий возникает мгновенно и быстро реализуется, группа образуется стихийно. Виновные лица либо совсем смогут уйти от ответственности, либо наказание им будет назначено за хулиганство без квалифицирующих признаков.

С учетом изложенного необходимо внести соответствующие изменения:

- 1) ч. 2 ст. 20 УПК РФ дополнить после слов «115» и «116» словами «ч. 1»;
- 2) ч. 2 ст. 213 УК РФ дополнить словами « группой лиц».

Список литературы

1. *Мачинский В.М. Зачем декриминализировали хулиганство // Законность. 2004. № 6. С. 2-4.*
2. *Мальцев В.В. Квалификация хулиганства // Следователь. 2004. № 10. С. 2-5.*
3. *Лемещенко Э.Г. Как видно из материалов дела // Следователь. 2004. № 6. С. 2-3.*

А. Ю. Шлыгина

ассистент, Курганский государственный университет

УКРЕПЛЕНИЕ ГОСУДАРСТВЕННОСТИ В ПРАВООХРАНИТЕЛЬНЫХ ОРГАНАХ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Россия является правовым государством. Так записано в Конституции РФ. Само понятие правового государства имеет несколько аспектов. Один из них является чрезвычайно значимым. Развитие современной цивилизации, всемирный опыт указывают на то, что наиболее эффективным, наиболее современным, наиболее отвечающим задачам гражданского общества является такой способ воздействия государства на общество, который реализуется через законы, через право.

В советский период у нас не особенно обращали внимание на этот важнейший признак правового государства. Но если государство намерено управлять обществом не через команды, не через индивидуальные управленческие акты, а через законы, которые выражают интересы общества, то такое государство обеспечивает не только принятие законов, но и их исполнение, их реализацию, обеспечивает вместе с тем привлечение к ответственности всех, кто нарушает законы. Только такое общество может называться правовым государством. И только в таком обществе действительно обеспечивается правовой порядок, права и интересы граждан, стабильность государственного, общественного строя и, в конечном счете, будущее страны и общества. Эти задачи в области соблюдения Конституции РФ являются ключевыми для всей деятельности государства, государственного аппарата и государственных служащих [1].

В ходе исследования поставлены следующие задачи:

- определить роль укрепления государственности в функционировании правоохранительных органов;
- наметить пути реформирования современных правоохранительных органов РФ;
- дать оценку тем изменениям, которые произошли в УПК с 2002 года по сегодняшний день.

Вступивший в действие в 2002 году Уголовно-процессуальный кодекс РФ сыграл определённую положительную роль, отрегулировав почти через девять лет после провозглашения в Конституции России положение о судебном порядке ареста гражданина.

Создание системы процессуальных гарантий личности ограждает ее от произвола служителей правопорядка. Обеспечивая тот или иной статус органов уголовного преследования и суда, формальное право способствует либо препятствует борьбе с преступностью. Уголовно-правовая политика призвана обеспечить формирование такого процессуального законодательства, которое создавало бы условия эффективной деятельности соответствующих правоохранительных органов и правосудия по борьбе с преступностью, гарантируя вместе с тем защиту личности, её прав и свобод, интересов общества и государства [3].

Конечно же, новый УПК был шагом вперед в российском законодательстве, но совершенным его назвать нельзя, потому что уже через некоторый период после его работы были намечены пути по его дальнейшему совершенствованию, вскрылись недостатки и проблемы в работе правоохранительных органов.

Почему так происходит? Причина в том, что одной из определяющих тенденций такого явления, как преступность, является отставание социально-правового контроля со стороны правоохранительной системы от чрезвычайно динамичных негативно-качественно-количественных изменений самого этого явления. Такая ситуация порождает растущую безнаказанность, которая обеспечивает дальнейшую самодетерминацию преступности. Это отставание является результатом как малоэффективной и непрофессиональной деятельности правоохранительных органов, несопоставимых по возможностям с криминальными силами, так и несовершенного и неадекватно либерализованного законодательства, на основе которого осуществляется борьба с преступностью. Значительную проблему представляет собой атмосфера разобщенности государства и его гражданина. Пока складывается ситуация, когда в случае опасности для жизни, здоровья, безопасности или сохранности его личного имущества гражданин все же обращается к государству в лице милиции.

Не всегда граждане готовы обратиться в правоохранительные органы, зачастую они просто не верят в их помощь. Как государство может им помочь, если не может разобраться с внутренними конфликтами?

Многие исследователи считают, что правоохранительная деятельность не должна быть сведена лишь к применению государственно-правового принуждения, поэтому необходимо, чтобы организация и деятельность всех государственных органов и общественных организаций из особых звеньев административно-командной системы были преобразованы в составные части новой государственности, ответственной за судьбу Родины. Это требование времени должно быть правильно воспринято и принято к безусловной реализации политическими деятелями, правящими партиями, практическими работниками законодательной и исполнительной властей. Однако творческая инициатива, мощный научный импульс и мудрая экспертная деятельность должны принадлежать всё же ученым и специалистам в области правоправедения [8].

Возможно, многие проблемы наших правоохранительных органов лишь оттого, что они привыкли работать по старинке, не неся ответственности за свои слова и поступки. Для них человек, пришедший со своими проблемами, не должен быть просто потерпевшим или осужденным, а личностью. Личностью со своей судьбой, мыслями и желаниями, к которой необходимо отнестись с уважением.

Попытки достичь цели простым увеличением количества милиционеров положительного эффекта не дают. Недавняя реорганизация системы правоохранительных органов, упразднившая налоговую полицию численностью более сорока тысяч сотрудников, и перевод данной численности в самостоятельную систему для выполнения функции наркоконтроля для самого явления преступности остались незамеченными. А три дополнительные дивизии кадровых служащих снизили удельную эффективность работы правоохранительных органов, затраты увеличились колоссально [2].

Здесь нужны коренные изменения в системе подготовки и переподготовки кадрового состава, организация лекций, семинаров, выездных комиссий по обмену опытом. Давно была необходима реструктуризация учебных заведений, которые каждый год выпускают квалифицированных специалистов.

Сложнейшая проблема борьбы с преступностью в нашем обществе звучит все более тревожно, не терпит ни малейшего отлагательства. Ситуация с коррупцией в нашей стране, а также с явлениями терроризма ставит проблему борьбы с преступностью в разряд наиболее актуальных и жизненно важных.

В число ключевых, жизненно важных задач многие современные учёные ставят вопрос об осуществлении до конца судебной реформы и формировании такой судебной системы, которая бы стала мощной защитницей Конституции, законности и правопорядка в стране. Судебная власть должна укрепить правовой профиль российской государственности, облегчить нагрузки двух первых властей, усилить момент их согласованного взаимодействия.

Уже несколько лет практически не работают статьи нового УК о преступлениях в сферах банковской деятельности, потребительского рынка, легализации преступных доходов. Не сбрасывая со счетов объективные факторы, влияющие на ухудшение криминогенной ситуации, сегодня мы вынуждены говорить о серьезных просчетах в деятельности правоохранительных органов, отрицательно сказывающихся на общих результатах [7].

В чем здесь причина? В плохой организации? Несовершенстве законодательства? В плохой подготовке кадров? И не только эти причины дают такой результат. Время со скоростью света перелистывает страницы и постоянно вносит изменения: меняется жизнь людей, характер преступлений, открываются новые проблемы несовершенства законодательной базы. В данной ситуации обеспечение государственности в правоохранительных органах находится под угрозой.

В условиях кадрового дефицита сотрудников оперативных служб прокурорам необходимо дать указание повысить требования к руководителям правоохранительных органов по обеспечению ведомственного контроля и оказанию практической помощи, проведению мероприятий по повышению уровня профессионального мастерства [6].

Иногда на местах игнорируются требования антимонопольного законодательства, запрещающие органам местного самоуправления принимать акты, которые ограничивают самостоятельность хозяйствующих субъектов, создают дискриминирующие или благоприятствующие условия их деятельности. В лесных районах распространены нарушения лесного законодательства в части порядка вывоза лесопроductии, перевода лесных земель в нелесные и так далее.

С одной стороны это, казалось бы, частный случай, когда следственными органами в ходе предварительного следствия допущены нарушения норм УПК РФ, с другой - это выявляет принципиальную неполноту норм уголовно-процессуального права. Ведь Уголовно-процессуальным кодексом предусмотрена защита прав обвиняемых, если их права нарушены на предварительном следствии, но Уголовно-процессуальный кодекс РФ не предусматривает механизм устранения нарушений, допущенных на предварительном следствии в отношении потерпевших и выявленных только в судебном заседании. В связи с этим, пострадавшие от преступлений при подобных нарушениях оказываются незащищёнными [5].

Есть все основания для постановки вопроса о внесении изменения в законодательство (УПК РФ) касательно права суда возвращать прокурору уголовное дело для проведения дополнительного расследования при нарушении на предварительном следствии норм УПК РФ в отношении потерпевших от преступлений. Что, безусловно, исключит дальнейшие обращения граждан этой категории, которые не находят судебной защиты, в различные инстанции с жалобами на подобные нарушения.

Отсюда можно сделать вывод о том, что в России требуется достаточно последовательная и эффективная реформа правоохранительных органов. Последовательные шаги в этом направлении уже сделаны: в организации судебной системы (например, введение суда присяжных), в профессиональном статусе судей (институт мировых судей, пожизненное избрание), в процедуре вынесения приговора («двухэтапного» формирования приговора - присяжными и судьями) и т.п.

Эти и другие планируемые новации не могут не затрагивать систему профессиональной ориентации судей, или на языке психологии - систему психологических установок. Изменение системы профессиональных психологических установок судей (их позиций, взглядов, отношений, мнений, оценок) в ходе судебной реформы предполагает приближение к идеалу - беспристрастному и объективному рассмотрению дел, принятию решений (приговора, постановления) независимо не только от внешних, но и от внутренних воздействий - от собственных симпатий или антипатий. Но может ли судья уберечь себя, свое сознание от этого «внутреннего» влияния, и в частности от возникновения антипатии к подсудимому? К сожалению, практика свидетельствует, что не только следователь прокуратуры, который составляет обвинительный акт, не только прокурор, обвиняющий подсудимого в совершении преступления, но и судьи не свободны от такого «внутреннего» влияния.

Необходимо сформировать единую систему судов общей юрисдикции. Кроме того, и арбитражные суды должны стать составляющей судебной системы. В результате судебной реформы нужно упростить доступ граждан к правосудию и судам, добиться равенства участников судебного процесса, то есть сторон защиты и обвинения. Возможно принятие решения относительно создания единой федеральной службы расследования и промежуточных звеньев по проведению следственных действий на уровне федеральных округов.

Необходима кардинальная реформа правоохранительных органов и спецслужб, которые должны противостоять коррупции, преступности в сфере экономики, терроризму, экстремизму, совершению информационно-психологических операций с использованием СМИ.

Таким образом, безусловным приоритетом в реформировании системы национальной безопасности должна стать реформа правоохранительных органов и спецслужб.

При реформировании должна быть принята концепция, за основу которой взят принцип защиты конституционных прав граждан.

Проблема строжайшего соблюдения конституционных прав граждан и всех норм уголовно-процессуального закона становится все актуальнее.

Вместе с экономическими изменениями нашего общества должны происходить постоянные изменения в его законодательстве, если мы хотим построить по – настоящему правовое государство. Что же дает укрепление государственности в правоохранительных органах? В первую очередь, уверенность граждан в соблюдении их гражданских прав. А для решения проблем в этой области необходимы определенные комплексные меры: реформы в области законодательства, кадровые изменения.

Российское законодательство требует постоянного пристального внимания со стороны чиновников, а вопрос укрепления государственности в правоохранительных органах должен стать приоритетным в дальнейшем укреплении России как правового государства.

Список литературы

1. Путин В.В. *Послание Президента РФ Федеральному собранию России. 26.5.2004 // Российская юстиция. 2004. № 5. С.1.*
2. Меликова Н. *Президент воздержался от критики силовиков // Независимая газета. 2003. № 48.*
3. *Деятельность пенитенциарной системы Минюста России // Российская юстиция. 2003. №6. С. 77.*
4. Лунеев В.В. *Правовое регулирование общественных отношений – важный фактор предупреждения организованной и коррупционной преступности // Государство и право. 2001. № 5.*
5. *Правовая и криминологическая оценка нового УПК РФ // Государство и право. 2002. № 9. С.89-120.*
6. Хачатуров Р.Л., Ягутян Р.Г. *Юридическая ответственность. Тольятти: А-Принт, 1995. С.16.*
7. Нерсесянц В.С. *Философия права. М.: Изд-во «Норма», 2001. С.387.*
8. *Правовая и криминологическая оценка нового УПК РФ // Государство и право. 2002. № 9. С.89-120.*

РАЗДЕЛ 4. ГРАЖДАНСКО-ПРАВОВЫЕ ДИСЦИПЛИНЫ

И.В. Блохина

ассистент, Курганский государственный университет

ЗАЩИТА ИНТЕРЕСОВ КРЕДИТОРОВ ПО НЕДЕНЕЖНЫМ ОБЯЗАТЕЛЬСТВАМ В ДЕЛЕ О БАНКРОТСТВЕ

В соответствии с пунктом 2 ст. 3 Федерального закона от 26 октября 2002 г. «О несостоятельности (банкротстве)» (далее – Закон о банкротстве) к признакам банкротства относится неспособность юридического лица удовлетворить требования кредиторов по денежным обязательствам и (или) обязательным платежам, если они не исполнены им в течение трех месяцев с даты, когда они должны были быть исполнены. Это означает, что при возбуждении дела о банкротстве во внимание принимается только задолженность по денежным обязательствам (и обязательным платежам), неденежные же обязательства в учет не берутся.

Для начала определимся, что такое денежное обязательство. Согласно ч. 4 ст. 2 Закона о банкротстве, денежное обязательство – это обязанность должника уплатить кредитору определенную денежную сумму по гражданско-правовой сделке и (или) иному предусмотренному Гражданским кодексом РФ основанию. В соответствии с п. 2 ст. 4 Закона о банкротстве, для определения признаков банкротства в составе денежных обязательств учитываются размер задолженности за переданные товары, выполненные работы и оказанные услуги, суммы займа с учетом процентов, подлежащих уплате должником, размер задолженности, возникшей вследствие неосновательного обогащения и размер задолженности, возникшей вследствие причинения вреда имуществу кредиторов. Подлежащие применению за неисполнение или ненадлежащее исполнение обязательства неустойки, проценты за просрочку платежа, убытки вследствие неисполнения обязательства и иные санкции не учитываются при определении признаков банкротства.

Таким образом, кредиторы по неденежным обязательствам не могут инициировать процедуру банкротства и вступить в дело о банкротстве. Однако на практике задолженность перед такими кредиторами в денежном эквиваленте может оказаться куда более значительной, нежели задолженность перед кредиторами по денежным обязательствам. Это приводит к ситуации, когда судьбу предприятия решают не те кредиторы, перед которыми задолженность больше, а те, у которых она выражена в денежной форме. Каковы же варианты поведения кредиторов по неденежным обязательствам возможны в рамках действующего законодательства с целью защиты своих интересов?

Согласно п. 5 ст. 4 Закона о банкротстве, требования кредиторов по обязательствам,

не являющимся денежными, могут быть предъявлены в суд и рассмотрены в общеисковом производстве. В случае неисполнения в установленный срок судебного решения кредитор по неденежным обязательствам вправе обратиться за выдачей исполнительного листа и предъявить его к взысканию. Однако в соответствии с п. 1 ч. 1 ст. 20 Федерального закона от 21 июля 1997 г. «Об исполнительном производстве» исполнительное производство подлежит обязательному приостановлению в случае возбуждения арбитражным судом производства по делу о несостоятельности (банкротстве) должника. Таким образом, возбужденное исполнительное производство будет тут же приостановлено по вышеуказанным причинам до вынесения соответствующего судебного решения. А если имущества, на которое может быть обращено взыскание, не останется, исполнительное производство и вовсе подлежит прекращению.

В связи с этим возникает вопрос о возможности применения обеспечительных мер в отношении истребуемого имущества. Такая ситуация, в частности, сложилась в практике Федерального арбитражного суда Северо-Кавказского округа, когда в кассационном порядке рассматривалась жалоба ТОО «Мичуринец» на постановление апелляционной инстанции арбитражного суда Ростовской области в части удовлетворения ходатайства об обеспечении иска и наложении ареста на 60192 т подсолнечника ТОО «Мичуринец». Постановление было мотивировано тем, что, поскольку правила о процедуре банкротства распространяются только на денежные требования кредиторов, ограничения на арест имущества также касаются только этих требований. Постановление апелляционной инстанции было оставлено без изменения, а жалоба – без удовлетворения. То есть в данном случае судебная практика пошла по пути ограничительного толкования Закона о банкротстве и преимущественной защиты прав «неденежных» кредиторов перед «денежными».

Полагаю, что такой подход вполне обоснован, так как кредиторы по неденежным обязательствам находятся вне конкурса, и, следовательно, применение обеспечительных мер здесь не может рассматриваться как ущемление прав конкурсных кредиторов.

Однако согласно ч. 2 п. 2 Постановления № 29 Пленума Высшего арбитражного суда Российской Федерации от 15.12.2004 г. арест имущества должника, а также иные ограничения должника в части распоряжения принадлежащим ему имуществом могут быть применены лишь по определению арбитражного суда, рассматривающего дело о банкротстве должника.

Если же в отношении должника введены процедуры финансового оздоровления, внешнего управления, конкурсного производства, обеспечительные меры, предусмотренные процессуальным законодательством в части ограничения распоряжения ответчиком принадлежащим ему имуществом, не применяются вообще.

По моему мнению, судебные прецеденты, возникавшие до принятия Постановления № 29, имели большую направленность на защиту прав «неденежных» кредиторов. Ведь проще всего отправить такого кредитора в суд, не предоставив ему при этом никаких гарантий защиты его прав. Какой смысл в вынесенном в его пользу судебном решении, если нет возможности обеспечить исполнение этого решения и если в любом случае вопрос о применении обеспечительных мер будет решать арбитражный суд, рассматривающий дело о банкротстве.

В такой ситуации все острее встает вопрос о трансформации неденежного обязательства в денежное.

В целях участия в деле о банкротстве такой переход возможен в порядке, предусмотренном Гражданским кодексом РФ. В частности, можно расторгнуть или изменить договор с организацией-должником и предъявить свои требования как денежные. Согласно ст. 450 Гражданского кодекса РФ, изменение и расторжение договора возможны по соглашению сторон, в том числе путем новации или предоставления отступного (статьи 409, 414 ГК РФ), если иное не предусмотрено законом или договором, а также по требованию одной из сторон по решению суда при существенном нарушении договора другой стороной. В связи с этим кредиторы по указанным обязательствам вправе обратиться в суд с иском о расторжении договора с должником или согласовать с должником расторжение или изменение договора с заменой первоначального обязательства на обязательство по уплате соответствующей денежной суммы. После этого кредитор вправе предъявить свои денежные требования к должнику в целях участия в деле о банкротстве в установленном Законом о банкротстве порядке.

Произвести трансформацию обязательства можно также основываясь на положениях гражданского кодекса РФ о неосновательном обогащении (ст. 1105 ГК РФ), либо на положениях ст. 405 ГК РФ (просрочка должника). В последнем случае кредитор может отказаться от принятия исполнения и требовать возмещения убытков, если вследствие просрочки должника исполнение утратило интерес для кредитора.

В том случае, если в ходе исполнения судебного решения обнаружится, что имеющегося в натуре имущества недостаточно для удовлетворения требований кредитора, то в соответствии с п.1 ст. 324 АПК РФ должник вправе обратиться в выдавший исполнительный лист суд с заявлением об изменении способа исполнения судебного решения, в том числе потребовав его исполнения в денежной форме. В случае удовлетворения заявления кредитор (теперь уже по денежному обязательству) вправе будет заявить о включении своего требования в реестр требований кредиторов.

И.В. Блохина

ассистент, Курганский государственный университет

ПРАВОВОЕ ПОЛОЖЕНИЕ РАБОТНИКОВ В ПРОЦЕДУРАХ БАНКРОТСТВА И В ДЕЛАХ О БАНКРОТСТВЕ

Согласно ст. 2 Федерального закона от 26.10.2002 г. «О несостоятельности (банкротстве)» (далее – Закон о банкротстве) работники являются кредиторами организации-должника в отношении выплаты выходных пособий и оплаты труда по трудовому договору. Статуса конкурсных кредиторов должника они не приобретают. Это объясняется тем, что требования работников вытекают не из гражданско-правовой сделки или иных оснований, предусмотренных Гражданским кодексом РФ, а из трудовых отношений, то есть не являются денежными в смысле Закона о банкротстве.

Это означает, что работники не могут инициировать в арбитражном суде дело о банкротстве, так как с заявлением могут обратиться только конкурсные кредиторы, уполномоченный орган и сам должник. Однако, как показывает практика, работники могут, например, через забастовку требовать от работодателя обращения в арбитражный суд с заявлением должника. При этом правовым основанием для подачи заявления могут быть нормы ст. 9 Закона о банкротстве, которые обязывают руководителя должника или индивидуального предпринимателя обратиться с таким заявлением в арбитражный суд, если удовлетворение требований одного или нескольких кредиторов приводит к невозможности исполнения должником денежных обязательств, обязанности по уплате обязательных платежей и (или) иных платежей в полном объеме перед другими кредиторами.

Представителями работников, согласно п. 1 ст. 36 Закона о банкротстве, могут быть любые дееспособные граждане, в том числе и уволенные из организации, имеющие оформленные надлежащим образом полномочия на ведение дела о банкротстве. Представители работников не являются лицами, участвующими в деле о банкротстве, но являются лицами, участвующими в арбитражном процессе по делу о банкротстве (ст. ст. 34, 35 Закона о банкротстве), поэтому о месте и времени судебных заседаний они должны извещаться наравне со всеми участниками арбитражного процесса. Представитель работников вправе участвовать в собрании кредиторов без права голоса, поэтому арбитражный управляющий в случае созыва собрания уведомляет представителя работников о времени и месте его проведения. Кроме того, согласно п. 1 ст. 12 Закона о банкротстве, арбитражный управляющий должен обеспечить представителю работников доступ к копиям документов, прилагаемых к протоколу собрания кредиторов.

Представитель работников вправе заявлять в арбитражный суд разногласия, возникающие между ним и арбитражным управляющим, связанные с очередностью, составом и размером требований о выплате выходных пособий и об оплате труда лиц, работающих по трудовым договорам (п. 11 ст. 16 Закона о банкротстве). Данные разногласия рассматриваются арбитражным судом в порядке, предусмотренном Законом о банкротстве, то есть в судебном заседании не позднее одного месяца со дня получения заявления судьей единолично (п. 1 ст. 60 Закона о банкротстве). Возможности подачи представителем работников должника в арбитражный суд жалобы на действия арбитражного управляющего и заявления ходатайства об отстранении арбитражного управляющего от исполнения им своих обязанностей Закон о банкротстве не предусматривает.

Существует особый порядок включения требований работников в реестр требований кредиторов. А именно: требования о выплате выходных пособий и об оплате труда лиц, работающих по трудовому договору, включаются в реестр арбитражным управляющим или профессиональным реестродержателем без решения суда. Однако исключить эти требования из реестра указанные выше лица могут только на основании вступивших в силу судебных актов (п. 6 ст. 16 Закона о банкротстве). При этом в реестре учитывается задолженность перед работниками на момент принятия арбитражным судом заявления о признании должника банкротом. Остальные требования рассматриваются как текущие и в реестр не включаются. До открытия конкурсного производства эти требования могут быть предъявлены работником в суд общей юрисдикции, а не

рассматриваться в рамках дела о банкротстве, кроме случаев, когда интересы работников по выплате заработной платы и выходного пособия представляет представитель работников [4].

Таким образом, при банкротстве требования работников делятся на две группы: требования, возникшие к моменту подачи заявления о признании должника банкротом, и требования, возникшие в период проведения процедур банкротства (текущие требования). До открытия конкурсного производства продолжается исполнение решений о взыскании задолженности по заработной плате, вступивших в законную силу до принятия арбитражным судом заявления о признании должника банкротом (абз. 5 п. 1. ст. 81, п. 5 ст. 95 Закона о банкротстве).

В соответствии со статьей 24 части первой Налогового кодекса Российской Федерации при перечислении в бюджет сумм подоходного налога, удержанных с заработной платы работников, должник выступает в качестве налогового агента. Поэтому мораторий (последствие ведения внешнего управления) на удовлетворение требований кредиторов на случаи перечисления в бюджет сумм подоходного налога также не распространяется [5].

Аналогичная ситуация складывается и с суммами членских профсоюзных взносов из заработной платы работников, которые должны перечисляться работодателем на счет профсоюзной организации в очередности, установленной для выплаты заработной платы (см. Информационное письмо Президиума Высшего Арбитражного Суда РФ от 30 декабря 2004 г. № 87).

Указанные в неисполненных документах суммы включаются в реестр требований кредиторов лишь после признания должника банкротом. Текущие требования в реестр не включаются и могут быть предъявлены работником в обычном порядке, а не в рамках дела о банкротстве, вплоть до открытия конкурсного производства. Требования о погашении задолженности по заработной плате, возникшие в ходе конкурсного производства, могут быть предъявлены в ходе конкурсного производства и удовлетворены вне очереди за счет конкурсной массы в соответствии со ст. 855 Гражданского кодекса РФ (абз. 7 ст. 126 Закона о банкротстве). При этом, по-видимому, следует учитывать положения Приложения к Информационному письму Президиума ВАС РФ от 14 июня 2001 г. № 64 «О некоторых вопросах применения в судебной практике Федерального Закона «О несостоятельности (банкротстве)». Абзац 5 п. 5 указанного Положения говорит о том, что в случае отсутствия представителя работников должника при проведении соответствующей процедуры банкротства разногласия арбитражного управляющего и работника о составе и размере его требований в связи с трудовыми отношениями могут быть рассмотрены судом общей юрисдикции по иску работника в порядке гражданского судопроизводства.

Подлежат удовлетворению также требования работников по оплате труда, заявленные после закрытия реестра кредиторов. В этом случае расчеты с кредиторами последующей очереди приостанавливаются.

Также хотелось бы затронуть вопрос об очередности выплаты сумм индексации за период просрочки выплаты заработной платы. Вопреки тому, что в Законе о банкротстве отсутствуют нормы, регулирующие эти выплаты, в судебной практике подобные

споры возникают довольно часто. Так, арбитражный суд Омской области пришел к выводу о необходимости отнесения ко второй очереди сумм индексации за период просрочки выплаты заработной платы, взысканных решением районного суда. При этом суд исходил из того, что включение требования в пятую очередь существенно нарушит права кредитора-работника, который, не являясь конкурсным кредитором, не может участвовать в определении судьбы должника, и в то же время не получает компенсации в виде привилегированного удовлетворения требований [6]. Такое решение суда представляется вполне обоснованным, так как требования об индексации вытекают в данном случае исключительно из трудовых (нормы о материальной ответственности работодателя за несвоевременную выплату заработной платы), а не из гражданско-правовых отношений.

Очень часто на практике возникают также вопросы, связанные с выплатой выходного пособия работникам, уволенным из организации в связи с ее ликвидацией. Согласно ст. 65 ГК РФ, признание юридического лица банкротом влечет его ликвидацию, которая, согласно п. 1 ст. 81 Трудового кодекса РФ (далее – ТК РФ), является основанием расторжения трудового договора по инициативе работодателя. Иногда возникают случаи, когда конкурсный управляющий сразу после открытия конкурсного производства начинает расторгать с работниками трудовые договоры по указанному выше основанию. Думается, что такая ситуация не вполне обоснована, так как в качестве основания для внесения записи о ликвидации должника Закон о банкротстве называет завершение конкурсного производства (п. 3 ст. 149 Закона о банкротстве). Пункт 1 ст. 124 Закона о банкротстве указывает только на то, что признание должника банкротом влечет открытие конкурсного производства. Таким образом, банкротство не следует расценивать как безусловную ликвидацию должника и основание для увольнения его работников по п. 1 ст. 81 ТК РФ. Данное положение подтверждается также нормами ст. 146 Закона о банкротстве, которые говорят о возможности перехода к внешнему управлению из конкурсного производства, если в отношении должника не вводилось финансовое оздоровление и есть шанс восстановления платежеспособности. То есть признание должника банкротом и открытие конкурсного производства не всегда заканчивается ликвидацией предприятия-должника. Основанием для увольнения является исключительно внесение записи о ликвидации в единый реестр юридических лиц (п. 8 ст. 63 ГК), а не признание должника банкротом. Именно день ее внесения должен быть последним днем работы работника, поскольку до этого момента основания для увольнения еще не будет, а после – уже не будет лица, полномочного это сделать, т.е. работодателя. Однако возникают проблемы реализации положений ст. 178 ТК РФ, связанные с выплатой выходного пособия. Данное пособие выплачивается в размере среднего месячного заработка, а также за работником сохраняется средний месячный заработок на период трудоустройства, но не свыше двух месяцев со дня увольнения (с зачетом выходного пособия), а в исключительных случаях и за третий месяц. Получается, что работодатель должен каким-то образом сохранить денежные средства для удовлетворения этих требований. Последние фактически не могут быть отнесены даже к внеочередным, так как возникают уже после расчетов со всеми кредиторами (в последний день существования должника – день увольнения работника по п. 1 ст. 81 ТК РФ). Возможным вариантом решения данной

проблемы могло бы стать внесение необходимых денежных средств на депозит арбитражного суда, но опять же возникает вопрос о размере выплат, так как нельзя предсказать, кто из работников и в какой срок трудоустроится. Таким образом, в данной ситуации только один верный выход – увольнение на основании не п. 1, а п. 2 ст. 81 ТК РФ, а именно: в связи с сокращением численности или штата работников организации за два-три месяца (или раньше) до завершения конкурсного производства.

Подводя итог сказанному, хочется отметить, что проблемы, связанные с защитой прав работников несостоятельного должника, стали объектом пристального внимания законодателя. В середине мая 2005 года Государственной Думой Российской Федерации в первом чтении был рассмотрен пакет документов по банкротству, в котором предлагается создание государственных либо частных фондов по гарантированию материальных прав работников при банкротстве работодателя. Кроме того, предлагается наделить представителя работников правом ходатайствовать перед арбитражным судом по ряду важных вопросов, в том числе по вопросам деятельности арбитражного управляющего на данном предприятии [7].

Думается, решение социально-экономических проблем работников на законодательном уровне весьма своевременно.

Список литературы

1. См.: Чуча С.Ю. Гарантии экономических прав работников при банкротстве // *Трудовое право*. 2003. № 6. С. 28; Кавца А.М. Коллективные действия в конце 90-х годов: радикализация методов стачечной борьбы // *Трудовые отношения и коллективные действия в современной России: политические, правовые и социальные аспекты*. М., 1999. С. 174 -175.
2. См.: Приложение к Информационному письму Президиума ВАС РФ от 06.08.99 г. № 43 «Вопросы применения Федерального закона «О несостоятельности (банкротстве)» в судебной практике» // *Вестник ВАС РФ*. 1999. № 10.
3. См. Информационное письмо ВАС РФ от 6.08.1999 г. № 43.
4. См.: п. 3 ст. 5 ФЗ от 26.12.2002 г. « О несостоятельности (банкротстве)»; п. 25 Постановления Президиума ВАС РФ от 15.12.2004 г. № 29 «О некоторых вопросах практики применения федерального закона о несостоятельности (банкротстве)».
5. См.: Информационное письмо Президиума Высшего Арбитражного Суда РФ от 6 августа 1999 г. № 43 «Вопросы применения Федерального закона «О несостоятельности (банкротстве)» в судебной практике».
6. См.: определение Арбитражного суда Омской области от 16.04.2001 г. по делу № К/Э-6; Чуча С.Ю. Указ. раб. С.29-30.
7. Конференция ЮрКлуба «Минэкономразвития и закон о банкротстве»// forum.yurclub.ru

Т. Ю. Воинова

главный специалист отдела по контролю за деятельностью саморегулируемых организаций арбитражных управляющих Управления Федеральной регистрационной службы РФ по Курганской области

ПРОБЛЕМЫ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ САМОРЕГУЛИРУЕМЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ И ВОЗМОЖНЫЕ ПУТИ ИХ РЕШЕНИЯ

В настоящее время при общей тенденции современного российского законодательства к освобождению экономики от излишней «опеки» государства, одним из вопросов, вызывающих дискуссии среди ведущих правоведов страны, является проблема делегирования ряда властных полномочий саморегулируемым организациям.

При этом обращается внимание именно на то, что рассматривается вопрос о саморегулировании (контроле, выработке правил этики) на уровне определенной профессиональной принадлежности, поскольку деятельность юридического лица сама по себе подразумевает саморегулирование.

Стремление профессионалов к объединению так же естественно, как стремление человечества к объединению.

Институт саморегулирования не является, по мнению автора, для российского законодательства чем-то новым, более того заимствованным из англосаксонского права, как утверждают некоторые ученые.

Еще при проведении законодательных реформ 1864 г. адвокатура создавалась как самоуправляющаяся организация.

Прообраз саморегулируемой организации как союза предпринимателей видится в созданной в 1870 г. Московской бирже, уставом которой на ее представительный орган возлагалась защита интересов биржевого общества перед государственными и общественными организациями.

В современном понимании саморегулирование состоит в делегировании ряда полномочий от государства общественным организациям, что предусмотрено частью 2 и 3 статьи 78, ч. 2 ст. 132 Конституции Российской Федерации. Так, идея самоуправления заложена в деятельность адвокатских и нотариальных палат.

В современной России институт саморегулируемых организаций ставит задачу формирования государственного аппарата с целью защиты предпринимателей от избыточного государственного контроля и необоснованного вмешательства в сферу рыночных отношений, что во многом определяется тем, что участники рынка более компетентны в вопросах своей профессиональной деятельности.

Официально термин «саморегулируемые организации» появился в российском законодательстве с принятием Федерального закона от 22 апреля 1996 г. N 39-ФЗ «О рынке ценных бумаг», который определил указанные организации как добровольное объединение профессиональных участников рынка ценных бумаг, функционирующее

на принципах некоммерческой организации.

В свете этого оказывается несостоятельным заявление депутата Государственной Думы Российской Федерации 3 созыва Юрия Курина, утверждающего, что термин «саморегулируемые организации» появился с принятием Федерального закона от 26 октября 2002 года № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)».

Основными задачами саморегулируемых организаций профессиональных участников рынка ценных бумаг, согласно ст.48 Закона, являются обеспечение условий их профессиональной деятельности, соблюдение стандартов профессиональной этики, установление правил и стандартов проведения операций с ценными бумагами, обеспечивающих эффективную деятельность на рынке ценных бумаг.

Наиболее авторитетными организациями на биржевом рынке стали НАУФОР и ПАРТАД, причем членство в указанных организациях обязывает участников соблюдать более строгие правила, нежели определяемые законодательством.

При этом опыт существования названных организаций включал момент, когда на уровне подзаконных актов членство в саморегулируемой организации признавалось обязательным для получения лицензии на право осуществления профессиональной деятельности. Таким образом, произошел фактический допуск к профессии через членство в саморегулируемой организации, общественные организации оказались превращены в придаток государства, что неизбежно привело к бюрократизации управления, осуществление контроля за деятельностью членов существенно ослабло. Как следствие, подобная практика не получила закрепления на законодательном уровне.

Еще большей крайностью, на взгляд автора, является предоставление саморегулируемой организации всех полномочий регулирующего органа. Возможности заменить государство у общественной организации нет и не может быть.

Двойное регулирование (со стороны государства и саморегулируемой организации) также не является эффективным, поскольку государство не освобождается от целого ряда функций, теряется смысл создания саморегулируемых организаций, в связи с чем представляется целесообразным установить на законодательном уровне возможность участнику рынка и любому выходящему на рынок субъекту выбрать: какой форме регулирования они отдадут предпочтение. Если участник предпочитает быть объектом государственного регулирования, то он обращается в государственный орган за выдачей лицензии и далее взаимодействует с бюрократическим аппаратом государства. Если же он выбирает иной механизм регулирования, то он вступает в саморегулируемую организацию, руководствуется и подчиняется правилам, предписанным последней, участвуя на основе равноправия в выработке политики саморегулируемых организаций. Функция же государства в этом случае состоит в контроле за соблюдением саморегулируемой организацией законодательства.

Иное развитие института саморегулируемых организаций связано с принятием Федерального закона 26 октября 2002 г. № 127-ФЗ.

Закон предусматривает новый вид саморегулируемой организации - арбитражных управляющих. Особенностью данной организации является объединение арбитражных управляющих не на добровольных началах, а в качестве обязательного условия для осуществления профессиональной деятельности.

Далее новый закон о несостоятельности предусматривает внесение вступительного взноса в компенсационный фонд саморегулируемой организации в размере не менее пятидесяти тысяч рублей.

Одной из новелл законодательства явилось и то, что кандидатуры арбитражных управляющих представляются для назначения на процедуры банкротства саморегулируемой организацией. В результате в ходе реализации указанной функции на практике имеют место случаи, когда от личного отношения руководства саморегулируемой организации к арбитражному управляющему напрямую зависят доходы последнего при осуществлении профессиональной деятельности.

Представляется, что более верным будет являться выбор конкурсными кредиторами кандидатуры арбитражного управляющего из членов саморегулируемой организации и из списка независимых арбитражных управляющих, зарегистрированных при арбитражном суде. Тем самым обеспечивается реализация принципа диспозитивности, появится альтернатива как у конкурсных кредиторов так и у арбитражных управляющих.

Таким образом, членство в саморегулируемых организациях за редким исключением (адвокаты, нотариусы) не должно быть обязательным, в противном случае участие в саморегулируемых организациях превращается в допуск к профессиональной деятельности.

Жизнеспособность же саморегулируемых организаций, как подтверждает практика, должна определяться степенью защиты интересов ее членов. Кроме того, важно, развивая формы саморегулирования, не прийти к той ситуации, когда любая общественная организация будет называться саморегулируемой. Основой взаимодействия с государством должно стать желание организации взять на себя определенные обязанности и перед государством, и перед своими членами, и, как производное, наделение организации полномочиями.

Решение названной проблемы видится в разработке и принятии на уровне федерального законодательства нормативного правового акта, определяющего основные положения создания и функционирования саморегулируемых организаций.

Т.Ю.Вотинова

главный специалист отдела по контролю за деятельностью саморегулируемых организаций арбитражных управляющих Управления Федеральной регистрационной службы по Курганской области

НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ ПОРЯДКА ПРЕДСТАВЛЕНИЯ КАНДИДАТУР АРБИТРАЖНЫХ УПРАВЛЯЮЩИХ САМОРЕГУЛИРУЕМЫМИ ОРГАНИЗАЦИЯМИ АРБИТРАЖНЫХ УПРАВЛЯЮЩИХ

Федеральным законом от 26 октября 2002 года № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» (далее по тексту - Закон) в законодательство о банкротстве введено

новое понятие - саморегулируемая организация арбитражных управляющих.

Статья 2 Закона определяет ее как некоммерческую организацию, которая основана на членстве, создана гражданами Российской Федерации, включена в единый государственный реестр саморегулируемых организаций арбитражных управляющих, и целями деятельности которой являются регулирование и обеспечение деятельности арбитражных управляющих.

Целью настоящей статьи является рассмотрение наиболее часто встречающихся вопросов по исполнению саморегулируемыми организациями обязанности по представлению кандидатур арбитражных управляющих в арбитражный суд.

Казалось бы, статья 45 Закона детально регламентирует процедуру отбора, представления и утверждения кандидатур арбитражных управляющих.

Однако при применении положений указанной статьи на практике возникает целый ряд вопросов.

Заявленная саморегулируемая организация обязана не позднее, чем через пять дней с даты получения запроса о представлении кандидатур арбитражных управляющих направить список кандидатур в арбитражный суд, заявителю (собранию кредиторов или представителю собрания кредиторов) и должнику.

Сразу возникает вопрос, каким образом в данном случае исчисляются процессуальные сроки? Поскольку в Законе соответствующая специальная норма отсутствует, то в силу отсылочной нормы, содержащейся в п. 1 ст. 32 Закона, применяется порядок исчисления сроков, предусмотренный ст. 113 Арбитражного процессуального кодекса РФ, устанавливающий, что в сроки, исчисляемые в днях, не подлежат включению нерабочие дни.

Остался неурегулированным на законодательном уровне и вопрос по комплектации пакета документов для арбитражного суда. И, как следствие, - кто несет ответственность за соответствие требованиям Закона кандидатур арбитражных управляющих, представляемых саморегулируемой организацией?

Что касается комплектации пакета документов, то в данном случае нельзя не согласиться с К.К. Айбутуллиным и В.В. Мельниковым [1], указывающими, что обязательным является представление списка кандидатур в порядке снижения уровня их профессиональных качеств и мотивированное заключение с резюмирующей частью об удовлетворении саморегулируемой организацией соответствия кандидатур требованиям п. 1 ст. 20 Федерального закона от 26 октября 2002 года № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)», а также документ, подтверждающий заключение договора страхования ответственности. Помимо указанного, также необходимо представить доказательства направления списка кандидатур лицам, имеющим право на отвод, с отметкой о том, что все заинтересованные лица были допущены к процедуре отбора. При этом суд не лишается права запросить от саморегулируемой организации доказательства соответствия кандидатуры арбитражного управляющего требованиям законодательства.

Высказываются мнения [2], что ответственность за представление саморегулируемой организацией кандидатур арбитражных управляющих, соответствующих требованиям Закона, возлагается на регулирующий орган. Полагаем, что в данном случае имеет место терминологическая неточность, поскольку регулирующий орган осуществляет контроль за деятельностью саморегулируемых организаций арбитражных управляющих.

ших. Удостоверение же соответствия кандидатур арбитражных управляющих требованиям законодательства ст. 25 Закона целиком возложено на профессиональные объединения арбитражных управляющих.

В свою очередь, ст. 19.7 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях предусмотрена ответственность за представление информации в искаженном виде. В этом случае должностные лица регулирующего органа наделены правом возбуждения дела об административном правонарушении в отношении виновных лиц.

Другой немаловажный вопрос: кто является заинтересованными лицами в ходе процедуры отбора? Важность решения указанного вопроса объясняется тем, что нарушение процедуры отбора, в том числе необеспеченный саморегулируемой организацией доступ заинтересованных лиц, может иметь отрицательные правовые последствия, а именно отказ арбитражного суда в утверждении всех кандидатур. Вместе с тем, нельзя назвать корректным использование в данном случае понятия заинтересованного лица, раскрытого в ст. 19 Закона через отношение к имуществу должника.

Представляется, что к участию в процедуре отбора должны быть допущены арбитражные управляющие, как потенциальные кандидаты, и лица, имеющие право заявить отвод кандидатурам арбитражных управляющих, а именно - должник и заявитель (представитель собрания кредиторов).

Д.А. Петров [5] указывает, что Закон исключил возможность назначения конкурсным управляющим председателя ликвидационной комиссии и конкурсный управляющий назначается в порядке, предусмотренном ст. 45 Закона. Как следствие возникает вопрос, как оценить ту ситуацию, когда саморегулируемая организация указывает в списке кандидатур конкурсных управляющих председателя ликвидационной комиссии?

Исходя из анализа положений ч. 3 ст. 62 Гражданского кодекса Российской Федерации, ст. 19, 20 Закона, ликвидатор является заинтересованным лицом в отношении должника и не может быть утвержден в качестве конкурсного управляющего. Если исходить от обратного, то возникает абсурдная ситуация: речь идет о возможности заявления отвода своей кандидатуре с выявлением в последующем признаков преднамеренного и фиктивного банкротства.

Не менее интересен вопрос о том, какие критерии применяются при формировании списка в порядке снижения профессиональных качеств арбитражных управляющих: наличие экономического, юридического образования или образования, соответствующего специализации предприятия-должника? Количество завершенных процедур банкротства? Практика показывает, что наличие указанного образования еще не определяет степень профессионализма, равно как и количество завершенных арбитражным управляющим процедур. Поскольку на нормативном уровне указанные критерии не определены, то их разработку можно с полной уверенностью отнести к компетенции саморегулируемой организации. Представляется спорным мнение С. Чумакова [3], предлагающего учитывать наличие двух или более предприятий, на которых не завершены процедуры банкротства, как отрицательный факт в рейтинге претендентов. Образование и количество процедур должны играть роль только в совокупности с количеством обоснованных жалоб на действия управляющего, своевременностью, полнотой и качеством представляемых отчетов.

То, что список кандидатур составлен в порядке снижения их профессиональных качеств, должно быть отражено в мотивированном заключении, представляемом саморегулируемой организацией в суд.

Еще одной проблемой, не разрешенной на законодательном уровне, становится тот факт, что при представлении списка кандидатур саморегулируемыми организациями последние не всегда указывают паспортные данные и адреса кандидатов. Указанное обстоятельство существенно осложняет процесс уведомления арбитражного управляющего как лица, участвующего в деле, о состоявшемся назначении. Зачастую судебный акт приходится направлять в саморегулируемую организацию арбитражных управляющих, которая не является ни лицом, участвующим в деле о банкротстве, ни лицом, участвующим в процессе по делу о банкротстве. Выход из сложившейся ситуации видится в указании запрашиваемого определения о необходимости представления соответствующей информации, с одновременным предупреждением о возможности применения мер ответственности, предусмотренной Арбитражным процессуальным кодексом Российской Федерации.

Кроме того, необходимо на законодательном уровне предоставить арбитражному суду полномочия по более широкому усмотрению в делах о банкротстве [5], в том числе предоставление права на мотивированный отказ в утверждении кандидатуры арбитражного управляющего.

Список литературы

- 1. Айбатулин К.К., Мельник В.В. Проблемные вопросы применения законодательства о банкротстве в практике арбитражных судов округа // Вестник Федерального арбитражного суда Северо-Кавказского округа. 2004. № 4.*
- 2. Рогожин С. Управлять по закону // Эж-юрист. 2004. № 40.*
- 3. Чумаков С. Проблемы практической деятельности арбитражных управляющих в процедуре банкротства – наблюдение // Экономическое правосудие на Дальнем Востоке России. 2004. № 2.*
- 4. Димина В.С., Урусова Е.Г. Название // Арбитражная практика. 2005. №7.*
- 5. Петров Д.А. Название // Журнал российского права. 2004. №3.*

С. Э. Либанова

канд. юр. наук, доцент, Курганский государственный университет

ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКИЙ РИСК И ВОЗМОЖНОСТЬ ВЗЫСКАНИЯ УБЫТКОВ (НОМИНАЛЬНАЯ И РЕАЛЬНАЯ)

Рассматривая условия применения мер ответственности в виде возмещения убытков в сфере предпринимательских отношений, где целью деятельности является получение прибыли, следует особо выделить наличие категории предпринимательского риска. Развитие правовой регламентации имущественной ответственности в западных государствах в настоящее время, как справедливо отмечает М.И. Кулагин, осуществляется в следующих направлениях:

- расширение сферы применения института гражданской ответственности;
- развитие института безвиновной ответственности;
- распространение добровольного и обязательного страхования гражданской ответственности – «коллективизация гражданской ответственности»;
- унификация договорной и деликатной ответственности;
- канализация имущественной ответственности и установление предельных размеров возмещения [1].

Отказ от принципа вины как одного из основных условий гражданско-правовой ответственности связан с использованием на производстве и в быту новых машин и технологических процессов, способных причинить вред и без участия (при отсутствии вины в поведении) их владельца, а также с превращением юридического лица в основного участника имущественного оборота. В общественном производстве сфера гражданской ответственности стала заменяться системой страхования, а в науке появилась новая так называемая «теория риска», сторонники которой высказали мнение о том, что «тот, кто получает выгоды, тот несет и риск убыточных последствий. Следовательно, основанием ответственности является не вина, а риск» [2]. Французский юрист Рене Саватье пишет по этому поводу: «В прежней концепции гражданской ответственности основное значение придавалось санкции, применяемой к виновному лицу. В настоящее время акценты переместились, и основное значение придается праву потерпевшего на получение возмещения» [3]. Большинство западных авторов не считают, однако, что ответственность за риск полностью вытеснила ответственность за вину, последняя сохраняет свое значение, особенно в сфере договорных отношений [4].

В Российской Федерации отход от принципа вины также прослеживается в отношениях, возникающих в предпринимательской сфере, где участниками являются лица, осуществляющие предпринимательскую деятельность. На это указывает ч.3 ст.401 ГК РФ, которая закрепляет следующее: «Если иное не предусмотрено законом или договором, лицо, не исполнившее или ненадлежащим образом исполнившее обязательство при осуществлении предпринимательской деятельности, несет ответственность, если не докажет, что надлежащее исполнение оказалось невозможным вследствие непреодолимой силы, т.е. чрезвычайных и непредотвратимых при данных условиях обстоятельств...». Данное положение имеет диспозитивный характер и может быть изменено законом или соглашением сторон.

Отход от принципа вины представляется в условиях развития рынка оправданным. Предприниматель, извлекающий прибыль из своей деятельности, должен нести и риск негативных последствий, независимо от формы вины - умышленно ли он причинил вред, убытки другому лицу, или по неосторожности.

Возмещение убытков включает в себя все признаки гражданско-правовой ответственности, выработанные наукой гражданского права.

Как уже отмечалось, проблема несовершенства законодательства кроется в несоответствии его практике. Следовательно, есть убытки реальные, которые действительно возникли у участника предпринимательских отношений и номинальные (юридические), которые он, может быть, получит по решению суда. В обязательственных отношениях появление убытков предусмотрено как исключение при осуществлении предпринима-

тельской деятельности, а на самом деле является правилом. Именно поэтому нормы, призванные регулировать ответственность в виде возмещения убытков, требуют существенной доработки.

На современном этапе возмещение убытков продолжает оставаться одной из форм гражданско-правовой ответственности, под которой понимается «форма выражения тех дополнительных обременений, которые возлагаются на правонарушителя» [5]. В соответствии с п. 1 ст. 393 ГК РФ возмещению подлежат лишь убытки, причиненные противоправным поведением должника. Это означает, что между противоправным поведением должника и возникшими у кредитора убытками должна существовать причинная связь, т.е. объективная связь явлений реального мира [6]. Различают прямые и косвенные связи. Прямая связь всегда имеет существенное значение и должна учитываться юридической практикой. Косвенная же связь, по мнению В.И. Кофмана, должна признаваться существенной лишь в том случае, когда косвенным причинителем (должником) создано отклонение от обычных результатов человеческой деятельности [7].

При рассмотрении убытков как одного из видов ответственности можно отметить точку зрения, высказанную Л.М. Шором, о том, что косвенная причина сама по себе к наступлению убытков не приводит, она лишь создает предпосылки для воздействия других причин, вызывающих убытки [8].

Причиной существования различных точек зрения является размежевание объективного и субъективного условий гражданско-правовой ответственности. Нельзя не согласиться с имеющимся в науке мнением ученых о том, что часто критерии, посредством которых определяется наличие или отсутствие причинной связи, носят элементы субъективности [9]. Однако, это недопустимо в практической работе. Отказ от принципа объективной истины при признании принципа состязательности в гражданском и арбитражном процессах ставит участников хозяйственного оборота в неравные условия при доказывании своей позиции в суде, как по поводу нарушенного права, так и в отношении самого нарушения. Причиной является наличие субъективизма в оценке, что недопустимо. Одним из последствий этого является существенное отличие реальных и номинальных убытков, возникших у конкретного предпринимателя.

Процесс доказывания причинной связи усложняется тем, что юридические лица редко работают только с одним контрагентом - должником. Поэтому для установления причинной связи нужно вычленил относимые к предмету доказывания взаимоотношения между кредитором и должником из целого ряда других подобных им отношений, что является практически весьма нелегкой задачей.

По характеру представленных доказательств бывает трудно решить, мог ли кредитор своевременно выполнить свои обязательства при надлежащем исполнении должником своих обязательств. На практике нередко случается, что при наличии самого факта невыполнения должником своих обязательств причинами возникновения убытков кредитора могут являться совершенно иные основания. Только всесторонне рассмотрев причины убытков, разграничив те, которые связаны с поведением должника, от иных, можно определить существенность причинной связи. Вопрос рассматривается применительно к конкретному спору с учетом его характера, сущности нарушения обязательств должником и экономических последствий для кредитора данного нарушения.

Наглядным подтверждением этому служит следующий пример из практики. Президиум Высшего Арбитражного Суда РФ рассмотрел иск о взыскании убытков в виде упущенной выгоды от сделок с ценными бумагами. Истец обосновал иск тем, что банк (ответчик) в предусмотренный векселями срок не выплатил ему вексельные суммы и истец не смог на них приобрести государственные краткосрочные бескупонные облигации. В качестве доказательств, сделанных с целью приготовлений, истец представил договор на брокерское обслуживание на рынке ГКО. Суд указал, что заключение этого договора не доказывает причинной связи между неполучением вексельной суммы и убытками в виде упущенной выгоды в размере среднего банковского процента от вексельной суммы [10].

Фактически причиненные убытки оказались не возмещенными. Пострадал добросовестный кредитор.

Как правило, суды применяют меры ответственности в виде возмещения убытков только при наличии прямой причинной связи между поведением должника и убытками. Представляется правильным рекомендовать правоприменительной практике в сфере предпринимательских отношений бремя доказывания иных причин возникновения убытков возлагать не на истца, а на ответчика. Возложение на должника обязанности по доказыванию наличия иных причин возникновения убытков у кредитора будет являться для него способом защиты прав.

В условиях развивающегося рынка, при смене многих действующих ранее принципов, в том числе отказе от объективной истины в судебном процессе, презюмирование подлинности доказательств, представленных должником и возложение на должника обязанности по доказыванию их ущербности путем установления иных причин возникновения убытков, послужит дополнительным вариантом решения проблемы возмещения убытков. Сокращение количества неисполненных обязанностей приведет к сокращению не только неплатежей, но и ситуаций, в которых встает вопрос о возмещении убытков.

Следует признать, что пришло время и в российском праве для смены акцентов в концепции гражданской ответственности. Основное значение следует придавать не санкции, применяемой к виновному лицу, а праву потерпевшего на получение возмещения. Появление п. 3 в ст. 401 ГК РФ является первым признаком такой возможности и подтверждением обоснованности предложенного кардинального изменения порядка доказывания причинной связи между поведением должника и наступившими убытками. Как известно, гражданское законодательство различает две формы вины: умысел и неосторожность. Умысел характеризуется тем, что лицо сознательно избирает противоправный вариант своего поведения, заведомо зная, что нарушает этим интересы другой стороны. Вина в форме неосторожности проявляется, когда лицо либо не предвидело последствий своего противоправного поведения, хотя и обязано было их предвидеть, либо предвидело, но легкомысленно надеялось их предотвратить [11].

Часть 2 ст. 547 ГК РФ предусматривает, что если в результате регулирования режима потребления энергии, осуществленного на основании закона или иных правовых актов, допущен перерыв в подаче энергии абоненту, энергоснабжающая организация несет ответственность за неисполнение или ненадлежащее исполнение договорных обязательств при наличии ее вины. В договоре может быть предусмотрено, например, осво-

бождение от ответственности за неосторожное нарушение обязательства. Стороны в договоре не могут устанавливать иные правила, если принцип ответственности за вину предусмотрен императивной нормой законодательства. Зависимость размера ответственности должника от действий кредитора предусмотрена ч.1 ст. 401 ГК РФ, отражающей, что если неисполнение или ненадлежащее исполнение обязательства произошло по вине обеих сторон, суд соответственно уменьшает размер ответственности должника.

Доказать наличие вины кредитора (в том числе и при осуществлении последним предпринимательской деятельности) как основания ограничения или неприменения к нему меры ответственности в виде взыскания убытков обязан должник. Следовательно, можно освободить кредитора от доказывания наличия причинной связи между возникшими убытками и поведением должника.

На размер ответственности по возмещению убытков форма вины должника, как правило, не оказывает влияние. Убытки подлежат возмещению в полном объеме и в случаях причинения их в результате неосторожного поведения.

Суд распределяет убытки, возникшие у кредитора, с учетом степени вины сторон обязательства. В соответствии с договором купли-продажи между АООТ «Конпрок» (поставщик, ответчик) и ТОО «Многоотраслевая компания ЭкоС» (покупатель, истец), последнее перечислило третьему лицу - ТОО «Ресурс-Контракт» - 1 200 000 р. в качестве предварительной оплаты за поставку сахара. Поставщик свое обязательство не выполнил и уплаченные покупателем за товар деньги не вернул. АООТ «Конпрок», обнаружив отсутствие у ТОО «Ресурс-Контракт» партии сахара, предприняло меры по предотвращению зачисления на счет товарищества поступивших в банк получателя 1 200 000 р. и возвращению их на счет плательщика (покупателя). По указанию истца эта сумма была зачислена на счет получателя, а затем вскоре снята со счета руководителем ТОО, в отношении которого возбуждено уголовное дело. Таким образом, убытки возникли по вине и ответчика, и истца. В соответствии со ст. 404 ГК РФ, с учетом степени вины истца в неисполнении обязательств, взысканная кассационной инстанцией в его пользу сумма процентов за пользование чужими денежными средствами уменьшена на 75 % [12].

Если форма вины, по общему правилу, не влияет на размер возмещения убытков, то степень вины сторон имеет существенное значение при установлении смешанной ответственности и допускает уменьшение ответственности причинителя убытков. Кроме того, законодательство предусматривает освобождение должника от возмещения убытков, если нарушение обязательства произошло в результате действия непреодолимой силы.

Под непреодолимой силой ст. 401 ГК РФ понимает чрезвычайные и непредотвратимые при данных условиях обстоятельства: стихийные природные явления (землетрясения, наводнения, пожары, тайфуны, резкие температурные колебания, вызвавшие гибель урожая и т.п.) или некоторые обстоятельства общественной жизни (военные действия, эпидемии, национальные и отраслевые забастовки и т.д.). В силу ч.3 ст. 401 ГК РФ к обстоятельствам непреодолимой силы не относятся, в частности, нарушение обязанностей со стороны контрагентов должника, отсутствие на рынке нужных для исполнения товаров, отсутствие у должника необходимых денежных средств.

Закон предусматривает и иные основания освобождения должника от ответственно-

сти. Например, ст. 120 Воздушного кодекса РФ устанавливает, что за просрочку доставки пассажира, багажа или груза в пункт назначения перевозчик несет ответственность в виде штрафа в размере 25 % минимального размера оплаты труда за каждый час просрочки, но не более чем 50 % провозной платы, если не докажет, что просрочка имела место вследствие непреодолимой силы, устранения неисправности воздушного судна, угрожающей жизни или здоровью пассажиров воздушного судна, либо иных обстоятельств, не зависящих от перевозчика.

При наступлении обстоятельства, влекущего невозможность его исполнения (юридическую или фактическую), если ни одна из сторон не отвечает за наступившую невозможность исполнения обязательства, оно прекращается (ст. 416 ГК РФ). Однако, если за наступившую невозможность исполнения отвечает должник, обязательство не прекращается, а изменяется. В силу ч. 1 ст. 405 ГК РФ должник, просрочивший исполнение, отвечает перед кредитором за убытки, причиненные просрочкой, и за последствия случайно наступившей во время просрочки невозможности исполнения. При этом он должен доказать наличие обстоятельств, вызвавших невозможность исполнения, за которые не отвечает. Если невозможность исполнения возникла по вине кредитора, должник вправе требовать от кредитора на общих основаниях возмещения причиненных ему убытков. В денежных обязательствах невозможность исполнения исключается.

В качестве примера наступившей невиновной невозможности исполнения обязательств сошлемся на постановление Президиума Высшего Арбитражного Суда РФ от 11 марта 1997 г. №7522/95. Согласно договору от 25 мая 1994 г., КАПО им. С.П. Горбунова обязалось изготовить и поставить в IV квартале 1994 г. самолет Ил-62М в варианте «Салон», а ГТК «Россия» - принять изготовленную продукцию, произведя поставщику в июне 1994 г. авансовый платеж в размере 80 процентов стоимости самолета для приобретения двигателей и комплектующих изделий. Однако в августе 1994 г. Председателем Правительства РФ принято решение о нецелесообразности изготовления самолета Ил-62М в варианте «Салон». Поэтому данные работы не были профинансированы бюджетом и соответственно заказчик (ответчик) не выплатил аванс на закупку комплектующих изделий.

Президиум Высшего Арбитражного Суда РФ указал, что невозможность исполнения ответчиком обязательств явилась следствием не выделения ему бюджетного финансирования. Поэтому договорные обязательства следует считать прекращенными с 31 августа 1994 г. [13], а в иске об одностороннем расторжении договора и возмещении убытков - отказать. Такой подход правоприменительной практики позволяет безнаказанно не исполнять обязательства.

Особо следует отметить возможность применения повышенной ответственности. Законом предусмотрены случаи повышенной ответственности, когда она возлагается даже и в случае действия непреодолимой силы. В части 1 ст. 118 Воздушного кодекса РФ, приведенной ранее в качестве примера законодательного закрепления полного возмещения убытков, причиненных неосторожным поведением, отражено, что единственным основанием для освобождения перевозчика от ответственности за утрату, недостачу или повреждение (порчу) багажа или груза после принятия их к воздушной перевозке и до выдачи грузополучателю или до передачи их согласно установленным правилам

другому гражданину или юридическому лицу является доказательство того, что им были приняты все необходимые меры по предотвращению причинения вреда или такие меры невозможно было принять.

В силу ст. 403 ГК РФ должник отвечает за неисполнение или ненадлежащее исполнение обязательства третьими лицами, на которых было возложено исполнение, если законом не установлено, что ответственность несет являющееся непосредственным исполнителем третье лицо. Должник, несущий ответственность за действия третьих лиц, вправе предъявить к ним регрессное требование, которым может являться иск о возмещении причиненных убытков или при предъявлении к нему первоначального требования может просить суд о привлечении третьих лиц к участию в процессе и возложении на них ответственности при наличии их вины в неисполнении обязательства [14]. Возложение исполнения на третьих лиц возможно, например, в силу наличия у должника права давать обязательные для исполнения указания третьим лицам (в частности, дочернему обществу - п.2 ст.105 ГК РФ).

Законодательством может быть предусмотрено, что ответственность несет непосредственно третье лицо - исполнитель обязательства (прямая ответственность). По договору лизинга арендатор вправе заявлять требования, вытекающие из договора купли-продажи, третьему лицу (продавцу), а не лизингодателю (ст. 670 ГК РФ). Опираясь на это законодательно закрепленное правило, представляется обоснованным не только привлекать в качестве третьих лиц государственные органы, виновные в причинении убытков участнику предпринимательской деятельности, но и закрепить возможность взыскания с третьего лица - непосредственного причинителя убытков, налоговых платежей со штрафными санкциями, закрепив это правило в налоговом и гражданском законодательстве.

В предмет доказывания для потерпевшей стороны входят по искам о возмещении убытков, как уже указывалось выше, обстоятельства, подтверждающие принятие мер к предотвращению или уменьшению убытков. Часть 1 ст. 404 ГК РФ устанавливает, что суд также вправе уменьшить размер ответственности должника, если кредитор умышленно или по неосторожности содействовал увеличению размера убытков, причиненных неисполнением или ненадлежащим исполнением, либо не принял разумных мер к их уменьшению. В данном случае предполагается, что нарушение обязательств произошло по вине должника (а не обеих сторон), но кредитор виновным поведением содействовал увеличению убытков или не принял необходимых мер к их уменьшению. Представляется, что такая формулировка материального права создает проблемы по доказыванию обозначенных условий и препятствует возмещению убытков и восстановлению имущественного положения добросовестного кредитора. Вопрос о снижении предъявленного кредитором по взысканию размера заранее оцененных убытков должен опровергнуть должник. Если он не докажет обратного, убытки представляется обоснованным взыскивать в размере, заявленном кредитором и отраженном в договоре.

Для возмещения убытков характерно, что правонарушитель уплачивает деньги или предоставляет какое-либо имущество потерпевшему. В силу этого возмещение всегда носит имущественный характер, и тем самым отличается от ответственности в сфере личных неимущественных отношений.

Возмещение убытков характеризуется тем, что имущество из хозяйственной сферы одного участника гражданского оборота (правонарушителя) передается другому участнику хозяйственного оборота (потерпевшему). Возмещение убытков представляет собой ответственность одного участника гражданского правоотношения перед другими участниками. Эта форма ответственности отличается от тех форм, которые связаны с лишением правонарушителя принадлежащего ему гражданского права, например, в случае взыскания в доход государства всего полученного по сделке, совершенной с целью, противной основам правопорядка и нравственности [15] (если рассматривать эту санкцию как форму ответственности).

Таким образом, рассматривая возмещение убытков как меру ответственности, можно выделить следующие, характерные для данной меры, особенности:

1) убытки являются общей мерой ответственности, возмещение убытков применяется при любых нарушениях обязательств;

2) это максимальная по размеру мера ответственности (размер не может быть снижен судом при доказанности);

3) возмещение убытков всегда носит имущественный характер: имущество из сферы одного участника хозяйственного оборота переходит в имущественную сферу другого участника;

4) взыскание убытков происходит во всех случаях, независимо от того, предусмотрено ли это законом, иным правовым актом или договором;

5) убытки взыскиваются в результате нарушения обязательства при наличии отрицательных последствий в имущественной сфере потерпевшего и выражены в виде реального ущерба и упущенной выгоды;

6) убытки подлежат возмещению в полном объеме, если иное не установлено договором или законом.

Вместе с тем следует отметить еще одно правило: возмещению подлежат лишь прямые убытки, которые несет потерпевшая сторона в гражданском обороте. Косвенные убытки, напрямую не связанные с последствиями нарушения данного обязательства, не взыскиваются, хотя существуют объективно как убытки в хозяйственной деятельности кредитора. Отсутствие возможности взыскания таких убытков противоречит общим принципам конкуренции в условиях рынка и подвергнуто критике автором в других работах с одновременным внесением предложения по изменению налогового законодательства и порядка применения института убытков в рамках действующего Гражданского кодекса РФ.

Для реализации принципа полного возмещения убытков в законодательстве установлены правила, регулирующие порядок и способы определения убытков и их доказывания. Эти правила содержатся в следующих нормах ГК: ст. 393, регламентирующей цены на товары (работы, услуги), используемые для исчисления убытков в привязке к месту и времени исполнения обязательства; ст.394, определяющей соотношение размера убытков и неустойки; ст.395 ГК РФ, отражающей соотношение размера процентов и убытков за неправомерное пользование чужими денежными средствами; ст. 396, регулиющей соотношение возмещения убытков с требованиями об исполнении обязательства в натуре; ст.1082, 1085, содержащих нормы о размере возмещения внедого-

ворного вреда, а также объеме и характере возмещения вреда, причиненного повреждением здоровья. Размер подлежащих возмещению убытков во многом зависит от того, какие цены положены в основу их расчета.

Оптимистичным примером возможности доказать наличие убытков и добиться их взыскания в полном объеме является следующее дело, подготовленное и проведенное автором в 2002 году.

1 марта 2000 года был заключен договор № Т – 1401 между Государственным предприятием Госхозом «Пригородный» и МП Курганские тепловые сети, ОАО «Курганэнерго» на пользование тепловой энергией в горячей воде. В связи с невыполнением данного договора ответчиком Государственному предприятию Госхоз «Пригородный» были нанесены убытки следующими действиями, вернее, бездействием.

В ночь с 2.04.2002г. на 3.04.2002 г. при температуре наружного воздуха минус 18,3⁰С , температура входящей (подающей) сетевой воды на коллекторах станции согласно показаниям теплосчетчика, допущенного в установленном порядке к эксплуатации, была 51.2⁰ – 53.1⁰С , в то время как температурным графиком предусмотрена подача сетевой воды 70⁰С. Из-за низкой температуры теплоносителя, в теплицах температура упала до -1⁰С. В результате понижения температуры 13577 шт. растений погибло, а на площади в 35000 м² растения подверглись различным заболеваниям.

Вина ответчика ОАО «Курганэнерго» состояла в нарушении п.1 ст. 542 ГК РФ (качество подаваемой энергоснабжающей организацией энергии должно соответствовать требованиям, установленным государственными стандартами и иными обязательными правилами или договором), и пункта 2.1.2 договора Т - №1401, согласно которому «Энергоснабжающая организация» обязана поддерживать среднесуточную температуру подающей сетевой воды в соответствии с утвержденным графиком, явившемся причиной возникновения у истца ущерба.

В данном случае имелись реальные прямые убытки, а именно: затраты на семена, удобрения, заработную плату, амортизационные отчисления, затраты на электроэнергию и теплоэнергию. Ответчик ОАО «Курганэнерго» иск не признал.

До подачи искового заявления в суд Госхозом «Пригородный» был соблюден досудебный порядок урегулирования споров, предусмотренный п.10 договора №Т-1401 от 1.03.2000 г.

Энергоснабжающая организация была надлежащим образом уведомлена о происшедшем (телефонограмма №31 от 3.04.2002г. 8-50 час.) с просьбой направить своего представителя для определения нанесенного ущерба, однако представитель не явился.

Кроме того, факт обращения истца к ответчику по урегулированию данного вопроса подтверждался письмом директора КТС ОАО «Курганэнерго» Кошмар Б.А. от 07.05.2002г. исх. №466, в котором тот заверял, что возглавляемое им предприятие не виновно и не несет ответственности по нанесенному ущербу Госхозу «Пригородный» в результате некачественного теплоснабжения в ночь с 2 на 3 апреля 2000 г.

Доводы ответчика о том, что претензии в их адрес являются необоснованными, так как Акт причиненного ущерба составлен без их участия, во внимание приняты не были на основании того, что ни договором энергоснабжения №Т-1401 от 1.03.2000 г., ни действующими нормативными актами не предусмотрен вызов представителя другой

стороны для определения ущерба, причиненного некачественной подачей энергоснабжения. Но истец и это сделал, пригласив ответчика для его составления.

Со стороны Государственного предприятия Госхоза «Пригородный» было сделано все возможное и практически невозможное для предотвращения ущерба. В теплицах каждую ночь велось дежурство. В обязанность дежурных входил обход теплиц, слежение за температурой в теплицах. В ночь с 2 на 3 апреля 2002г., после очередного обхода, дежурный, увидев понижение температуры для предупреждения замерзания растений подключил находящиеся в теплицах электрокалориферы, но растения уже были подзаморожены, т.к., согласно пояснениям специалистов, для замерзания достаточно 15 минут. Даже если бы дежурный совершал обход всю ночь без перерыва, он смог бы посетить вновь ту же теплицу только через 1 час, исходя из их общего количества. Будучи заранее поставлен в известность энергоснабжающей организацией о каких-либо неполадках и недостаточности мощностей у нее в непредвиденных погодных условиях и связи с этим предполагаемым понижением подаваемой (входящей) сетевой воды на коллекторах станции в отличие от предусмотренной графиком (п.2.1.2), истец мог бы включить резервные источники тепла и избежать убытков. В данном случае оснований для включения резервных источников у истца не имелось.

О нанесенном материальном ущербе Госхозу «Пригородный» в ночь с 2 по 3 апреля 2002г. был составлен акт. Ущерб составил 465148 руб. 02 коп.

Кроме сотрудников Госхоза «Пригородный» в определении нанесенного ущерба участвовали главный специалист Департамента сельского хозяйства и продовольствия Курганской области Резниченко А.Д., ведущий научный сотрудник КНИИСХ кандидат с/х наук Цимбаленко И.Н., исполняющая обязанности заведующей лаборатории ФРУ «Федеральной государственной станции защиты растений в Курганской области» Кривошекова Л.В.

Нанесенный материальный ущерб был определен следующим образом:

общая сумма всех понесенных затрат на выращивание рассады	:	количество выращенной рассады	=	себестоимость одного растения
---	---	-------------------------------	---	-------------------------------

себестоимость одного растения	x	количество погибших растений	=	сумма всех понесенных затрат на выращивание погибших растений,
-------------------------------	---	------------------------------	---	--

в денежном выражении: 2 998 187 руб. : 87 500 шт. = 34 руб. 26 коп.

34 руб. 26 коп. x 13 577 шт. = 465 148 руб. 02 коп.

Сумма всех понесенных затрат, а значит и убытков, подтверждена письменными доказательствами:

1. Затраты на заработную плату - нарядами (85 нарядов) на сдельную работу, в которых отражено какая работа выполнялась, количество произведенных работ, стоимость работ - всего на сумму 100353 руб.;

2. Отчисления на заработную плату – расчетом произведенных отчислений, уведомлением о льготных страховых взносах – всего на сумму 27 898 руб.;

3. Затраты на семена – расчетом о необходимом количестве семян, счетом – факту-

рой № 257 от 12.0.2001г. о приобретении 6 кг (90 000 шт.) семян огурцов на сумму 93 тыс. руб., внутренней накладной от 26.12.01г. б/н о расходовании этих семян;

4. Затраты на удобрения - накладными на внутреннее перемещение и счетами-фактурами (составлены реестры к накладным и счетом-фактурам) – всего на сумму 45 056 руб.;

5. Затраты на опил – счетом - фактурой № 282 от 11.07.01 о приобретении 1 м³ на сумму 17 400 руб., накладной на внутреннее перемещение от декабря 2001г.;

6. Затраты на амортизацию - расчетом амортизационных отчислений по госхозу «Пригородный», счет затрат на огурцы на сумму 170316 руб.;

7. Затраты на электроэнергию – отчетами по электроэнергии счетами-фактурами – всего на сумму 122 944 руб.;

8. Затраты на теплоэнергию – отчетами по теплоэнергии, счетами-фактурами – всего на сумму 122 944 руб.

Количество выращенной рассады - 87 000 штук - было подтверждено накладными на внутреннее перемещение при рассадке огурцов в грунт.

Количество погибших растений было зафиксировано составленным коллегиально с участием представителей компетентных организаций актом от 04.04.2002 г., погибло 13 577 шт. растений.

Таким образом, в силу ч.1 ст. 393 ГК РФ должник обязан возместить кредитору убытки, причиненные ненадлежащим исполнением обязательств. Реальными прямыми убытками являлись затраты на семена, удобрения, заработную плату, амортизационные отчисления, затраты на электроэнергию и теплоэнергию.

Факт нарушения обязательств заключался в нарушении п.2.1.2 договора Т №1401 – среднесуточная температура подающей сетевой воды, предусмотренная утвержденным графиком, не была поддержана.

Согласно п.2 ст. 401 ГК РФ, отсутствие своей вины должен доказывать ответчик, что им сделано не было, т.к. речь идет о предпринимательской деятельности, направленной на извлечение истцом прибыли, которую в данном случае ответчик обязан возместить как убытки независимо от вины.

Причинная связь между этим нарушением и возникновением убытков была выражена в том, что именно низкая температура явилась причиной их возникновения, что подтверждалось комиссионным заключением специалистов (акт от 4.04.2002г). Иные причины гибели растений отсутствовали, ответчиком не приводились и не доказывались. Следовательно, именно необоснованное и незаконное понижение температуры подающей сетевой воды энергоснабжающей организацией привело к гибели растений.

Третьим необходимым и достаточным условием для взыскания убытков в данном случае являлась доказанность их размера. У сторон не имелось спора по этому вопросу. Размер убытков был полностью доказан первичными документами и комиссионным заключением незаинтересованных специалистов.

Согласно ст. 309 ГК РФ, обязательства должны исполняться надлежащим образом в соответствии с условиями обязательства и требованиями закона.

В силу ч.1 ст. 393 ГК РФ должник обязан возместить кредитору убытки, причиненные ненадлежащим исполнением обязательств.

Статья 547 ГК РФ указывает, что в случаях неисполнения или ненадлежащего исполнения обязательств по договору энергоснабжения сторона, нарушившая обязательство, обязана возместить причиненный этим реальный ущерб (пункт 2 ст. 15 ГК РФ). В силу ч.1 ст.15 ГК РФ истец воспользовался своим правом требовать полного возмещения убытков, являющимся важнейшим принципом гражданского права.

Решением Арбитражного суда от 29.08.02 по делу № А34-186/02-С7 в составе председательствующего Колташевой Т.П., рассмотревшего в судебном заседании дело по иску Госхоза «Пригородный» к ОАО «Курганэнерго», МП «Курганские городские тепловые сети» о взыскании убытков в размере 465 148 руб. 02 коп. иск был удовлетворен в полном объеме.

Апелляционная инстанция того же суда данное решение оставила без изменения, апелляционную жалобу ответчика без удовлетворения.

Положительный финал этого конкретного дела был обеспечен хорошо подготовленной доказательственной базой. Истец предоставил в обоснование расчета размера убытков множество необходимых документов. Справедливость восторжествовала. Недобросовестно исполняющий свои обязательства должник был наказан материально. Но, к большому сожалению добросовестных кредиторов, такая практика на сегодняшний день является больше исключением, чем правилом. Очень трудно доказать все четыре составляющих основания для взыскания убытков, но при квалифицированной помощи грамотного адвоката суд не сможет вам отказать.

Весьма проблематичным при рассмотрении вопросов возмещения убытков как меры ответственности остается вопрос о том, как должен поступить суд, когда истец (кредитор) доказал, что нарушением обязательства должником ему были причинены убытки, но документально он не подтвердил их размер. Бремя доказывания размера убытков возложено на кредитора. В данной ситуации целесообразно применять содержащееся в Принципах международных коммерческих договоров правило: «Если сумма убытков не может быть установлена с достаточной степенью достоверности (определенности), суд, вместо того, чтобы отказать в возмещении или присудить возмещение номинальных убытков, вправе определить справедливый размер понесенного ущерба» [16]. Легальные основания в нашем законодательстве для аналогичных действий судов отсутствуют, хотя развитие рыночных отношения настоятельно требует его введения.

При наличии на то указаний в законе или соглашении сторон право на возмещение убытков может носить альтернативный характер. Так, п.3 ст.73 ГК РФ предоставляет полному товариществу в случаях, когда его участник совершает от собственного имени и в своем интересе или интересе третьего лица сделки, однородные с теми, которые составляют предмет деятельности товарищества, право предъявить такому участнику требования либо о возмещении убытков, либо о передаче товариществу всей приобретенной по сделке выгоды.

Список литературы

- 1.Кулагин М.И. Избранные труды. М., 1997. С. 280.*
- 2.Там же. С. 282*
- 3.Цит. по: Кулагин М.И. Избранные труды. М.,1997. С. 282.*

4. Там же. С. 282.
5. Гражданское право: Учебник. Ч.1/ Под ред. А.П. Сергеева, Ю.К. Толстого. С. 526-527.
6. Подробно см.: Кофман В.И. Границы юридически-значимого причинения// Правоведение. 1960. С.3.
7. См.: Советское гражданское право: В 2 т. Т. 1/ Под ред. О.А.Красавчикова. М.: Высшая школа, 1968. С.488.
8. Шор Л.М. Как возместить убытки: Пособие. С. 9.
9. См.: Тархов В.А. Ответственность по советскому гражданскому праву. Саратов, 1972. Иоффе О.С. Обязательственное право. М., 1975. Иоффе О.С., Шаргородский М.Д. Вопросы теории права. М., 1961. Лейст О.Э. Санкции в советском праве. М., 1962. Братусь С.Н. Юридическая ответственность и законность. М., 1976 Самоценко И.С., Фарукишин М.Х. Ответственность по советскому законодательству. М., 1971.
10. Вестник Высшего Арбитражного Суда РФ. 1996. №12. С.86.
11. Гражданское право: Учебник. Ч. 1/Под ред. Ю.К. Толстого, А.П. Сергеева. С. 485.
12. Постановление Президиума Высшего Арбитражного Суда РФ от 15 июля 1997г. №2334/96. Документ опубликован не был. См.: ИПС «Консультант Плюс. Проф».
13. Вестник Высшего Арбитражного Суда РФ. 1997. № 6. С. 62-63.
14. Комментарий к Гражданскому кодексу Российской Федерации части первой (постатейный)/ Под ред. О.Н. Садикова. С. 396.
15. Гражданское право: Учебник. Ч. 1 /Под ред. Ю.К. Толстого, А.П.Сергеева. С.552.
16. Принципы международных коммерческих договоров/Пер. с англ. А.С. Комарова. М., 1996. С. 229.

СОДЕРЖАНИЕ

РАЗДЕЛ 1. ТЕОРИЯ И ИСТОРИЯ ГОСУДАРСТВА И ПРАВА

Шабуров А.С.

ГОСУДАРСТВЕННОСТЬ КАК ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКОЕ ЯВЛЕНИЕ И НАУЧНО-ТЕОРЕТИЧЕСКАЯ КАТЕГОРИЯ ГОСУДАРСТВОВЕДЕНИЯ	3
--	---

Жайкбаев Ж.С.

СУДЕБНЫЙ НОРМОКОНТРОЛЬ В ОБЕСПЕЧЕНИИ СООТВЕТСТВИЯ НОРМАТИВНЫХ ПРАВОВЫХ АКТОВ СУБЪЕКТОВ ФЕДЕРАЦИИ ФЕДЕРАЛЬНОМУ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВУ	13
--	----

Битюков А.Г.

ЗАКОНОДАТЕЛЬНОЕ ЗАКРЕПЛЕНИЕ СОСЛОВНОГО СТАТУСА ГИЛЬДЕЙСКОГО КУПЕЧЕСТВА РОССИИ В XVIII-ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XIX В	18
---	----

Возутович О.А.

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ РОССИЙСКОГО ПРАВОСОЗНАНИЯ	26
---	----

Гоголев И.Б.

САМОВОСПИТАНИЕ КАК НАПРАВЛЕНИЕ ЛИЧНОГО СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ БУДУЩИХ ОФИЦЕРОВ (В СВЕТЕ ПРОБЛЕМ УКРЕПЛЕНИЯ РОССИЙСКОЙ ГОСУДАРСТВЕННОСТИ)	29
---	----

Кишкин О.В.

О СООТНОШЕНИИ ПОНЯТИЙ «ГОСУДАРСТВЕННЫЙ МЕХАНИЗМ» И «ГОСУДАРСТВЕННЫЙ АППАРАТ»	35
---	----

Кишкин О.В.

ДВОРЯНСТВО И ЕГО СОСЛОВНЫЕ ОРГАНЫ В МЕХАНИЗМЕ ОСУЩЕСТВЛЕНИЯ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ВЛАСТИ (1800-1864 ГГ.)	38
--	----

Полетухин Ю.А.

ПРАВОВЫЕ ВОЗЗРЕНИЯ КЛОДА АДРИАНА ГЕЛЬВЕЦИЯ	43
--	----

Скиндерев Р.В.

ОБЪЕКТИВНАЯ И СУБЪЕКТИВНАЯ ОБУСЛОВЛЕННОСТЬ ПРАВА ПОЛИТИЧЕСКОЙ СФЕРОЙ	50
---	----

Харламов И.П.

СТРУКТУРНЫЕ ЭЛЕМЕНТЫ ОБЩЕСТВА И ПРАВА В КОНСТИТУЦИОННОМ РАЗВИТИИ ГОСУДАРСТВА (ИСТОРИКО-ПРАВОВОЙ АСПЕКТ)	55
--	----

Юнусов А.А.

ОБЕСПЕЧЕНИЕ ПРАВ И СВОБОД ЧЕЛОВЕКА И ГРАЖДАНИНА В СТРАНАХ С АНГЛОСАКСОНСКОЙ ПРАВОВОЙ СИСТЕМОЙ	64
--	----

Юнусов М.А.

ПРАВА И ОБЯЗАННОСТИ ЧЕЛОВЕКА И ГРАЖДАНИНА В СТРАНАХ РОМАНО-ГЕРМАНСКОЙ ПРАВОВОЙ СЕМЬИ	68
---	----

Юнусов Э.А.

ПРАВА И ОБЯЗАННОСТИ ЧЕЛОВЕКА В МУСУЛЬМАНСКОМ ПРАВЕ	73
--	----

РАЗДЕЛ 2. ГОСУДАРСТВЕННО-ПРАВОВЫЕ ДИСЦИПЛИНЫ

Бакарджиев Я.В.

ЮРИДИЧЕСКАЯ ПОЛИТИКА КАК ОСНОВА УКРЕПЛЕНИЯ
РОССИЙСКОЙ ГОСУДАРСТВЕННОСТИ 78

Глебов А.Н.

ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО О СЕЛЬХОЗНАЛОГЕ В ПЕРИОД СПЛОШНОЙ
КОЛЛЕКТИВИЗАЦИИ 1930-1932ГГ. (НА МАТЕРИАЛАХ УРАЛА) 81

Данилов Н.Ф.

ИЗБИРАТЕЛЬНОЕ ПРАВО РФ И ЮРИДИЧЕСКИЕ КОЛЛИЗИИ 87

Данилов Н.Ф.

ОСОБЕННОСТИ МУНИЦИПАЛЬНОГО ПРАВОТВОРЧЕСТВА В РОССИИ 90

Кудимова Л.А.

РОЛЬ И МЕСТО РЕГИОНАЛЬНЫХ ОТДЕЛЕНИЙ ПОЛИТИЧЕСКИХ
ПАРТИЙ, ВЫТЕКАЮЩИЕ ИЗ ТРЕБОВАНИЙ ПРОЕКТА ФЗ « О ВЫБОРАХ
ДЕПУТАТОВ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ДУМЫ ФЕДЕРАЛЬНОГО СОБРАНИЯ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ»... 93

Филонова О.И.

СУДЕБНАЯ РЕФОРМА РОССИИ: СОВРЕМЕННЫЕ ПРОБЛЕМЫ И
ИСТОРИЧЕСКИЙ ОПЫТ 1920-Х ГОДОВ 97

Рукавишников Т.А.

РАЗВИТИЕ И СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ ИНСТИТУТА СУДЕБНОЙ
ВЛАСТИ В РОССИИ 102

Асадов А.М.

К ВОПРОСУ О СИСТЕМЕ ИСПОЛНИТЕЛЬНЫХ ОРГАНОВ
ГОСУДАРСТВЕННОЙ ВЛАСТИ ФИНАНСОВОГО КОНТРОЛЯ 105

РАЗДЕЛ 3. УГОЛОВНО-ПРАВОВЫЕ ДИСЦИПЛИНЫ

Брусков П.В.

КРУПНЫЙ РАЗМЕР В НАЛОГОВЫХ ПРЕСТУПЛЕНИЯХ: КРИТЕРИИ И
ПРОБЛЕМЫ ПРИМЕНЕНИЯ 116

Брусков П.В.

УГОЛОВНАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ЗА НАЛОГОВЫЕ ПРЕСТУПЛЕНИЯ.
СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ ПРАВОВЫХ НОРМ 119

Голубева Э.Р.

ПРОБЛЕМЫ ЮВЕНАЛЬНОЙ ЮСТИЦИИ В РОССИИ 123

Петров А.В.

ОРГАНИЗАЦИЯ НАРОДНОЙ МИЛИЦИИ ВРЕМЕННОГО
ПРАВИТЕЛЬСТВА НА УРАЛЕ И В СИБИРИ С ФЕВРАЛЯ ПО
ОКТАБРЬ 1917 ГОДА 124

Предеина Л.В.

СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ДИНАМИКИ ПРЕСТУПНОСТИ
НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ В КУРГАНСКОЙ ОБЛАСТИ ЗА 2002-2005 ГГ.
В СРАВНЕНИИ С ДРУГИМИ РЕГИОНАМИ УРАЛЬСКОГО

ФЕДЕРАЛЬНОГО ОКРУГА	131
<i>Сидорова Н.В.</i>	
ПРАВОВАЯ ПРИРОДА И ХАРАКТЕР ФОРМИРОВАНИЯ ЗАПРЕТА НА ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ПОКАЗАНИЙ БЛИЗКИХ РОДСТВЕННИКОВ В УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ	135
<i>Тарасов Ю.А.</i>	
ПРИНЦИПЫ ГОСУДАРСТВЕННОГО КОНТРОЛЯ ЗА ДЕЯТЕЛЬНОСТЬЮ ОРГАНОВ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ	138
<i>Холодок В.А.</i>	
УГОЛОВНАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ЗА ХУЛИГАНСТВО	143
<i>Шлыгина А.Ю.</i>	
УКРЕПЛЕНИЕ ГОСУДАРСТВЕННОСТИ В ПРАВООХРАНИТЕЛЬНЫХ ОРГАНАХ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ	145

РАЗДЕЛ 4. ГРАЖДАНСКО-ПРАВОВЫЕ ДИСЦИПЛИНЫ

<i>Блохина И. В.</i>	
ЗАЩИТА ИНТЕРЕСОВ КРЕДИТОРОВ ПО НЕДЕНЕЖНЫМ ОБЯЗАТЕЛЬСТВАМ В ДЕЛЕ О БАНКРОТСТВЕ	150
<i>Блохина И.В.</i>	
ПРАВОВОЕ ПОЛОЖЕНИЕ РАБОТНИКОВ В ПРОЦЕДУРАХ БАНКРОТСТВА И В ДЕЛАХ О БАНКРОТСТВЕ	152
<i>Вотинова Т.Ю.</i>	
ПРОБЛЕМЫ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ САМОРЕГУЛИРУЕМЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ И ВОЗМОЖНЫЕ ПУТИ ИХ РЕШЕНИЯ	157
<i>Вотинова Т.Ю.</i>	
НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ ПОРЯДКА ПРЕДСТАВЛЕНИЯ КАНДИДАТУР АРБИТРАЖНЫХ УПРАВЛЯЮЩИХ САМОРЕГУЛИРУЕМЫМИ ОРГАНИЗАЦИЯМИ АРБИТРАЖНЫХ УПРАВЛЯЮЩИХ	159
<i>Либанова С.Э.</i>	
ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКИЙ РИСК И ВОЗМОЖНОСТЬ ВЗЫСКАНИЯ УБЫТКОВ (НОМИНАЛЬНАЯ И РЕАЛЬНАЯ)	162

Научное издание

ПРАВОВЫЕ ПРОБЛЕМЫ УКРЕПЛЕНИЯ РОССИЙСКОЙ ГОСУДАРСТВЕННОСТИ

Сборник научных трудов

Редактор Н.А. Леготина

Подписано к печати	Формат 60*84 1/16	Бумага тип №1
Заказ	Усл. печ. л. 11,125	Уч.-изд. л. 11,125
Печать трафаретная	Тираж 100	Цена свободная

Редакционно-издательский центр КГУ.
640669, г.Курган, ул.Гоголя, 25.
Курганский государственный университет.